

Александр
Кротов

ВЕНХРА

Книга первая
О плохих людях и
странных
обстоятельствах

18+

Александр Михайлович Кротов
Венхра. Книга первая.
О плохих людях и
странных обстоятельствах

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29603648
SelfPub; 2023*

Аннотация

Здесь нет главных героев. Есть только главные злодеи – обычные люди, попавшие в мистические обстоятельства, ломающие привычную реальность. Несколько сюжетных линий упрямо переплетаются в одну и закрепляются в узле, способном выдавить в привычный мир непривычное зло. События, далёкие от справедливости, начинающиеся с робкой попытки заглянуть в бездну потустороннего и заканчивающиеся беспорядочным ужасом. Где есть цена за самые роковые ошибки, где во снах и зазеркалье прячутся настоящие монстры, где твоим соседом может быть кровожадное существо человеческого рода или из далёких миров, навязывающих свои законы выживания.

Содержание

Пролог	4
Часть 1	9
Глава 1	12
Глава 2	22
Глава 3	29
Глава 4	39
Глава 5	43
Глава 6	60
Глава 7	76
Глава 8	98
Часть 2	106
Глава 1	109
Глава 2	120
Глава 3	138
Глава 4	168
Глава 5	203
Конец ознакомительного фрагмента.	211

Александр Кротов

Венхра. Книга первая.

О плохих людях и странных обстоятельствах

Пролог

– Хоть бы солнце здесь какое-нибудь при... приделал! – Бенедикт посчитал нужным в шутливой форме прервать молчание. – Там, в небе, чтобы серость разгоняло. Можно не в самом центре, а у горизонта где-нибудь...

Он чувствовал, что давно освоился в этой обстановке, и на этом основании возомнил, что уже может давать идеи по изменению здешних мест в более визуально привлекательную сторону. Это поле в выцветших тонах, серое небо и мрачный лес вдалеке ему давно надоели.

ПРОЛОГ

– В этом нет моего интереса, – ответил собеседник Бенедикта, будто не без труда вызволяя из себя сухие, скрипучие звуки, достаточно внятно пародируя человеческую речь.

Этот ответ вполне устроил Бенедикта. По крайней мере, в нём не было угрозы или подчинительных мотивов. Уже похоже на настоящий разговор! Почти по душам. Про свою душу Бенедикт не сомневался, но вот есть ли она у его собеседника?

– Да, мне тебя сложно понять! – Бенедикт всё ещё спешил заполнить время своего пребывания здесь ни к чему не обязывающими речами. – У тебя столько возможностей продолжить жизнь... интереснее, а ты тут стоишь сотню лет, ловишь всяких... дурачков...

– Таких, как ты...

– Таких, как я, – Бенедикт не без нотки обиды согласился со словами собеседника.

Нет, он не расстроился, не испугался. Ему просто стало неприятно: зачем так о прошлом напоминать-то...

Конечно, других ответов от создателя здешних мест ожидать было глупо, но Бенья надеялся. Ему так нужны друзья, собеседники, эти простые «привет, как дела», но теперь уже не хотелось ни разговоров, ни эмоций. Дело сделано, значит, впереди ещё много дел. Востребованность – это хорошо, востребованность – это смысл жизни.

– Не лишены слова твои правды, – изрёк творец этих мест.

Бенедикт напрягся: вроде бы и хорошо, что Высший Альбасеттен заговорил с нотками эмоций, почти как человек. Но какие чувства может проявлять трухлявый монстр, вросший в землю огромного безжизненного поля сухой травы, с трудом произрастающей под гнётом серого неба? Не эмоция, а скрип сухостоя. Да и похож этот чёртов инопланетянин был на трухлявый пенёк. Выродок чужеземный.

Вроде бы Бенедикт привык, но это всё равно непросто – общаться с подобием друида и демона со способностями плохого бога. Только служить и бояться. Впрочем, Беня знал немало людей, которые с Высшим Альбасеттеном были во все незнакомы, но всё равно вели себя аналогично: чего-то боялись, прислужничали, таили злобу.

– Я прав? – спросил Бенедикт, захотев продолжения мысли своего собеседника.

– То, что люди называют авантюрой, мне совсем не нравится, – хрипло произнёс Высший Альбасеттен. – Граница к этому месту стирается, защитное пространство истончается, и я теряю силу. И как бы я не был спокоен в таком бездействии, рано или поздно потребуются решительные шаги, чтобы всё изменить...

– Ты думаешь над этим? – спросил Беня.

Он уже начал ругать себя за то, что мог навести хозяина его жизни на эти мысли. Ведь ему самому придётся сделать очень многое, чтобы осуществить любую идею этого совершенно не милого создания. А это всегда риск. И риск может

преподносить на подносе не только шампанское, но и погибель.

Высший Альбасеттен сказал:

– Я сделаю это. Возможно, очень скоро. Насколько позволит изменчивое время...

Настроение Бенедикта испортилось. Он не хотел кардинальных перемен. Тем более предыдущая и единственная пока попытка вызволить из Безвременья это старое скрипучее существо закончилась крайне неудачно. Хорошо, что Бенья тогда в этом не участвовал. Но теперь чем чёрт не шутит. Он, иногда, но всё-таки шутит.

Часть 1

1 ЧАСТЬ

Глава 1

Длинный, узкий коридор. Обшарпанные стены с отваливающейся грязно-синей краской. Несколько дверей квартир. Закопчённый потолок с узорами паутин. На одном конце коридора массивная железная дверь, на другом – окно. Над окном тускло горит лампочка, являясь единственным источником света. Ещё несколько лампочек, бессмысленно свисающих с потолка, давно перегорели, но никто не торопился их заменить.

За окном некомфортная осень роняла в сумерки раннего утра остатки рыжих листьев. В грязь.

Тишина.

У окна стоял человек. Голубоглазый блондин с не запоминающимися чертами лица. Очень худой, бледный, с выпирающими скулами и тёмными кругами под глазами. И погасшим взглядом. В своей застывшей неподвижности он легко вписывался в окружающую мрачность и безмолвие. Зажатая меж двух пальцев сигарета медленно тлела, приближая свой жар к пожелтевшей коже. Пришлось стряхнуть пепел в железную банку, чтобы не обжечься.

В который раз в своей жизни он смотрел сквозь грязное стекло окна, и не видел там абсолютно ничего. Как и не видел в планах своего будущего. Ему было немного холодно, но он знал, что дальше будет хуже – день только начался, впереди

предстоял долгий путь.

Самым главным для него сейчас было лишь то, что ему не грустно. Не одиноко, не тошно от самого себя и всей той обречённости, поселившейся в его душе давно, и, вероятно, навсегда. Ему даже не плохо. Неплохо. Очень даже.

Его взгляд сегодня цеплялся за множество деталей, и парню нравилось замечать всяческие нюансы этого мира вроде вязкого законного сумрака, перед которым в междурамном пространстве застыли рваные паутины, мёртвые мухи, несколько слоёв пыли...

Трещина на стекле. Совсем скоро поползут роскошные зимние узоры...

Одной затяжкой он докурил почти истлевшую сигарету, закурил вторую. И мысли вновь начали потоком кружить в его недавно проснувшемся разуме, и, помимо наблюдений за окружающей обстановкой, он начал возвращаться в свою реальность. В реальность, когда и паутины, и мухи также останутся между стёклами окна, а ему снова придётся уйти.

Внутри себя он говорил с собой, и ему это было очень интересно.

– Человек состоит из одиночества, – вёл он привычную беседу в мире своего одурманенного разума. – Значительно чаще человек говорит сам с собой в своих внутренних диалогах. Больше, чем с кем-либо другим. Сам себя спрашивает, сам себе и отвечает. Наверное, это правильно. Держать ответ за всё в первую очередь перед самим же собой. Своей

же совестью...

Он тяжело вздохнул.

– Сколько всего передумано, перепланировано. Мечты и реальность. Хуже, когда мечтать совершенно не о чем. Когда все цели остались в юности, а в душе поселилась старость. Это как заочно, раньше времени, уйти на пенсию. Остаёшься один со своими мыслями, которые понятны только тебе. И не мысли это, а так, фиксация в уме всего того, что ты видишь. На подоконнике консервная банка с окурками. Чьи-то спички. Кто-то из соседей оставил. Кто-то из них также стоял здесь и курил, думал о чём-то своём. Такие же были у него мысли? Кто знает?

Парень курил медленно. Его настроение начинало становиться хуже. Он медленно «вплывал» в знакомую до боли жизнь.

– Холодно. Всё так же холодно... для чего живёт человек? Чтобы найти своё счастье, свою зону комфорта? Место, где тепло?

Он не заметил, как вслух начал бубнить свои интересные только ему мысли.

– Глупость какая-то. Жизнь дана, а инструкция к ней – нет. Каждый сам для себя что-нибудь да придумает. Кто во что горазд. Это всё только потому, что ради себя жить неинтересно. Наверное.

Он достал устаревший, но ещё исправно работающий кнопочный телефон «Нокия», посмотрел на время. Без пятна-

дцати пять. Тщательно затушив сигарету, он направился к выходу.

– Но каждый также боится опоздать. Что-то не успеть. Пожить, по-нормальному, например...

Преимущество одиночества и разговоров с самим собой в том, что никто не заткнёт твой поток мыслесложений и не укажет, что твоя дешёвая философия всего лишь бред, который ты сам себе выдумал, и в который непоколебимо веришь...

В такие моменты этот жалкий парень пытался возомнить себя героем какого-нибудь арт-хаусного гениального фильма. Но жизнь... эта чёртова реальность...

Жизнь не так художественно симпатична и слажена, как то, что пытаются показать «продвинутые» в своей восприимчивости искусства режиссёры. Лишь отравленный мозг на какое-то время рисует стильные картины времяпрепровождения в одиночестве. Это будто помогает не слиться с общей серостью воедино. А суть остаётся прежней.

До вокзала парень дошёл уже в менее философском состоянии, с привычной пустотой в мыслях. Сел на зелёную электричку с деревянными сиденьями. Доехал в полудрёме, ёжась от холода, до своей станции. Почти два часа пути. Село Гороховецкое.

Парень надеялся, что он успеет приехать ещё до того, как дед проснётся – чем дольше он проспит, тем лучше. Не хотелось лишний раз слушать старческое ворчание...

И вот очередным утром хмурый молодой человек отворил ключом дверь большого деревянного дома. Сбил с ботинок комья грязи, тщательно вытер подошвы. Зашёл в прихожую, разулся, снял куртку. В нос ударил неприятный запах человеческих испражнений.

– Вань, это ты? – послышался немощный голос деда.

– Кто же ещё... – после недолгой паузы дал ответ молодой человек человеку пожилому.

Парень прошёл в комнату, где на кровати у старой печи лежал старик. В большой комнате было два окна, стол, два стула и большое зеркало.

День начинался обыденно. Так же обыденно и по плану, как начинается жизнь.

Давно парень не спрашивал себя – где же я свернул не туда? Ведь этих самых поворотов «не туда» в жизни было очень много. Иногда он своими же ногами брёл не в ту степь, а иногда и сама судьба вела его этими «нетудашными» поворотами.

Но начало вышло скверным не по его воле: детский дом, смех и слёзы, дружба на век, драки за незначительные привилегии, первая любовь – своя жизнь в своих условиях. Потом резко наступившая взрослость. Безболезненная потеря всех друзей из-за отсутствия интереса к ним. Оставался лишь один друг... но основные попытки самореализации прошли без чьего-либо участия.

Семья и карьера. Ничего не задалось. Но стабильность

есть: не престижную работу ещё можно считать относительным успехом, когда нет никаких навыков. Особенно, если в перспективе эта деятельность чревата кое-какими дивидендами.

– Я живой? – спрашивал он иногда сам у себя, и сам же себе отвечал, – живой, и это уже хорошо... наверное.

Оставалось только издалека наблюдать, как твои бывшие друзья погибают, спиваются, садятся в тюрьмы. А кто нашёл место потеплее, тот обрывает все свои прежние связи. И скрывается подальше от некогда знакомых глаз, чтобы хоть на полметра стать ближе к своему яркому солнцу счастья и уюта...

Вот и его единственный друг стал ненадолго ближе к этому солнцу. У него появились деньги. Очень немало денег. Благодаря им и хорошим связям он смог отыскать свою семью. Но он не отвернулся от бедолаги, от старого друга, и... подкинул ему работу. Теперь, каждое раннее утро, вдали от своей уютной комнатушки, выданной государством, приходится убирать говно за дедом. Такая работа.

– И это, наверное, моя жизнь? – иногда парень приходил в себя и задавал себе же этот вопрос, отмывая деда от фекалий.

Но часто воздерживался от ответа.

И этот день уже начинал бесить своей обыденностью из-за размышлений и из-за деда, который не дотерпел до утра.

– Что, дед, опять ночью бродил? – спросил парень, вклю-

чив свет и увидев два перевёрнутых табурета.

– Да, сегодня были неплохие сны!

– Эротические что ли? – парень ещё пытался шутить.

Он набрал в ведро тёплой воды, налил туда дешёвого шампуня, достал туалетную бумагу, полотенце. Снял с деда одеяло, аккуратно повернул старика на бок. Начал снимать с него специальные подгузники для лежачих больных, подстелив пелёнку.

– Чегось? – не расслышал ехидства дед.

– Да так, ничего...

Дед был слепой и частично парализованный. Уже много лет он не мог самостоятельно передвигаться, но ночью, поразительным образом он иногда ходил во сне! Вот такой вот необычный лунатизм. Парень знал, как с этим бороться: вычитал где-то, что если положить мокрый коврик у кровати лунатика, то когда тот встанет на него ногами, то ощутит сырость и проснётся без каких-либо нервных потрясений. Но не помогало. Ещё дед видел яркие сны. Но в реальности слепота обрушилась на него тогда же, когда случилась парализация после инсульта. Осталась полностью рабочей только одна рука.

Здесь, в его доме, оставаться на ночь дед категорически не велел, да и не больно-то и хотелось. Никому не понравится эта мрачная атмосфера большого пустого строения с медленно умирающим и сошедшим с ума пожилым человеком. Комнат насчитывалось четыре, а обитаемыми помещениями

была лишь маленькая кухня да спальня деда.

Дед поделился впечатлениями:

– Сегодня я ходил по осеннему лесу! Собирал грибы, правда, их что-то не было нихрена... нигде...

После прошлых его подобных сновидений в лесу, на ступнях старика было замечено много хвойных иголок, каких-то сухих листьев, травы, ну и мелких порезов. Тогда ему был дан в шутку совет: обувать в такие походы резиновые сапоги. Но, порой, было не до шуток вовсе. Парень не быстро привык ко всем необычностям. Поначалу было жутко, но теперь стало привычнее.

– Там сегодня холодно что-то, – пожаловался дед. – Солнца не было. И деревья такие уже, знаешь, такие неприветливые, жёсткие... не пойду туда больше. По полю бродить лучше. Значительно. И теплее. Так... а солнца там, вроде, никогда и не было...

Дед нёс свою ахинею, а парень поддерживал разговор:

– Конечно, холодно! На улице-то снег скоро выпадет! А твоими жёсткими деревьями оказались две табуретки и чуть не опрокинутый стол!

Парень всё пытался шутить, но ему давно было невесело. И слишком часто ему было попросту страшно. Но он гнал от себя страх своими методами. Видно, с таким же успехом он прогнал из своей жизни и удачу.

– Снег? – искренне удивился дед. – Не было там никакого снега...

На ступнях деда опять была грязь. Немного, но всё же. Сухая земля, одна высохшая травинка. Дом был закрыт, а вокруг дома сырость, лужи. Вот где его черти носили?

Парень одел деда теплее, открыл форточку, побрызгал освежителем воздуха.

Дед сказал:

– Какой неестественный запах у этого дихлофоса! А вот в лесу такой приятный, пряный запах... там хвоей пахнет, прелой листвой...

– Ладно, в следующий раз куплю хвойный освежитель, – сказал молодой человек. – Что есть-то будем?

Есть ему расхотелось, как только он переступил порог этого дома. Но деда надо накормить. Должна придти сельская врачиха, чтобы проведать пенсионера, выписать ещё лекарств и уйти, ничего толкового не сказав. Как всегда. Сколько ещё дед протянет? Лет-то ему уже много, а он чувствует себя очень даже хорошо. Вот, гуляет...

– Почитай мне сначала газеты! – велел дед.

Парень открыл свою сумку, достал несколько газет, купленных вчера на вокзале, и стал читать.

Дед не всегда хотел слушать радио, а телевизор он разбил ещё позапрошлым летом во время своих ночных странствий. Потом как-то поведал о том, что ему неприятно знать, что есть такие вещи, которых он не может увидеть. Что-то злой он был в то время, и слишком часто бродил во сне. А теперь вновь осеннее обострение, новые ночные путешествия,

перемена настроения и всё такое – как констатировала это врачиха.

Она здесь не так давно, до неё тут один мужик ходил, опойного вида, ему вообще всё до фонаря было. А эта только удивляется, какой у старика заботливый внук, что может так с ним нянчиться. Феномен ночных хождений парализованного деда её удивлял не меньше, поэтому она достаточно часто приходила навестить уникального пациента. Но по манерам она так и сформировалась в сознании парня врачихой, хотя это была единственная девушка, с которой он общался последние пару лет.

Но вообще, дед иногда бывал прикольным! Рассказывал о своей молодости, путался, привирал, но очень редко повторялся в своих историях.

Ещё дед много спал. Но в дневное время во сне не ходил. А молодой человек развлекал себя, как мог.

Так проходила мимо его молодость, уже три с половиной года, с редкими выходными. Своё двадцатишестилетие он не так давно встретил в компании деда и своей мрачной философии.

Глава 2

Ирина, без сочувствия, немногословно, в своей манере, ответила на длительный монолог своей подруги:

– Что я тебе на это могу сказать? Сейчас и осень перестала быть комфортной, такое время. Чего уж говорить про людей. Холодает...

Вот уже полтора часа они вели разговор за жизнь посредством сотовой связи. Впрочем, помимо личных встреч, подруги занимались этим достаточно регулярно. На сегодня Ирине уже наскучило общение, и она хотела закончить беседу о муже своей словоохотливой подруги. Больше хотелось спать, чем тихонечко злорадствовать чужим семейным неурядицам. Тем более, за хронологией этих неурядиц она наблюдает не первый год. На этот раз Вера, её подруга, жаловалась на то, что муж к ней охладел и давно не проявляет никаких знаков внимания. Как всегда.

– Вот похудею, посмотрим! – сделала свои выводы Вера Кукушкина. – А ты, такая красивая стройняшка, ну чего вы с Алексеем так разошлись-то? Может, позвонишь ему, поговорите по-нормальному? Не красиво очень.

Вера вновь не деликатно затронула неприятную тему личной жизни Ирины, на ходу сменив предмет разговора. На то они и давние подруги, что бы избегать деликатностей и лишнего лицемерия в общении.

Но Ира не была готова в очередной раз тормозить свои эмоции. Она ответила буднично, с наигранной усталостью:

– Вера, ну это уже давно закрытая для меня тема. И возвращаться к ней не интересно. Давай спать уже, сегодня был тяжёлый день. Покормлю котов и в кроватку.

– Да? – Вера как бы удивилась быстроте течения времени. – Ладно, давай, спокойной ночи! Звони, пиши! Пока-пока!

– Пока, – сказала Ирина и завершила разговор.

Коты были уже накормлены и даже самые прожорливые мирно спали, кто где. Три кошки и два кота. Все стерилизованы и ухожены. Сытые и довольные.

А Ира сидела одна на диване в полумраке своей большой квартиры в самом центре города. Совершенно одинокая. Но не несчастная, как когда-то, а скорее уставшая и разочарованная. Разочарованная в очередной раз. Скучающая по тем временам, когда более сильные и значимые события заставляли трепетать её сердце. Но сейчас положительные эмоции если и случались, то носили оттенок лёгкой заинтересованности, не более. Вся яркость осталась в прошлом. Чаще посещали её душевный быт меланхолия, скука и равнодушие. Ну вот, ещё и разочарование. Тоже вполне знакомое чувство.

Она просидела на диване ещё несколько минут в своём особенном трансе, смотря перед собой в сторону не включаемого уже несколько недель, после ухода Алексея, телевизора. Ненадолго взгляделась в черноту плазменного экрана.

К ней на колени запрыгнул старый кот Тимофей, заставив девушку немного напугаться. Она скинула с колен кота и пошла в ванную комнату умыться и подготавливаться ко сну. Сегодня она хотела увидеть какой-нибудь особенный сон. Мысли об этом немного будоражили её сознание, но опять-таки незначительно. Всё в её жизни было незначительно.

* * *

Ирина познакомилась с Алексеем весной, когда в одиночестве гуляла по парку во время обеденного перерыва на работе. Она просто шла, наслаждалась тёплым днём, улыбалась своим воспоминаниям, связанным с этим парком. Всё то плохое, что было в прошлом и имело в своё время более яркий негативный оттенок, перемешалось в памяти с хорошими событиями тех же времён, и в итоге получившийся коктейль, именуемый ностальгией, стал приносить приятное послевкусие от прожитых когда-то мгновений.

Ирине было тридцать лет, и выглядела она великолепно. Густые, длинные, волнистые, каштановые волосы. Привлекательные черты лица. Стройная фигура – особый предмет зависти её подруги Веры Кукушкиной, которая была её ровесницей, но потеряла всё своё обаяние и эффектную внешность за десятилетие семейных неурядиц.

Все прохожие мужчины обращали на Ирину внимание. Она давно привыкла к похотливым взглядам и попыткам познакомиться. На некоторые попытки даже отвечала взаим-

ностью, как и в тот раз.

Алексей шёл ей навстречу и задолго до того момента, как она заметила его пристальный взгляд, он почувствовал, что просто обязан познакомиться с ней в этот прекрасный день. Раньше он никогда не знакомился с девушками таким образом, но её очарование ослепило его настолько, что в сознании мужчины за короткое время случайной встречи успело укорениться то чувство, которое не позволило ему пройти мимо. Он преградил Ире дорогу и предложил познакомиться.

Его голос дрожал, и мужчина выглядел очень взволнованно. Ирина сразу поняла, что для него это знакомство было настоящим поступком, хоть Алексей, в общем-то, и не выглядел робким молодым человеком. Наоборот, был хорошо сложен, имел решительные черты лица. Его интеллигентность выдавали только очки. Но это было не страшно.

Интерес Ирины к Алексею усилился ещё и после того, когда с её согласия на знакомство, он поведал ей о сегодняшнем самом важном дне в его жизни – сегодня он получил какую-то благодарность за какой-то проект на работе, и тогда это показалось большим событием. Показалось, что парень не дурак. Вторым фактором, влияющим на значимость того тёплого дня на жизнь Алексея, он назвал знакомство с ней.

Они немного прогулялись, Ира опоздала на работу. Они договорились встретиться вечером в этом же парке.

В общем итоге, они и провстречались до осени, пока

Алексей не уличил девушку в измене, которой, фактически, не было. Так же, как и при первой встрече, волнуясь и запинаясь, он говорил ей слова. Только на этот раз это были не слова восхищения, а грязные ругательства, которые он как будто никогда в своей жизни и не произносил до этого случая.

За несколько месяцев отношений их души не нашли родственных связей друг с другом. Впрочем, никто по-настоящему близким человеком для Ирины так и не стал. Даже Верка Кукушкина, единственная подруга ещё со школьных времён, не знала всех подробностей её жизни. А родителям давно было не до неё – после развода они оставили девушке хорошую квартиру, после чего устремились обустраивать личное счастье, каждый в своих новых семьях.

Некоторое время они сожительствовали с Алексеем у неё дома. Уютно вместе им не было, но это было вполне не плохое для обоих время. Мужчина выглядел счастливым, но не переставал упрекать Иру в чёрствости по отношению к нему, ведь сам он был достаточно эмоциональным человеком, а девушка любила тишину.

Упрекал он её часто и не всегда по делу. То, по его мнению, коты прокакали всю квартиру, то готовит она редко и плохо, то с подругой часто видится и вообще не понятно где пропадает, пока он работает.

Последней каплей его не ангельского терпения стал дурацкий случай, когда она с соседом по этажу застряла в лиф-

те, где они просидели немногим более часа. До этого случая они даже не здоровались. Вернее, Ирина его не замечала, ведь не в её поле зрения были женатые мужчины.

В лифте они коротали время за непринуждённым разговором. Вместе поругались на превратности жизненных обстоятельств, заставших их врасплох в доме с современными лифтами. Посетовали друг другу на производственные трудности, каждый в своей профессиональной деятельности. Даже немного обсудили спортивные события последнего времени. А на разговоре о политике их уже начали выводить из лифта. Алексей, узнав об этом случае от неё же, сильно заревновал и сбежал после того, как стал свидетелем их соседской беседы в супермаркете.

Вот такая у Алексея была логика. Ирина никогда его не осуждала и даже пыталась понять. На любую его претензию она реагировала адекватно, принимая к сведению любой укор, но... ничего не делала, чтобы устранить этот негатив. Теплее по отношению к нему она не становилась, готовить чаще и больше она не любила. Количество котов в её доме не убавилось, а наоборот: после ссоры она принесла домой ещё одного котёнка...

В общем, Алексей сказал ей много лишнего, завершив свою тираду словами о том, что он уходит навсегда. На что она спокойно, в своей манере, ответила:

– Уходи.

Мужчин очень раздражало её спокойствие. Им не нрави-

лось быть более эмоциональными на фоне женщины, которая просто не любила шума.

Глава 3

Тамара подошла к мужу и захотела его обнять. Но что-то помешало ей, она почувствовала себя очень неловко. Она уже забыла, когда в последний раз была ласкова с Владимиром. Им обоим это было совершенно не нужно. По крайней мере, так иногда им казалось.

Если раньше Вова всегда был молчаливым, спокойным, беспристрастным, и это являлось нормальным мужским поведением, то теперь его спокойствие выглядело отсутствием полноценного интереса к жизни. И это начинало сильно раздражать. Помимо привычного нежелания дотрагиваться до этой каменной статуи, у Тамары возникло ещё и отвращение. И даже презрение. Ей казалось, что этот родной, по документам, мужчина, терпел, заставлял себя быть сильным, а сам готов был расплакаться коровьими слезами. Эта игра в мужественность ей не нравилась.

Владимир действительно терпел. Терпел её тяжёлый взгляд. Такой, от которого становилось невыносимо. Но он не мог просто взять и попросить сменить этот взор на какой-нибудь другой. Как это вообще, сменить взгляд? Можно сменить интонации голоса, можно изменить причёску, но взгляд. Взгляды на жизнь, обычно, меняются только благодаря какой-нибудь серьёзной неожиданности, какому-нибудь случаю. Это Владимир знал по себе. Ведь когда-то он был

совершенно другим человеком. Но что может случиться с Томой, чтобы она сменила этот оценивающий взор?

Она смотрела так, как смотрят на какую-нибудь вещь, которой пользовался очень долго, но потом решил взглянуть на неё по-новому, с совершенно другой стороны, и вот, после этого появилось чувство: а не обманули ли меня? Стоила ли вообще эта вещь моего внимания? Куда можно отправить свои претензии, сдать её или обменять? Что я получу взамен этой вещи, ведь без неё, вроде бы, никак. Но и с ней уже не так хорошо.

Вова дал такую характеристику её взгляду после того, как увидел этот же самый взгляд в глазах их дочери.

Дочка, Кристина, хорошая девочка двенадцати лет. Учит-ся нормально, но, видимо, и в ней однажды что-то безвозвратно поломалось. Она никогда ни о чём не просила и, тем более, не требовала. Жили они не бедно, но и не купались в роскоши. И вот она начала аккуратно, но с постоянной периодичностью, намекать на то, что её мобильный телефон уже старый, не модный, у девочек в классе уже давно другие телефоны, и так далее...

После того, как Владимира неожиданно сократили на хорошей работе, на прежний уровень жизни они выйти так и не смогли. Мужчине не удалось устроиться на аналогичную по уровню должность. И Кристина это понимала, но всё равно невзначай начинала эти разговоры о телефоне.

Модель была не такая уж и старая, но прогресс не сто-

ял на месте, и фирма, выпускающая телефонные аппараты, радовала своих поклонников новыми моделями с более совершенным функционалом, но... это было фактически то же самое, только более актуальное на данный период времени. Пройдёт ещё год, или меньше, и снова новинка превратится в предмет вчерашнего дня.

И так будет всегда. Сейчас не выгодно вкладывать деньги в развитие науки, в освоение космоса. Значительно больший спрос на развлечения, которые так необходимы людям здесь и сейчас. Не какая-нибудь перспектива открытия новых, пригодных для исследования или жизни планет влечёт среднестатистического обывателя. Ему нужен комфорт и развлечения сегодня. Он живёт один раз, и ему надо сегодня прожить свою жизнь максимально приятно в окружении передовых технологий. И производителям очень не выгодно делать вещи, что называется, на века. Искусственно созданная, постоянно меняющаяся мода, ограниченный по сроку служения технический потенциал и невероятная потребность в постоянном потоке покупателей делает этот мир слишком занятым для того, чтобы создавать и исследовать что-то выходящее за пределы зоны комфорта обычного человека. Зачем нам далёкие звёзды, если сейчас человеку скучно на Земле без нового девайса?

Не изобретение какого-нибудь телепорта, а новые предметы, подчёркивающие статус и уникальную индивидуальность человека необходимы обществу. Эта агрессивная ма-

нера потребления и придуманной статусности заняло разум маленькой девочки, которая мечтает о новом телефоне, в то время, когда старый стал ей ненавистен. Нет, он не сломался. Может, стал немного «подвисать», но не перестал звонить, не перестал делать и воспроизводить на своём не обесцвечившемся экране фото- и видеоматериалы.

Телефон не перестал быть многофункциональным гаджетом, но он стал ненавистен. Он стал лишним в её жизни, но без него никак. Социальные сети и прочие развлечения не должны оставаться без её внимания. Ведь это так важно тратить своё время на нереальную жизнь, отображённую на бесконечных широтах интерактивного пространства.

Интерактивные пространства бесконечны, жизнь – нет.

Владимир заметил, что даже смена ярких чехлов не сможет поменять суть аппарата, который стал слишком привычным в своём безобразии. И благополучные перемены к лучшему в жизни Кристины были связаны только с получением нового мобильного телефона. Хорошо хоть девочка спокойная, вся в отца, не требует, и не закатывает истерик, а всего лишь иногда мечтает вслух о новинке.

А Тома вслух не мечтает. Может быть, она даже ещё не сформулировала причину своего недовольства. Но этот её взгляд был совершенно понятен Владимиру, и мужчина старался его не замечать, ведь исправить сбой в системе мышления некогда любящей его женщины он не мог. Пытался что-то делать, но не знал, какие методы смогут повлиять на

эти процессы. А женщина хотела понять себя и свои чувства, ничего не делая с причиной изменения жизненных взглядов, которые крылись глубоко в её собственном сознании. Логика в размышлениях Владимира была основана на материальных аспектах существования, а Тамара опиралась только на собственные чувства. Просто жизнь семейной пары наполнилась дополнительными раздражающими факторами.

– Может, спать пойдём, ты так рано встаёшь, – Тамара попыталась придать голосу оттенок заботливости.

– Да, сейчас иду, – ответил Владимир.

Он, как всегда по вечерам, долго сидел на кухне и что-нибудь читал. Или просто думал о своём. Ложился поздно, вставал рано. Работа на стройке после карьеры в должности ведущего инженера не отразилась на его режиме дня. Разве что только дома он стал находиться реже.

Тома ушла в спальню, а Владимир ещё выпил чаю. Он не грустил, не тосковал, он просто всегда любил посидеть в тишине. Это было его своеобразным развлечением.

Осенние месяцы в этом году проходили спокойно для Владимира, в отличие от прошлых годов, когда он потерял из-за сокращения хорошую работу. Ему казалось, да и не обоснованно, что он всегда был на хорошем счету – но этого недостаточно. Помимо профессиональных качеств, успешный карьерист должен обладать и человеческими, позволяющими иметь более тесный контакт с руководством. Но общаться на неинтересные темы Владимир не умел, и его

молчаливость нередко принимали за грубость. Вежливость принимают за слабость, а молчание – за незаинтересованность. Плохо быть слабым незаинтересованным грубияном в глазах окружения.

К сожалению, хорошее знание дела не сыграло решающей роли в нелёгком выборе кандидатов на сокращение. Казалось, с таким опытом у Владимира не будет проблем в поиске работы, но что-то пошло не так, и вот уже год он работал на стройке. Но ему нравилась эта работа, ведь немало приходилось трудиться руками, несмотря на не последнюю должность на строительстве объекта.

Он привёл себя в отличную форму, однако это не прибавило страсти в глазах его супруги Тамары. Воле было тридцать шесть лет, жена была младше на три года, и ещё одним её душевным переживанием были мысли о том, а туда ли уходит её молодость?

В своей мнимо уходящей молодости, она была достаточно эффектной девушкой. Заморочки супруги Владимир стойко терпел. Он не представлял себе жизни без её, хоть часто и недовольного, но очень симпатичного личика...

* * *

У Владимира был личный помощник, заодно служащий переводчиком в общении с рабочими из соседней солнечной республики – его имя было Толибжон. Многие его звали просто Толик, но Владимир называл его только настоящим именем и уважительно относился к нему, как к человеку и

как к работнику. Мужчина, немногим за сорок лет, с густыми усами и волевыми чертами лица, этим утром выглядел напуганным. Он тараторил, переходя на родную речь:

– Там Джонни, конструкция, рухнул!

Только после последних, понятых Владимиром, слов, они побежали к месту происшествия.

Утро начиналось ужасно. Причём, с самого начала.

Вове пришлось опоздать на работу из-за дорожно-транспортного происшествия, когда в него врезался на перекрёстке «Мицубиси Лансер» десятой модели с очень агрессивным молодым человеком за рулём. Парень явно был не прав, но винил во всём Владимира, старый, но надёжный джип которого почти не пострадал, не считая разбитой фары. Долгое составление протокола и прочие прелести разбора ситуации отсрочили приезд Владимира на работу. Когда тот только переоделся, к нему и прибежал испуганный Толибжон.

Суть происшествия была в том, что часть металлоконструкции, по неведомым причинам, рухнула, и Джонни, молодой парень, имя которого было упрощено с родного языка среднеазиатской страны, оказался под завалом, который быстро разобрали.

Но парень не приходил в себя. Вызвали «Скорую».

Молодой человек умер до прибытия бригады врачей. Пришлось привлечь и полицию. Поскольку ответственным за всё был именно Владимир, то инцидент приобретал крайне неприятный для него оттенок. Да и парня было жалко.

Ещё совершенно не понятно было то, в чём именно крылась ошибка, которая привела к трагедии.

Поздно вечером Владимир подъехал к дому в крайне подавленном состоянии. Особенно ему не понравилась короткая беседа со следователем, фамилия которого была Жиллов. Тот слишком грубо себя вёл.

Владимир припарковал свой джип рядом с «Тойотой Камри», автомобилем броского красного цвета, который они купили Тамаре на её тридцатилетие. Тогда Вова ещё надеялся такой покупкой изменить уже ухудшающиеся отношения.

Он долго сидел в своём автомобиле, слушая чьи-то плоские шутки по радио, собираясь с мыслями о том, как рассказать обо всех неприятностях жене. Ведь не рассказать он не мог, это было бы неправильно. Ещё он думал, как бы от всего отдохнуть, надолго не выпадая из общего течения жизни, догнать которое с каждым годом становилось всё сложнее.

Он поднялся на свой этаж. В соседней квартире снова что-то громко отмечали молодые жильцы. Слышались пьяные крики и громкая музыка. Владимир зашёл в свою квартиру, разделся. Осень становилась холодной, и он уже носил зимнюю куртку. Мужчина сам разогрел себе еду.

Первой к нему всегда подходит дочь, чтобы просто поздороваться, но сегодня она даже не зашла на кухню. Может, чем-то занята.

Зато на кухню зашла жена. Не поздоровалась, и это нормально. Он тоже чувствовал себя неловко, когда в такие мо-

менты говорил мантру «привет, как дела». Её дела ему действительно были неинтересны, если не случилось что-то более неординарное, чем сплетни её коллег и претензии хамовитого начальства. Но, в таком случае, супруга бы сразу обо всём поведала.

Жена начала мыть посуду, а Владимир молча пил чай с пряниками.

Тома сказала:

– Завтра надо съездить к моей маме, у неё опять что-то с краном. Можешь заскочить к ней в обед ненадолго?

– Я не смогу... у меня неприятности, – сухо ответил Вова. Надо было сразу начать обо всём рассказ, но он мешкался.

– Неприятности у него! Там до неё две минуты доехать-то. У тебя вечно какие-то неприятности, – заворчала жена, ей очень не понравился отказ мужа.

– У меня ЧП на объекте, завтра в обед я должен опять непонятно зачем ехать к следователю, а вечером опять на «ковёр» к руководству! – Повышая тон, сказал Владимир. Чётко и твёрдо.

Редко он позволял себе повышать голос. Обычно это происходило только на работе. Но после этого его обычно сразу «отпускало».

Жена молчала, но в её движениях появилась резкость, звон посуды стал сильнее. Владимир решил сбавить возникшее напряжение:

– На следующий день, в обед, поеду в страховую. У меня

была авария. А вечером могу заехать к твоей маме.

Тома продолжала молчать. Домыла посуду и, собираясь уходить в спальню, она вдруг захотела ненадолго приобнять своего мужа, почувствовав, что ему и ей это необходимо. Но сдержалась, тихо сказала:

– Ладно, не надо. Кристина опять заболела.

Она ушла, не проявив никаких тёплых чувств, а Владимир остался сидеть в одиночестве, проклиная сегодняшний день. Кристина часто простужалась. Он не решился пойти в её комнату, чтобы не мешать своим нелепым участием в процессе её выздоровления от очередного ОРЗ.

Глава 4

Тихон всё ещё не мог отвыкнуть от того, как за многие годы его тюремного срока в нём чётко засело ощущение замкнутого пространства. Узкий переулок для него казался нескончаемо длинным, а улица так вообще. Открытое море. И люди. Люди другие. Их взгляды. Они такие лёгкие. В них нет агрессии, тоски, хитрости и хмурости. Будто жизни они не видели, а так, лишь весёлые картинки рассматривали. Не тыкала их судьба лицом в грех. И не нужно жаловаться на то, что у тебя есть. У кого-то нет вообще ничего, и нет жалоб. Совсем.

Не хотелось Тихону жаловаться. Не умел он. Хотелось только немного побольше тепла.

Он отвык от такой осени. Осени в открытом пространстве. Там, где он провёл тринадцать лет из пятнадцати, обещанных судом, было почти всегда жарко. Жарко и душно, воздуха не хватало. А здесь воздуха было много, но он был неприветливым, холодным, колючим. Зато это был воздух свободы. Огромной, необъятной свободы. В которой так чётко чувствовалась беспомощность. Не от того, что прошлое не перепишешь, не изменишь, а от того, что настоящее без фундамента прошлого – это босая бедность. Чем больше лет в жизни проходят в бездействии, тем меньше в будущем удобств.

Холодные дни октября встретили новую жизнь Тихона Сидорова. И как бы сейчас не было грустно остаться без тепла в пасмурный день, эта новая жизнь бывшему узнику нравилась значительно больше жизни прежней. Хоть и идти ему было ровным счётом некуда. Вернее, имелся один адресок.

На выходе из тёплого подъезда некогда родного дома, Тихон достал сигарету «Прима» без фильтра. Зажёг спичку, закурил. Он захлопнул дверь, понимая, что сам её не откроет из-за нового устройства на ней, именуемого домофоном. И тот человек, к которому он приходил, тоже не откроет ему эту самую дверь. А так хотелось остаться хотя бы в подъезде. На ночь. Но до ночи ещё очень далеко, было позднее утро.

Впрочем, это не важно.

Не станет он позорить сестру ночёвкой в этом подъезде. Не пустила она его на порог. После того, как он сел в тюрьму, отрелась она от него. Как и мать, ныне покойная, которая и оставила эту квартиру в наследство дочери, не считаясь с сыном-убийцей. Так и остался Тихон без родных и без жилья. Впрочем, он был благодарен сестре за то, что она смогла дать ему немного денег.

Он ни на что особо не рассчитывал. Разве, на милосердие. Но не приехать сюда не мог. Потому что некуда больше. Да и скучал.

Ещё ему очень хотелось выпить. Хоть и дал он себе когда-то слово не пить алкоголь, но залить горячее чувство отчаяния всё равно хотелось. Свобода, как-никак. Он докурил,

бросил окурок в урну, медленно пошёл мимо знакомых, но так сильно выросших тополей.

– Тихий! – раздался хриплый голос за спиной.

Мужчина обернулся. Так его называли только на зоне.

Перед ним стоял грязный, но довольный жизнью Борзой. Тот освободился раньше Тихона. Но вот и снова их свела судьба.

– Чего? – смог ответить, оборачиваясь, Тихон.

Ему не понравилось то, что на свободе ему напомнили его имя, данное в тех местах, где жизнь становится горькой в сигаретном дыме, черноте чифира и ограниченности холодных стен.

– Не узнал что ли? – подошёл к нему человек, очень похожий на бомжа. – Это я! Борзой!

Тихон его, конечно же, узнал ещё по голосу и честно признался:

– Не ожидал тебя увидеть.

– А я тебя, Тихий, увидеть-то как раз таки ожидал. Всё утро здесь торчу. Заранее прознал, что откинешься ты. Заранее знал, что сюда приедешь. И знал, что сестрица твоя тебя на порог не пустит.

– К чему такое внимание к моей жизни? – Тихон спросил, но понимал, каким будет ответ.

– Ты не смотри, как я сейчас выгляжу. Это для конспирации, – начал издали Борзой. – У меня дело к тебе выгодное. Собираем мы с надёжными людьми команду. Дела се-

рьёзные предстоят. Нужны нам кадры, способные подсобить. Думаю, выбор у тебя небольшой. На улице сгнить или подняться. Много времени на раздумье не дам. В этом городе я проездом. Сегодня тут, завтра там. Подробностей, разумеется, сразу не расскажу, не обессудь.

– Нет. Не хочу я в это впутываться. Жить хочу по-другому, – Тихон был твёрд в своих словах, Борзой даже не смог ему возразить.

– Возьми, – сунул неопрятный мужчина смятый листок в руку Тихона. – Это номер мобильного телефона. Как тяжело станет, позвони, примем тебя, как своего.

– Хорошо, – ответил Тихон.

Он попытался уйти, как Борзой снова его остановил. На этот раз с просьбой в голосе:

– Может, у тебя есть чем подогреть? Мы ещё только в начале пути, не всегда хватает...

Тихон отдал ему пятьсот рублей, не засвечивая остальные деньги. Сослался на то, что больше нет, и ему не на что жить. Сидорову казалось, что Борзой может и убить за такую сумму. Впрочем, тот лишь отблагодарил и они разошлись. Каждый своей дорогой.

Глава 5

Максим Чижов сидел перед экраном телевизора и пил пиво. Это была уже четвёртая, или, всё-таки, пятая бутылка за вечер. Он не помнил. Но, судя по его ощущениям, бутылка вполне могла быть и шестой. В общем, не важно. Важно то, что она была последней, и больше пива в большом и пустом холодильнике Макса не было. Чипсы закончились ещё на второй бутылочке «Пражечки».

За окном заморосил холодный дождь, там было темно и жутко. В квартире тоже царил темнота, как и в душе пару месяцев назад отпраздновавшего своё тридцатидвухлетие мужчины. Терзала его тоска несусветная, слишком много всего выпало на его жизнь, которую он проводил совершенно не так, как хотел. В жизни чувствовался кризис, а алкоголь помогал лучше пережить эти периоды безрадостности.

Расфокусированным взглядом мужчина наблюдал за футбольными баталиями в рамках группового этапа Лиги Чемпионов, где Леверкузенский «Байер» принимал на своём поле Санкт-Петербургский «Зенит». Близился к завершению первый тайм, а забитых голов так и не было. Впрочем, Макс уже не следил за тем, что творилось на поле. Он лишь изредка переводил туда взгляд, когда комментатор повышал голос, переживая за какой-нибудь острый момент. Но всё равно было скучно, и запасы пива, как нарочно, были на исходе.

Зато не заканчивались мысли о том, насколько бестолково проходит жизнь, что со стороны чужого человека может показаться вполне успешной: своя жилплощадь, хороший автомобиль, удачно развивающаяся карьера, красивая внешность, атлетическое телосложение. Конечно, успех у женщин. Что ещё нужно мужику? Все бывшие друзья и сослуживцы погрязли в зависти и нищете, остались копошиться в своём болоте. Да даже нынешние коллеги смотрели на него с завистью.

Но не особые умственные способности позволяли занимать более удачную и выгодную позицию в коллективе, а необычный вид блата, благодаря которому нужно всего лишь успешно создавать иллюзию трудовой занятости. У Макса есть свой, правда не очень большой, кабинет, в котором он обычно играет в компьютерные игры, изредка делая лёгкие отчёты на основе уже имеющейся информации. Его трудовой быт разбавляют нечастые командировки, в которых он может развеяться от просиживания штанов в офисе. И, наверное, скоро ему выделят кабинет побольше. Чтобы коллеги вновь лишний раз задались вопросом: какого чёрта у этого лентяя условия лучше, чем у них? Вот будет места побольше, тогда, наверное, Максим совсем обнаглеет, и станет водить в свой кабинет проституток. Последняя мысль его насмешила, но идущая за ней вернула в прежнюю меланхолию: но тогда Лены ему точно никогда не добиться.

Да, «бегал» он за этой неожиданно смышлёной блондин-

кой уже около года, но её внимания во внерабочее время он добиться не мог. Лена была младше мужчины на семь лет. Без семьи и серьёзных отношений, она целиком и полностью посвящала себя карьерному росту, и являлась одним из немногих прямых начальников Максима. В отличие от него свою высокую должность она завоевала своим упорным профессиональным трудом и ничем больше.

Раньше, только вступив в свои полномочия при переводе в центральное управление, где уже всю «работал» Чижов Максим, она попыталась загрузить своего подчинённого работой, которую он должен выполнять, находясь на такой, достаточно высокой, должности. Но более высокое руководство, которое было в курсе про особый статус молодого человека, решило Лену тут же уволить. От греха подальше. Но Максим вступился за неё и помог избежать трагедии в её карьере. Причём со стороны это всё выглядело достаточно элегантно, и, благодаря этому эпизоду, придирайтесь к молодому человеку она перестала, оставив его выполнять тот ежемесячный план, который любой сотрудник низшего звена выполнял бы максимум за неделю.

Появились новые командировки, которые Максиму очень понравились. Было прикольно ездить куда-нибудь с Леной и техническим директором, тихим и интеллигентным мужчиной, который лишней раз предпочитал ни в чём не утруждать Максима. В таких поездках на троих Леонид Павлович обычно никак не участвовал в общении с подчинёнными, а

те, в свою очередь, болтали на абсолютно любые приличные, а иногда и не очень, темы. Это стало зачатком приятельских отношений, которым Макс был рад. Но каждая положительная эмоция Лены завоёвывалась им с большим трудом.

Но какие-либо знаки личного внимания Елена от Максима не принимала. Да и он уже очень давно не пытался как-то возобновить свои нелепые ухаживания. Ему не хотелось лишнего внимания других сотрудников управления к его персоне, да и ещё ему было ужасно стыдно за то, что Елена никак не отвечает ему взаимностью. Иногда он сам удивлялся: почему эта девушка смогла так надолго поселиться в его сердце? Маленького роста, без выдающейся фигуры. Но целый год это много.

Макса Чижова она сильно зацепила, но он считал себя сильным человеком, поэтому смог заглушить в себе симпатии к девушке. Получив внятные отрицательные ответы на свои ухаживания, он оставил свои чувства и амбиции в прошлом. Молодые люди стали просто хорошими приятелями. Его чувства стали спокойнее, он научился по-дружески шутить над ней, на что девушка не обижалась, если, конечно, это не было откровенной грубостью. Но и на это она долго дуться не могла. Других друзей у парня сейчас не было. Так, пару коллег-злопыхателей, над которыми он неистово подшучивал на «водопое» у кофемашины. Ещё было несколько собеседников, разделяющих его взгляды на хобби в спортзале и в тире. Что же касается серьёзных отношений, то их

уже достаточно давно не было. Хотя вряд ли эти отношения можно было назвать отношениями, тем более серьёзными. Так, развлекуха на несколько ночей.

Да и одна его самая важная занятость не располагала к тому, чтобы заводить семью и закадычных друзей.

Тоскливо было Максиму в его одиночестве.

Прозвучал свисток, оповещающий об окончании первого тайма. Голов забито не было, а выпить ещё хотелось. Максим надел куртку, потом резко снял, кинул на пол, после чего бросился в комнату.

Куда же без этого, не стильно!

Через мгновение он небрежно повесил на себя удобную кобуру с двумя пистолетами «Глок 26», после чего опять надел куртку. Конечно, в подпитом состоянии брать с собой два компактных пистолета было не нужно, но Макс любил своё оружие, и нередко носил его с собой, как крутой американский коп, коим он, собственно говоря, и не являлся.

Хоть два ствола и были явным перебором, Максим был уверен в том, что когда-нибудь они спасут ему жизнь, и думал он так совсем небезосновательно.

Запихав в карман несколько тысячных купюр, обув хорошие осенние ботинки и надев дорогие кожаные перчатки, Максим вывалился из дома. Его мучила отрыжка от выпитого пива.

Перед самым его носом закрылся ближайший и самый любимый магазинчик. Ему пришлось идти до круглосуточного,

который находился значительно дальше. Накрапывал дождь, и на улице не было никого. Молодой человек слегка замерз и немного протрезвел. Начал ругать себя за то, что не надел куртку теплее. Наконец, зайдя в супермаркет самообслуживания, он напрямик направился в алкогольный отдел. Он решил купить виски.

Проигнорировав выставленные вокруг алко-отдела тележки, он схватил бутылку «Блэк Лэйбл» и направился к кассе, где с помощью матерного лексикона позвал кассира, когда того не оказалось на месте. Девушка подошла в течение двух минут, после чего была обругана ещё раз, когда не продала ему виски, ссылаясь на федеральный закон о запрете продажи алкогольных напитков в ночное время. Обычно Максим был приятным в общении с девушками, но в этот день что-то на него нашло, и он был максимально агрессивен и груб. Может быть, сказалось плохое самочувствие – парня начало знобить. Ах да, ещё этот кризис. На каждого ведь находит плохое настроение, в этом нет ничего страшного.

Порядочно, но не продолжительно, выругавшись, Максим пошёл в круглосуточный магазинчик подвального типа, известный на всю округу тем, что там продавали алкоголь даже ночью, вопреки закону.

У магазинчика крутилась небольшая компания алконавтов. Там всегда кто-то торчал быдловатого вида. Это место было своеобразным сборищем местной «элиты». Также рядом с магазинчиком стояла «девятка», её двери были откры-

ты, из салона доносилась очень плохая музыка. Из таких машин никогда не доносится хорошая музыка. Макс был готов к конфликту на все сто, но никто ничего ему не сказал.

Выбирать было не из чего, пришлось взять единственную бутылку «Вайт хорс» практически по той же самой цене, по которой продавался «Джек Дэниелс» в нормальном супермаркете. Ещё мужчина купил шесть бутылок «Хугардена» и полторашку «Кока Колы». С двумя пакетами чёрного цвета он вышел из магазина и направился в сторону дома самой короткой дорогой. Никто из алконавтов и молодёжи из «девятки» снова не обратил на него внимания, Макс даже расстроился.

Не дойдя до конечной цели несколько десятков метров, он решил справить малую нужду у гаражей и сараев, в соседнем дворе. Место было укромное, да и время уже позднее, поэтому вряд ли кто-то мог застать здесь парня врасплох. Удивительно, в этом дворе не было новостроек и элитного жилья, но территория была уютно облагорожена и везде царила чистота. Но намерения Максима были непоколебимы – он положил пакеты рядом с собой на тщательно подметённую землю, и принялся справлять нужду на старый и ржавый, похоже от аналогичных дел, гараж.

Да, этот гараж существенно портил окружающую картину благоустроенности. Коренастого мужчину немного мотало – может подступающая болезнь сказывалась, а может, всё-таки, было выпито более семи бутылок пива. Но пока он свято

верил, что дойдя до дома и выпив вискаря, он сможет вылечить подступивший недуг.

Вновь начался дождь, который быстро усилился. Макс закончил свои дела, и, застёгивая ремень, почувствовал неприятный запах. В одно мгновение источник неприятного запаха приставил нетвёрдой, но решительной рукой что-то железное к горлу мужчины, и прохрипел грубым голосом ему на ухо:

– Деньги давай!

– В левом кармане куртки, – спокойно ответил Максим.

Там действительно лежали остатки денег, которые он взял с собой.

Незнакомец полез в его застёгнутый на молнию карман, ослабив нажатие железного предмета на горло.

Этого было достаточно, чтобы молодой человек крепко схватил руку грабителя, в которой тот держал небольшой нож, рукоятка которого была обмотана синей изолентой. Резким движением Макс дёрнул в сторону захваченную руку и нанёс несколько ударов локтём наотмашь. Все удары достигли цели. Потом Максим резко повернулся к нападавшему, не выпуская его правое запястье из своей очень цепкой хватки, и вывернул сопернику зафиксированную конечность так, чтобы тот не сумел оказать сопротивление.

Потом в одно мгновение мужчина нанёс удар левой ногой в область коленного сустава напавшего на него бомжа. Тот свалился на колени. Его правая рука, держащая нож, всё

ещё была вывернута до болевого предела. Боец из бездомного был так себе. Он сипло гаркнул, будто даже приказывая:

– Отпусти!

Максим осмотрелся по сторонам – вокруг не было ни одной живой души. Тогда мужчина лёгким движением одной руки выхватил нож у бродяги. Выхватил, и очень точным, хлёстким жестом, не касаясь подушечками пальцев поверхности ножа, всадил неаккуратное, но острое оружие мужчине неопределённого возраста прямо под его грязную, хилую бороду. Тот тихо захрипел, выпучил глаза.

Макс поднял свои пакеты, отошёл на несколько шагов от завалившегося на землю грабителя-неудачника, ещё раз осмотрелся по сторонам. Дождь усиливался. Бомжа должны найти утром, и к тому времени дождь размочит и так уже практически не заметные следы ботинок Максима.

Пока парень думал над тем, какие ещё могут быть последствия, Борзой, который ещё утром пытался уговорить Тихона Сидорова вступить в его несуществующую банду, вытащил из своего горла нож. Это было последнее осознанное действие в его жизни – кровь хлынула фонтаном на землю, смешиваясь с водой, обильно падающей с неба. Спившийся и оставшийся на улице после второй отсидки мужчина тихо умирал в конвульсиях, а Максим наблюдал за этим, быстро трезвея, и уже жалея о том, что просто не избил бедолагу.

Когда бомж перестал дёргаться и поливать всё вокруг своей кровью, Максим ушёл домой, усложнив оставшийся

маршрут. Нельзя было допускать ни одной ошибки даже тогда, когда лишаешь жизни такого не нужного для общества человека. Хорошо ещё, что в пылу борьбы Макс не выхватил пистолет и не застрелил бездомного, тогда проблем было бы больше. А так, придраться не к чему – на одежде и обуви не осталось никаких следов. Ботинки от грязи он отмоеет сегодня же, а куртку и перчатки он хотел отдать в химчистку, но позже передумал.

Сделав несколько первых глотков виски, Макс успокоил себя тем, что просто в очередной раз убрал мусор из этого мира. Правда, сегодня он сделал это безвозмездно. Он обдумал свой поступок и пришёл к выводу, что это убийство не было ошибкой.

Включённый телевизор передавал завершение прямой трансляции футбольного матча из Германии, в котором местный клуб «Байер» обыграл российский «Зенит» со счётом 2:0.

Время за полночь. За окном не прекращал идти холодный дождь...

А за дверью уютного холостяцкого жилища Максима стоял Шарик и курил. Мужчина сорока пяти лет от роду, с небрежной щетиной, одетый во всё выцветшее чёрное, немного промокший, но счастливый.

Свою дурацкую кличку он получил ещё в раннем возрасте, и его давно уже никто так не называл, но мужчина нередко называл так сам себя. Просто потому, что это един-

ственное, что осталось ему на память от счастливого детства, в котором всё было значительно проще и лучше. Но и на данный момент Шарик был счастлив. Счастлив от того, что наблюдал очень интересные и завораживающие вещи.

Он докурил, потушил пальцами сигарету и положил её в карман куртки, потом вышел из подъезда. На его счастье именно сегодня домофон не работал, иначе он вряд ли бы узнал, где именно живёт предмет его восхищения. Хотя его феноменальное чутьё могло бы выручить и на этот раз, но хорошо, что его пришлось приберечь для другого случая.

Шарик прогулочной походкой прошёлся мимо мёртвого бомжа, за которым он следил несколько часов. Тот лежал в луже собственной крови, и для Шарика это было прекрасно, несмотря на ту грязь, которую он после себя оставил. Впрочем, кровь – это единственное средство от грязи, что оставляет человечество на этой прекрасной, злобной планете.

А дождь и не думал прекращаться. Шарик, поправив капюшон, медленно направился в сторону своего дома. Его будоражил вихрь мыслей, не давая ему покоя.

Хотя этот день начинался вполне обычно – встав очень рано, он направился на работу. А работал он дворником, и уже много лет убирал несколько участков, получая дополнительную плату, работая больше нормы. У начальства он был на хорошем счету, его дворы всегда были в образцовом порядке. Лишь зимой, в сильные снегопады, ему в подчинение давали несколько помощников для уборки такой большой тер-

ритории. Да и в вынужденные запои Шарик уходил редко – все его прогулы были непродолжительны и сильно на общем порядке не отражались.

В тот очередной хмурый осенний день он собрал немногочисленные остатки опавшей листвы, убрал мусор и просто бродил по своей территории, когда ближе к вечеру заметил бездомного, которого он раньше никогда не видел. Тот ковырялся в мусорных баках и весьма агрессивно общался с местным добродушным пьяницей, чуть не надавав тому тумачков за случайно брошенный в его сторону взгляд. Бездомный был пьян и постоянно поддерживал своё состояние, доставая из кармана небольшой флакон дешёвого спиртосодержащего вещества. Делая небольшие глотки, он продолжал своё путешествие по территории Шарика. За вечер он обошёл все мусорные баки ближайших к парку дворов, попутно нагло требуя у прохожих мелочи. Как ни странно, ему достаточно охотно подавали. Особенно, когда он жаловался на жизнь, рассказывая о том, что недавно вышел из тюрьмы. А в баках ничего интересного он так и не нашёл.

Свою судьбу в глазах Шарика незнакомец предрешил, нарушив чистоту одного из дворов, принадлежащих незаметному, молчаливому, но ответственному к своей работе дворнику. Наглец бросил на тротуар пустой флакон, в котором закончилось его изысканное пойло, после чего опорожнил кишечник в достаточно людном месте. Именно тогда Шарик достал из сапога складной нож и переложил его в карман,

преследуя ничего не подозревающего, некогда уважаемого в узких кругах Борзого. Для алкоголика со стажем тот был достаточно активным и, возможно, мог оказать сопротивление или привлечь ненужное внимание.

Слежка затягивалась, на улице становилось холодно и сыро. Быстро стемнело. Бомж подошёл к ребятам, которые общались около круглосуточного магазинчика и пили пиво. Он попросил у них пару сигарет и мелочи. Ему не было отказано. После этого тот пошёл за хорошо одетым молодым человеком, вышедшим с большими, звенящими пакетами из подвального помещения небольшого магазинчика.

Бомж сначала грамотно держал дистанцию, но стал её стремительно сокращать, когда они вместе зашли в гаражно-сарайную зону, где случайных свидетелей в такую пору быть не должно, и их не было. Кроме Шарика.

Тот, спрятавшись в темноте подворотни, наблюдал, как парень остановился у одного из гаражей для того чтобы справить малую нужду. Дождь усилился, и бомж, осторожной, но кривой походкой незаметно подкрался к молодому человеку. Сначала он просто хотел ударить его холодным оружием, но видно понял, что хорошего удара у него не получится, поэтому просто приложил нож к горлу мужчины, который был его на пол головы выше.

Дальше произошло то, что произошло.

Потенциальная жертва оказалась не жертвой вовсе, а хладнокровным убийцей, каких Шарик никогда не видел.

Резкими и точными движениями он заставил бездомного душегуба опуститься на колени молить о пощаде. Но бомж даже не успел полноценно воспользоваться случаем для слёзной мольбы о помиловании – элегантным и лёгким движением молодой человек всадил в его горло нож. По самую рукоятку.

После этого, Шарик, вместе с молодым человеком, наслаждались волшебным процессом угасания чужой никчёмной жизни. Молодой убийца не заметил его. Дальше Шарик максимально осторожно проводил своего героя до самой его квартиры – тот достаточно быстро потерял бдительность, что непростительно для такого мастера, каким он показался. Кто знает, вдруг в следующий раз на месте немощного, больного бомжа, окажется более крепкий профессиональный душегуб?

* * *

Максим несколько часов сидел перед телевизором, бесцельно переключая каналы. Его мысли были далеко, а крепкий алкогольный напиток потреблялся с достаточно высокой скоростью. Так он и уснул в кресле, когда Шарик уже давно храпел в своей маленькой однокомнатной конуре.

Прошло чуть более трёх часов, у Максима зазвенел будильник в телефоне. Парень с трудом выключил сигнал. Надо было собираться на работу.

Будильник был выключен, а в голове продолжало звенеть. В это же самое время дворник Шарик уже подметал

зверенную ему территорию от немногочисленного мусора. Дождь закончился лишь десять минут назад, и вокруг были одни лужи. Пасмурная погода предвещала новый приступ дождливости, и Шарик, в своей бодрости, спешил навести порядок до начала выпадения новых осадков. Было ещё темно и холодно, но небо уже готовилось к просветлению. Дворник находился в хорошем настроении. Теперь он знал, что на его территории живёт человек с уникальными способностями, достойный стать хорошим соперником.

Полицию Шарику пришлось вызывать самому. Раньше него никому не удалось наткнуться на труп бездомного мужчины. Полицейские приехали в течение получаса, взяли с Шарика показания, и, бегло осмотрев место происшествия, уехали, чертыхаясь на очередного «глухаря». Труп тоже достаточно быстро забрали с территории бдительного дворника. Вскоре снова начавшийся дождь окончательно перемешал всю оставшуюся кровь с грязью, и через пару часов уже ничего не напоминало о событиях, случившихся здесь прошлым поздним вечером.

* * *

Утро Максима было тяжёлым. Он налил себе в стакан немного вискаря, некоторое время смотрел на него, потом выпил. Сморщился. Выдохнул. Потом пошёл умываться.

После кратковременных водных процедур он съел упаковку активированного угля и запил всё это тёплым пивом.

Приняв холодный душ и одевшись в свежую одежду, Макс

понял, что всё равно чувствует себя очень неважно и отражение в зеркале это подтверждало.

Он вызвал такси. Машина приехала быстро. На выходе из дома он прихватил с собой бутылку «Хугардена» в дорогу.

На работу он приехал почти вовремя. Спешно поздоровался с коллегами, которые обсуждали вчерашний матч у кофемашины. Лишний раз не делая выдохов, чтобы не создавать негатив за своей спиной, он добрался до своего кабинета. Максим включил компьютер, открыл первый попавшийся документ, устроился поудобнее в кресле и закрыл глаза. Вчерашний вечер серьёзно подпортил ему настроение на ближайшее время. Ещё он чувствовал, что простыл: его знобило. Постучавшись и не дождавшись приглашения, в кабинет зашла Лена. Максим смог только открыть глаза.

– О, я вижу, работа кипит, – её сарказм был, как всегда, безобидным.

– У меня болит голова, – с трудом ответил Макс.

– Отговорка не принимается, – Лена была в бодром, приподнятом настроении. – Я тебе принесла документы, в которых ты напортачил. Надо переделать, я отметила ошибки.

Она протянула ему несколько листов с его недавним отчётом, с которым он, откровенно говоря, не справился. Не было в тот день настроения. Он взял бумаги, взглянул на объём работы и страдальчески вздохнул.

А Лена продолжила активничать:

– Так, половину ошибок я исправила, а самое очевидное

давай уж сам, с меня руководство будет завтра всё это требовать. Тут работы на полчаса, если ты черновики не удалил.

– Да не удалил я ничего, – с раздражением сказал Максим и кратковременно закашлял.

Лена сжалилась над ним:

– Как дело сделаешь, иди домой, но мне всё покажи сначала. Дома только лечись, пожалуйста, а в понедельник выходи.

– Спасибо, ты очень добра.

– Ну, работай! – Лена вышла из кабинета.

Макс не мог её подвести и принялся медленно, но сосредоточенно переделывать свою работу.

Глава 6

– Чё какой грустный? – спросил Василий у Владислава.

Влад не знал, что ответить незнакомому мужчине на такой вопрос.

Пока он думал, сосед, ухмыляясь, уже вышел из лифта на седьмом этаже. Влад Бекетов покинул узкую кабинку лифта на последнем, девятом.

Мужчина действительно растерялся. Он не знал, что можно дожить до сорока пяти лет и услышать такой неуместный вопрос в свой адрес. Вопрос от человека, с которым они никогда не общались, даже почти не здоровались, хоть и изредка виделись – всё-таки в одном подъезде живут много лет. Неудобный вопрос.

Заперев дверь своей квартиры, Влад продолжал думать об этом, и даже начал переживать.

Ему всегда было крайне неприятно, когда ему задают необязательные вопросы. Стоит ли на них вообще что-то отвечать? Например, вопрос «как дела?» уже не вводит в ступор, но также неуместен от людей, которых твои дела совершенно не касаются. Не касаются и не интересуют, но они всё равно спрашивают. Самое плохое в ситуации, что спрашивают так, по ходу дела, не планируя услышать развёрнутый ответ. Но если спросил, то уж будь добр – слушай! Ведь не всегда можно дать однозначную и содержательную оценку

своих дел, поэтому не будет лишним и рассуждение о том, где какая неприятность тревожит, а что можно занести в актив из того, что случилось в последнее время. Но отвечать приходится так, чтобы было коротко, ясно. И не обременительно для того, кто задал вопрос. То есть ответить одним словом «плохо» нельзя.

Сам Влад Бекетов таких вопросов не задавал, только если кому-нибудь из давних знакомых. Правда, один раз он поинтересовался у коллеги положением его дел, когда воцарилось неприятное молчание, после того как они поздоровались и стояли друг напротив друга у кабинетов начальников. Только потом Владислав заметил, что вопрос вывел его коллегу из состояния задумчивости, и тот кратко, как и подобает ситуации, ответил: «лучше всех». После этого вновь погрузился в раздумья. А Влад поспешил незаметно покинуть общество хмурого товарища, чувствуя дискомфорт. Но он был удовлетворён ответом, ведь коллега отсутствовал две недели, видимо, был в отпуске. Разумеется, ему на тот момент было немного грустно, что отпуск закончился, но провёл-то он его на должном уровне, отдыхать – не работать! Больше он этого человека в своей жизни не видел, узнав несколько позже о том, что тот ходил не в отпуск, а в запой, и на работу он тогда вышел лишь для того, чтобы получить расчёт и забрать трудовую книжку при официальном увольнении за прогулы. Вот такая получилась ситуация в полной мере показывающая неуместность вопроса и статичность ответа.

Что же касается фразы, сказанной соседом в лифте, то здесь имеет место лишь некультурное воспитание того, кто задал такой вопрос. Его ведь также не заботил полноценный ответ и совершенно не волновало то, что у Влада такое выражение лица на протяжении всей сознательной жизни. Вопрос-издѣвка для акцентирования внимания на собственном позитиве и мнимом остроумии. Поэтому Бекетов не знал, что ответить.

Дела у него были действительно плохими. И ему было очень паршиво.

* * *

А Василию Кошкину было весело, он возвращался с работы с чувством собственного восхищения. В последние годы его это чувство посещало нередко. Он умел радоваться тому, что имеет. Вернее, он научился радоваться тому, что имеет. По крайней мере, со стороны именно так и казалось. И из любого малейшего обстоятельства, что имело и имеет место в его жизни, он (с должными манипуляциями с самовнушением и фантазией) мог сделать предмет для гордости. Даже его чувство юмора, которое привыкли игнорировать коллеги Василия Кошкина по работе, вполне устраивало мужчину: самого себя он видел образцом блестящего интеллекта, остроумия и находчивости. Он часто смеялся над своими шутками во весь голос, не видя хмурых лиц своих сослуживцев. В моменты таких приступов личного неудержимого веселья, он даже не замечал, что никто, кроме него, и не смеётся.

Работал Василий в полиции, числился оперуполномоченным в местном РУВД. Разумеется, данный статус являлся особым предметом гордости сорокадвухлетнего мужчины. Служба ему нравилась, хотя не сразу он нашёл себя на этом поприще и часто задумывался о том, что выбрал не свою профессию – слишком сложно ему давались служебные обязанности и очень медленно он шёл по карьерной лестнице. Но года шли, близилась пенсия, к работе он приспособился и мог наслаждаться тем, что его умений было достаточно для того, чтобы занимать приемлемую должность.

Ещё его не могла не радовать его полноценная, во всех отношениях, семья. Женился он рано, на девушке, которая была его немного старше, и которая украсила его жизнь двумя сыновьями. Особенно он гордился старшим, Ромкой, который учился на юридическом и хотел пойти по стопам своего отца. А младший, Антон, решил стать врачом. Но оно и к лучшему, ведь парень был более застенчивым и скромным, нежели его старший брат.

Парням было двадцать один и девятнадцать лет соответственно. А жена Василия, Людмила, была директором сетевого продуктового супермаркета: женщина строгая, но уверенно ведущая своё хозяйство, как дома, так и на работе.

Всё в жизни мужчины шло по плану ещё и потому, что он не умел завидовать так же, как и не умел шутить. Жизненная философия Василия Кошкина была твёрдой, и логически сформированной – если не умеешь радоваться тому, что

у тебя есть, то прилагай усилия к совершенствованию своей жизни в плане позитива. Ведь значительно меньше усилий требуется на то, чтобы всё-таки стать фальшиво счастливым сейчас, чем бороться за неизвестное, призрачное завтра, которое, как известно, не наступает никогда.

Другие оперативные работники относились к нему со снисхождением и не особо уважали его, как опытного сотрудника. Они были злые и упёртые, не такие, как Василий.

Зато Вася много лет дружил со следователями, Кириллом и Михаилом, которые более охотно общались и сотрудничали с ним. Таким образом, мужчина не давал себе отчёта в том, насколько его реальность соответствовала действительности, ведь в его мироощущении всё было хорошо. И очень бы ещё хотелось, чтобы это самое «хорошо» видели все вокруг и завидовали бы такому успешному, несколько располневшему за последние годы Василию Кошкину.

Позитивный настрой Васи сменился полным недоумением, когда на входной двери своей квартиры он увидел нарисованный мелом узорчатый крест, обведённый в три неровных круга. К странным рисункам была прикреплена записка. Она торчала из двери около ручки.

Мужчина долго разглядывал эту инсталляцию и не решался что-либо с ней сделать. Весь рисунок был начерчен неровно, будто дрожащей рукой. Но крест получился убедительным – на нём даже была обозначена косая перекладина, находящаяся ниже прямой. Такая же, как и на крестах, что во-

дружались на церковные купола. Либо на могилы.

Как ни странно, никаких мыслей и догадок у мужчины не было, когда он рассматривал это творение. Тщательно исследовав каждую линию рисунка, он вытащил записку. Это оказалось непросто, пришлось её немного надорвать и серьёзно помять. С какой же силой её зачихнули в узкую щель проёма! Но Вася Кошкин справился. Прочитав записку, он озадачился её сильнее. Помятый клочок бумаги вмещал в себя чьи-то стихи. Не сразу он узнал почерк своего младшего сына.

* * *

Семейный вечер в этот раз удался на славу: смеялись все, даже сам виновник веселья, хоть ему и было сильно неловко. Хотя, чего греха таить, Антон Кошкин хотел просто провалиться под землю от переполняющего его стыда и необъяснимого дискомфорта. Он искренне желал, чтобы это всё поскорее закончилось и никак не отразилось на его дальнейшем существовании в виде постоянных шуток и напоминаний о том, в чём он сам, по сути, и виноват.

А получилась такая ситуация: ещё вчера он прибирал свой бардак на столе. Выбросил ненужные бумажки в мусорной пакет, что был практически вложен в ведро, которое стояло на кухне для соответствующих нужд. На следующий день ведро оказалось переполнено и мать, выходя утром на работу, попросила домочадцев вынести мусор. Разумеется, Роман эту просьбу проигнорировал, а отцу тем более было не до му-

сора. Вернувшись раньше всех домой, Антон также не поторопился убрать из квартиры чёрный пакет. Парень долго собирался с силами, чтобы это сделать, но выйти из дома ему мешала лень и компьютерная игра, что увлекла своим сюжетом. Студент просто вынес пакет за пределы квартиры. Он, без каких-либо задних мыслей, положил его на пол у входной двери, чтобы тот не разносил зловония по квартире, а наполнял соответствующим запахом лестничную площадку этажа, где проживало семейство Кошкиных. Молодой человек надеялся на то, что вскоре он закончит играть и донесёт пакет до мусорного контейнера, который стоял во дворе дома. Либо кто-нибудь из домочадцев вернётся и сделает это за него, немного пожурив неряху.

Но случилось целое представление.

По всей видимости, древняя бабушка, что жила этажом выше в компании со своим старческим сумасшествием, каким-то образом заприметила это безобразие. И указала грешникам на их грехи. Что она делала на их этаже – неизвестно, но кроме неё подумать было не на кого. Все соседи были спокойными, в своём уме, тем более знали, что глава семейства работает в полиции.

Поэтому все в семье Кошкиных пришли к выводу, что бабушка-колдунья (как иногда её звали) поковырялась в мусоре и нашла бумажку со стихами, которые когда-то написал Антон, будучи под впечатлением от творчества какой-то мрачной рок-группы. Вообще, парень сам давно хотел за-

няться музыкальным творчеством, но для того, чтобы сколотить группу у него не хватало лидерских и организаторских качеств (да, вероятнее всего, и таланта), поэтому дальше написания плохих стихов и брэнчания на гитаре в полном одиночестве дело не доходило. И именно это стихотворение, не ставшее песней, зато ставшее, на время, мусором, внезапно приобрело популярность, ведь с ним ознакомилось такое большое число людей.

Обычно, никто, кроме Антона, да периодически смеявшегося над братом, Ромки, не знал о самобытном рифмоплётстве молчаливого паренька. А сегодня та самая бабушка, разум которой собрал чемоданы и свалил от неё лет двадцать-тридцать назад, наткнулась на самое плохое, по мнению Антона, стихотворение его авторства. Престарелая женщина не оценила красоты словообразований и разгневалась не на шутку, призвав своим убедительным художеством... непонятно к чему. Может быть, к тому, что не следует оставлять мусор в подъезде. Или писать плохие стихи.

А бабушка, помимо своего странного поведения, ещё славила тем, что снимала порчи, творила любовные привороты и вообще давала ценную информацию о грядущем будущем посредством профессиональной дружбы с чёрной магией и, возможно, с самим чёртом. Люди к ней ходили нечасто и никому не мешали. Но об этом знали все жильцы дома. Соседи относились к данной деятельности скептически, кроме, конечно, постоянных её клиентов: нескольких жен-

щин лет сорока-пятидесяти. Знал об этом и Василий, но уголовный кодекс не запрещал ни белую, ни чёрную магию, а за свои услуги бабушка денег не брала и никаких жалоб на неё не поступало. Своеобразный кружок по интересам несколько лет функционировал в этом многоэтажном доме, не принося никаких неприятностей местным жителям.

О том, кто нарисовал крест, приложив записку со знакомым почерком, Василий догадался не сразу, но, приложив свои способности в области логики и дедукции, пришёл к надлежащему выводу. Автора стихотворения разоблачили по медицинскому почерку и направленности творчества – Антон всегда увлекался всякой ерундой, связанной с музыкальными направлениями, превозносящими несчастную любовь, страдания и смерть. Одно время Вася хотел отвести сына на приём к психологу, но лень (похоже, передающаяся по наследству особенность) и предположения о том, что это всего лишь пережитки подросткового возраста, оставили его мысли в разделе нереализованных планов, которых и так было немало.

И вот теперь, собрав вечером всю семью за кухонным столом, Вася Кошкин во второй раз, но с большей наигранностью, перечитывал вслух стихотворение сына под названием «Мёртвые чувства»:

«Ты больше не дышишь

И высохли слёзы.

Мы были не ближе,

Чем яркие звёзды
Своего небосклона –
Проклятая высь.
Твоего последнего стога,
Отпустившего жизнь!
На моих руках
Ты, как ветер, легка.
Заблудилась во снах
Мёртвая красота.
Твоё холодное тело,
Погасшая душа –
Полюбить меня не успела,
Жаль, что ты умерла...
Я несу тебя в лес,
Что б дыханьем согреть!
Твоей судьбы крест
Моей любви – смерть!
Целомудренный взгляд
Нетронутой чести.
Наш последний закат
Мы проведем вместе.
Я постелю тебе одеяло
Из мёртвых цветов.
Этой жизни было так мало,
Что б сохранить любовь!
Я ласкаю твои волосы,

Целую твои губы...

Не услышать мне твоего голоса,

Несчастны наши судьбы!

Оставлю в молчанье

Тебя среди мрака,

Убьюсь своей печалью

И своим страхом...»

– Сынок, в лес-то зачем?! – смеялась мама Антона.

– Это уже некрофилия, Антошка! – вторил отец.

– Это диагноз! – заливался смехом Рома.

Парень ничего не отвечал, только глупо улыбался. Он понимал, что будет выглядеть ещё глупее, если выхватит листок из рук отца и убежит в комнату сжигать остатки своего постыдного творчества. С этого момента он твёрдо решил больше не марать бумагу стихами. Осталось только подождать, когда все забудут про этот конфуз. Но пока на это надеяться не приходилось.

– Сынок, у тебя есть какое-нибудь позитивное стихотворение? – спросила мама.

Антон поспешил оправдаться:

– Мам, я это написал лет в пятнадцать! Просто нашёл и решил выбросить!

На самом деле стихотворению было чуть больше года.

– Надо будет Инне рассказать, она оценит! – Рома поделился планами ввести в курс дела свою девушку.

Озвучил свои мысли и Вася, глотнув пивка:

– Ну, тут дело даже не в том, что творчество плохое, а в том, чтобы ты впредь выбрасывал мусор вовремя, и в нужное место. Сейчас поешь и вытри дверь по-нормальному, а то у меня всё стереть не получилось.

Вроде бы все успокоились. Принялись за вечернюю трапезу. Клочок бумаги с «Мёртвыми чувствами», только уже в разорванном виде, снова отправился в мусорный пакет.

– По ночам в тиши, я пишу стихи, пусть твердят, что пишет каждый, в девятнадцать лееет! – пропел Роман.

Все снова рассмеялись. Антон тоже смеялся и надеялся на то, что его не сдадут в психушку и не оставят в роли семейного посмешища навечно.

* * *

Пока в квартире Кошкиных шло веселье, в одинокой берлоге Владислава Бекетова была тишина. Мужчину весь день мучили неприятные ощущения в желудке, а вечером начались приступы боли. Он съел таблетку и просто сидел на кухне, думая о своей усталости и о том, чтобы отложить своё кулинарное шоу на завтра.

Готовить Влад любил и умел. Жаль, что сейчас некого кормить, кроме себя самого. Но он старательно гнал подальше плохие мысли. Сконцентрировался на том, какой суп он завтра сварит, из каких ингредиентов. Стал вспоминать содержимое своего холодильника, хватит ли продуктов на очередной кулинарный шедевр. Боль отпустила, и он шаркающими шагами направился в спальню. Он всегда очень ра-

но ложился спать, в районе восьми часов вечера. Зато проснулся утром бодрым и отдохнувшим. Насколько это было возможно для него.

Проходя мимо комнаты дочери он, как всегда, тяжело вздохнул. Но на этот раз заглянул внутрь. Включил свет, но дальше порога не зашёл. Ему не хотелось нарушать своим частым вниманием то ощущение присутствия, которое ещё оставалось в уютном интерьере маленькой комнаты площадью восемь квадратных метров.

Заправленная кровать, неприхотливые растения в горшочках на окне. Большой письменный стол, на котором всегда царила аккуратная чистота. Тетрадки, книги, письменные принадлежности – всё лежало на своих местах, в правильном, заведомо обозначенном владелицей, порядке.

У стола на стене висел большой прошлогодний календарь, на котором был изображён смешной толстый кот. А на стуле сидел большой плюшевый заяц розового цвета. Остальные мягкие игрушки своими пустыми взглядами взирали на Владу с невысокого шкафчика. Мужчина не знал, почему в тот день, перед отъездом на дачу, дочь посадила на стул именно зайца, которого они с женой подарили ей, когда девочке было лет десять или одиннадцать. Другие игрушки ей нравились не меньше, но именно заяц остался сидеть на стуле и ждать свою хозяйку...

Ждать до тех пор, пока Влад ещё в силах волочить своё существование в этом дурацком мире.

Он никогда не решится убрать игрушку с её законного места, никогда не поменяет местами остальных плюшевых жильцов комнаты, никогда не снимет со стены неактуальный календарь с фотографией забавного котика. И никогда не увидит свою дочь.

В этой маленькой комнате жила его самая страшная боль. Боль потери своего ребёнка. Потери горькой, в том самом случае, когда до последнего не веришь, что человека больше нет.

Агата пропала без вести летом прошлого года, и вот уже почти пятнадцать месяцев Влад жил один. Девушка, которой совсем недавно должно было исполниться двадцать лет, пропала жарким июльским днём, когда они отдыхали на даче, в самой глуши области.

Отец и дочь всегда жили в мире и согласии. Девочка хорошо закончила первый курс в институте, занималась художественной гимнастикой, всё остальное время сидела дома. В тот проклятый день они сытно позавтракали, и дочь захотела съездить на велосипеде в другую деревню на могилу к матери. Она часто туда ездила, поэтому мужчина отпустил её со спокойной душой. Ну как со спокойной... конечно, он переживал, он всегда переживал, но Агата была очень осторожной девочкой. Ей хотелось вновь съездить в те живописные края. Что могло случиться в самый разгар дня? Дочь обещала вернуться через пару часов. Но ни через два, ни через три часа она не вернулась.

Не вернулась и позднее.

Поиски ни к чему не привели. Казалось, что Влад искал её больше, чем отряд спасателей и местные органы полиции. Но вдруг это всего лишь иллюзорный взгляд со стороны, и профессионалы в поисково-спасательных мероприятиях знают своё дело... но никаких следов найдено не было. Влад думал, что не переживёт этого.

Пережил.

Уставшим взглядом он оглядел интерьер комнаты. Около недели он не вытирал здесь пыль и не мыл полы. Он дал себе слово в ближайший выходной заняться этим. И он обязательно сдержит своё слово. Он всегда знал цену своим словам и поступкам. Но каким правильным человеком ты бы не был, это ещё не значит, что ты застрахован от бед и несчастий.

Первый раз Влад это понял, когда умерла его жена, мать Агаты. Она умирала от тяжёлой болезни долго и мучительно, на протяжении целого года. Влад с дочерью ухаживали за ней так, чтобы она ни на миг не почувствовала себя несчастной. Хотя заранее всё было предрешено, никто в их семье не говорил о смерти. Ни одного слова об этом печальном, но обязательном для жизни, обстоятельстве не было сказано ни до, ни после смерти Снежаны. Родные морально готовились, но не разговаривали о том, что обязательно случится. Целый год мучений и горечь утраты. Четыре года назад ушла из жизни жена Влада. И больше года он живёт без дочери.

Совсем один.

Влад даже пробовал начать пить, но больной желудок и сердце тут же откликнулись на его спонтанное решение. Иногда мужчина жалел о том, что он тогда не умер. Зато теперь он точно знал как покончить с собой, не взяв очевидного греха на душу. Тогда, когда совсем станет неспособен. А пока он ещё нужен на своей работе.

И вот, неизвестно по какой причине, Влад понадобился своему соседу, чтобы тот смог задать свой шуточный вопрос, ответ на который его не интересовал.

«Чё какой грустный?» – крутилось в голове у Владислава, когда он разделся и сел на самый краешек кровати, готовясь отойти ко сну.

Он всегда так осторожно садился на кровать, чтобы не разбудить жену, если она легла спать раньше его. Но жены нет уже несколько лет, а привычка есть до сих пор. И дочери нет. Даже кот, которого они взяли с собой на дачу, убежал после исчезновения хозяйки. Тоже пропал без вести. Все покинули Влада. Он горько плакал, стараясь не издавать никаких звуков.

Глава 7

Первые сутки на свободе у Тихона прошли в поисках ночлега. Нормально поспать в тепле удалось только следующим днём, когда получилось проскользнуть незамеченным в один не запертый подъезд. Вечером оттуда выгнали жильцы. Пришлось идти на железнодорожный вокзал, больше никаких идей не было.

Там Тихон купил себе два пирога и чекушку водки. Ночь не за горами и о ночлеге нужно было подумать сейчас. Представители полиции и так уже косо на него смотрели, один раз даже проверили документы. Поэтому ночевать на вокзале ему уже не хотелось.

Куда податься? Была одна мысль. Тоже из разряда «милосердие».

Он поел, сделал несколько глотков из бутылки. Было горько. Мимо прошёл полицейский с собакой. Пришлось быстро спрятать чекушку за пазухой.

Тринадцать лет назад у него были и родня, и друзья. Всё шло по плану. Сходил в армию, поступил в техникум, окончил его, устроился на работу.

Особенно крепко он дружил со своим бывшим сослуживцем. Сыном попа. Звали его Захар, и жил он в деревне. Не раз Тихон приезжал к нему погостить: на рыбалку, на шашлыки, в поход. В его же деревне он познакомился с девуш-

кой, в которую влюбился до беспамятства.

Но в одну ночь его жизнь резко сломалась. Он тогда в очередной раз приехал в гости к Захару, заодно с девушкой повидаться. Ей было только семнадцать лет, и её родители строго следили за тем, с кем она гуляет. Не нравился им Тихон. Городской гуляка. И запретили они ей ехать с ним, Захаром, и его друзьями на речку с ночевой. Тихон поехал без неё. Стояло жаркое лето.

А в то время характер у него весёлый был, не то, что сейчас. Молодой, наглый. Он совершенно не оправдывал свою погреху, данную ему после, на зоне. В общем, напились они там. Спать легли: кто в палатке, кто в машине. А Тихону не спалось. Его душу терзала обида на родителей его девушки. Ещё настроение портило то, что успел он с другими туристами поругаться. С теми, что по соседству отдыхали. Они не понравились ему, он не понравился им. Не помнил Тихон из-за чего конфликт начался. Но не остыл, горячим был парнем, глупым.

Решил пойти с ними разбираться. Точнее, лишь поговорить хотел.

И не помнил он, как двоих людей топором-то зарубил.

Помнил, что защищаться пришлось, и что их было очень много. Помнил уродов страшных.

А как людей рубил – не помнил.

Итого два трупа, ещё одного парня и вовсе не нашли. Долгим было дело, но вердикт оказался достаточно мягким, как

посчитали родственники убитых и пропавшего без вести.

Дали ему срок, а он и не помнил ничего. За что столько отсидел. Помнил только, как в ту роковую ночь после всего случившегося к друзьям побежал испуганный. Уроды страшные ему везде мерещились...

Не любил Тихон вспоминать эту историю. Но кроме воспоминаний у него ничего не осталось. Теперь и крыши над головой нет, даже неба в клеточку.

Он сделал ещё несколько глотков из бутылки. На мгновение стало очень хорошо. Но совсем ненадолго. Похолодало. Ещё и дождь пошёл, стуча в стекло большого окна вокзала.

Сидоров посмотрел расписание пригородных поездов. И ещё раз пристально рассмотрел бумажку с номером телефона из одиннадцати цифр – ту самую, что сунул ему Борзой.

Нет, не хотелось ему больше в тюрьму. Тихой жизни ему хотелось. Теперь он другой человек и знает цену любому благу, любому поступку.

Положив бумажку в карман, Тихон захотел закурить, но вовремя понял, что находится в помещении. Вышел на улицу. Закурил под дождём. За пару минут промок, вернулся опять к кассам.

Он прекрасно помнил, как добраться до того места, где жил Захар. И пусть они прекратили любое общение после того инцидента тринадцатилетней давности, больше ему не к кому было обратиться. А та девушка, с которой у него не сложились отношения, вряд ли хоть когда-нибудь вспомина-

ла его добрым словом.

Вся надежда была на бывшего сослуживца. Захар всегда был добрым человеком, несмотря на то, что не пошёл по стопам своего отца – не стал священником. Да и велика вероятность, что переехал он из деревни в город. Даже в те времена это была глушь.

Но Тихон купил себе билет. До деревни Ближняя Топь. Он надеялся, что местность не вымерла. Всё-таки это конечная остановка.

Он сел в почти пустую электричку и задремал.

* * *

Было уже темно, когда Тихон приехал на конечную остановку. Вышел на пустой перрон. Никто никого не встречал. Да и вообще он ехал всю дорогу практически в пустом вагоне и до конечной доехал в одиночестве. Дождь перестал лить, но теплее не стало. Дул холодный ветер. Тихон решил переночевать здесь на маленьком вокзале, если не сможет договориться о ночлеге с Захаром. Если вообще Захар с семьёй остался тут жить.

Тихон шёл по грязи мимо старых, покосившихся домов. Мало где горел свет. Один или два. Новых или аккуратно отремонтированных домов здесь почти не было. Видимо, не в почёте была эта местность у дачников.

Дом Захара был в самом конце деревни. На отшибе. Ещё рядом располагалось старинное кладбище с руинами когда-то сгоревшей церкви. Судя по смутным очертаниям по-

госта, новую церковь тут так и не построили. Может, и построили, но чуть подальше. Отсюда не видно.

В доме Захара горел свет. Строение выглядело опрятно, лучше многих домов в округе. Хороший, большой, уютный дом. О таком можно даже мечтать.

И зачем только Тихон сюда приехал? Кому он тут нужен?

Сидоров долго стоял в темноте, подальше от уличного фонаря, не рискуя приблизиться к дому. Курил. В конце концов, он решился. Даже если Захар прогонит его, то ничего он от этого не потеряет.

Территория до крыльца не была огорожена забором, злых собак поблизости не предвиделось. Тихон уверенно поднялся по ступенькам к входной двери, нашёл звонок и позвонил. Два раза. Вскоре дверь открыли. На пороге стоял крепкий мужчина, с небольшой, но густой бородой и ясным взглядом. По сравнению с Тихоном мужчина выглядел свежо и опрятно, но его трудно было сразу узнать. Зато у того с памятью всё было отлично.

– Тихон? Ты? – без радости и особого удивления спросил крепкий мужчина.

– Я тебя не узнал сначала, по глазам только, – сказал Сидоров.

– Ты в бегах или тебя раньше времени выпустили? – напрямую спросил хозяин дома, не пуская гостя на порог.

– Выпустили, второй день на воле, я не от хорошей жизни к тебе приехал, – начал было Тихон, но Захар его перебил.

– От плохой что ли? – но в его голосе не было злобы. Была усмешка, был упрёк. Но не злость.

– Дай работу, если сможешь. Не сможешь – прогони. Только не надо нравоучений. Оставь для проповедей.

– Я не священнослужитель, – сказал Захар Петров. – Я кузнец. Говорить не привык. Работу найду, если работать умеешь. На порог не пущу. И к семье моей не подходи. Узнаю – не убью, но плохо тебе будет точно.

– Я сюда не со злым умыслом приехал, – попытался оправдаться Тихон. – Я новую жизнь начать хочу. Некуда мне пойти. Не хочешь помочь – не помогай, бог не обидится.

Захар посмотрел на него своим грозным взглядом и немного смягчился. Но повёл его в сторону кладбища. В дороге рассказал:

– Здесь остался старый дом моего деда. Он батюшкой был, как и мой отец. Дом небольшой, старый, но в нормальном состоянии. Изба. И пить тут не вздумай – выгоню.

Они подошли вплотную к кладбищу, немного прошли вдоль его ограды и направились к лесу. Перешли через небольшую реку по бревенчатому мосту, прошли ещё немного вглубь и вышли на опушку, где стояла небольшая изба.

Было холодно, Тихон в своей куртке весь продрог, а Захар шёл в рубашке с длинным рукавом и лишь слегка ёжился от холода. Несмотря на сумрак, он очень хорошо ориентировался, а где-то Сидоров чиркал зажигалкой, чтобы лучше

рассмотреть тропу.

Тихон поблагодарил:

– Спасибо тебе, Захар...

– Рано благодаришь. Посмотрим ещё на тебя. Не забоишься жить рядом с лесом дремучим, да покойниками, значит, поживёшь ещё под крышей. Мать, сестра не пустили тебя чей?

– Мать умерла. Давно. Она бы пустила. Думаю. А сестра прогнала. Знать меня не хочет. Денег немного дала и на том спасибо.

– Вот как бывает, – подытожил Захар. – В этом доме иногда охотники останавливались, знакомые мои. Нечасто. Уголь остался. На дрова можешь взять хоть табурет. Воды, если надо, в колодце у моего дома возьмёшь. Вёдра есть. Чашки, ложки тоже есть. Электричества, газа – нет. Удобства во дворе. Керосинка была, если не найдёшь, то в столе свечи лежат. Много их в доме должно быть. Зажигалка у тебя есть. Голодный?

Захар открыл большой висячий замок ключом, который нащупал под ступенькой крыльца. Они зашли в помещение.

– С огнём не пропаду, – сказал Тихон и зажёл свою дешёвую зажигалку.

Захар сразу же приставил к её пламени фитиль толстой восковой свечи, которую сумел найти ещё в полной темноте. Стало светлее.

По короткому коридору они вошли через дверь в комнату.

А комната в избе была одна, зато с русской печью и столом, на котором стояла треснувшая керосиновая лампа. У стола располагались две лавочки. На печи лежали звериные шкуры и пахло сыростью. У самой печки стоял табурет, а возле него несколько вёдер: в одном из них лежал уголь, старые газеты и несколько коробков спичек. Ещё Захар показал, что находится в другом конце коридора. Там были сени, в которых стояла большая, но отсыревшая кровать, и небольшой двор, в котором было отхожее место. Здесь же располагалась лестница на чердак.

– Нравятся апартаменты? – шутливо спросил Захар. Послышался звук снова начавшегося дождя.

– Нравятся. Я тебе честно говорю, – сказал Тихон.

– Есть-то будешь?

– Нет, благодарю от души, – Тихону не хотелось напрягать Захара своим голодом. Утро вечера мудренее, чёрт бы побрал весь этот фольклор.

– Я пошёл. Утром зайду, – сказал Захар, сунув ему в руки массивную белую свечу.

Хлопнул дверью. Послышались удаляющиеся шаги и писк мобильного телефона. Захар ответил на звонок: кто-то из близких забеспокоился его отсутствием. Шаги стихли, а дождь становился всё сильнее.

Тихон снял навесной замок с двери, перевесил вовнутрь и запер его на ключ, который Петров в этом замке и оставил. Незваных гостей ждать не приходилось, но так было спокой-

нее. Он ещё раз осмотрел свою комнату, нашёл нож с погну-
тым лезвием. Нож был достаточно острым и им раньше часто
пользовались в быту. Эта находка Тихона порадовала. Ещё
он был благодарен Захару за то, что тот подсказал, как рас-
топить печь. С одним углём у него этого точно бы не полу-
чилось, а сломав сухой, не прочный табурет и сложив его в
печь, вместе с подожжённой газетой, он получил хороший
источник тепла. Потом сел на лавочку и закурил. За окном
была абсолютная тьма. Так он и просидел некоторое время.
Докурил, зевнул, немного проветрил избу и опять сел на ла-
вочку.

Вдруг кто-то сильно начал дёргать за дверь. Тихон схватил
нож и осторожно подошёл к запертой им двери.

– Ты чего заперся-то, покойников боишься? – закричал за
дверью Захар.

Тихон спокойно выдохнул, спрятал нож и открыл замок,
впустив товарища в жилище. Тот уже был в куртке, с неболь-
шим пакетом в руках.

– Мне так спокойнее просто, – Тихону стало неловко.

– Ну, дело твоё. Закрывайся. Тут и звери дикие бывают. И
ещё... кое-что... бывает... фу, накурил уже, не продохнуть!

– Теперь буду на улице курить.

– Если надумаешь спалить дом, то гори лучше вместе с
ним, – шутливо, но грозно сказал Захар. – Я тебе поесть при-
нёс.

Он раскрыл пакет, а там была литровая банка молока и

половина батона. Тихон поблагодарил и принялся с жадностью есть.

– Я хочу, чтобы ты знал, – жевал и говорил Тихон. – Та история...

– А я хочу, чтобы ты заткнулся, и эту тему больше никогда не поднимал. Всем местным расскажу, что ты просто бомж, который попросил работы. Никому про своё прошлое не рассказывай. И семью мою этими баснями не докучай. Сейчас уже неважно, что там было. Важно, чтобы ты сейчас тварью не оказался.

– Я тебя услышал, – угрюмо сказал Тихон и продолжил трапезу.

– Дров не будет хватать, бери у меня из поленницы. У меня много заготовлено. Но это завтра. Сегодня уж переживёшь. Вижу, с огнём ты справился, а вот заслон сверху отодвигать надо, а то задохнёшься, сволочь такая, а я виноват буду! И с поддона не забывай мусор выгребать, но это утром, когда всё остынет.

Захар отодвинул на себя заслон, находящийся вверху конструкции печи, и направился к выходу.

– От души, – в очередной раз поблагодарил Тихон.

– Ну, иди, запирайся.

Захар ушёл, Тихон вновь закрылся на замок. Подбросил угля и залез на печь. Та уже была тёплой. Не раздеваясь и не разуваясь, он задремал, укутавшись в вонючие звериные шкуры.

Ночью он вставал в туалет, очень болел живот после молока, и он еле добежал до отхожего места. По крыше барабанил дождь, а вокруг дома кто-то ходил, хлюпая ногами по лужам. Было жутко, но Тихон успокоил себя тем, что даже несмотря на то, что он обрёл временное пристанище, терять ему было абсолютно нечего. Что такое жизнь? Он знал, как легко многие убийцы, с которыми он сидел, назначают ей цену. И она была невысокой.

Утром в избе стало очень холодно. Тихон проснулся и сразу начал разжигать остывшую печь. Каким-то чудом у него это очень быстро получилось. В комнате чувствовалась сильная сырость. За окном уже было светло, но узнать сколько сейчас времени не представлялось возможным.

Прошло ещё немного времени. Небольшая комната наполнилась теплом и сигаретным дымом: Тихон курил и думал о том, что сегодня он купит себе чай и займёт немного керосина у Захара, потому что свечи быстро плавились и не давали такого яркого освещения, как керосиновая горелка.

В дверь постучали. Пришёл Захар.

– Не спишь? Ну, как ночь прошла? – спросил он.

– На воле любая ночь в радость, – ответил Тихон. По голосу чувствовалось, что он немного простыл.

Захар принёс ему старый чайник, в котором плескалась ещё горячей кипячёная вода. Ещё он принёс поесть: бутерброды из белого хлеба и докторской колбасы. В небольшом пакетике у него с собой был чай. Железную кружку Тихон

нашёл ещё вчера. Он позавтракал, поблагодарив в очередной раз своего спасителя.

Потом они пошли на кузницу, хозяином и единственным главным мастером которой был Захар. Иногда ему помогал местный мужичёк по имени Клим – небольшого роста, крепкий, старше бывших сослуживцев лет на шесть-восемь.

Клим с недоверием отнёсся к новому помощнику Захара, но обрадовался тому, что ему меньше придётся выполнять грязной работы. Он работал в кузнице не на постоянной основе, у него были и другие источники доходов. А Захар целиком и полностью владел этой ремесленной мастерской, где проводили сварные работы и изготавливали изделия из металла. Для Тихона должность подсобного рабочего была в радость и не вызывала особого физического дискомфорта, несмотря на то, что здоровье его оставляло желать лучшего, чего не скажешь про Захара. В свои тридцать восемь с небольшим лет он выглядел ещё крепче, чем раньше.

В этот же день они принялись за работу. Работали они втроём с утра до четырёх часов дня: нужно было по заказу доделать ограду для могилы, вечером уже должны были приехать заказчики. Захар не преминул похвастаться тем, что к нему поступают заказы со всего района. На что Клим посетовал, что денег всё равно не хватает на нормальную жизнь, и что численность населения за пределами больших городов стремительно сокращается, и существование здесь совсем не сахар. Но Тихон понимал, что ему очень повезло оказаться

здесь, и ему было неприятно, если своим появлением он отнимал у кого-то лишний заработок. Об этом позже он сказал Захару, на что тот ответил, что всё будет хорошо, если Тихон будет честно трудиться. И пообещал ему ещё одну работу в скором времени. Тихон Сидоров был доволен таким развитием событий.

Закончив работу, Клим ушёл домой, а Захар повёл Тихона к себе, знакомить с семьёй. В очередной раз он пригрозил не рассказывать о своём прошлом. Однако Марта, жена Захара, его узнала. Тихон был на их свадьбе много лет назад, в прошлой счастливой жизни. Она была немного взволнована и даже напугана, но муж смог её успокоить, да и сам Тихон вёл себя очень скромно, даже пытался стесняться, долго и искренне благодарил хозяйку за вкусный ужин, которым семейство Захара поделилось с ним.

За все те годы, что прошли с момента их последней встречи, Марта практически не изменилась. Она была на пару лет младше мужа, всё такая же стройная, со строгими, но привлекательными чертами лица. Очень сдержанная на эмоции. Но по-русски она научилась говорить значительно лучше, даже вела занятия в районной школе, преподавала математику, геометрию и физику.

Они с Захаром познакомились в столице, когда простой деревенский парень поехал туда на экскурсию в первый раз в жизни, а девушка, родом из Германии, приезжала в Москву на какой-то семинар. Два совершенно разных человека свя-

зали свою жизнь узами брака и родили на свет двух милых детей. Хоть Тихон и не стал никому из них крёстным отцом, но он прекрасно помнил, как у его друга сначала родилась дочь, которую назвали Евой, а потом сын, Артур. Буквально через год после рождения Артура Тихон сел в тюрьму. Сейчас парню было четырнадцать лет, а девушке в конце года должно исполниться восемнадцать.

Семья Петровых визуально выглядела прекрасно, как с обложки какого-нибудь журнала про здоровье. Тихон завидовал, но по-доброму. Не было в нём злости и агрессии. Ему тоже хотелось начать жить по-настоящему.

* * *

Тихон быстро привык к новой жизни за работой в кузнице Захара. Клим там появлялся редко, зато часто ездил на своём отечественном внедорожнике по району и в областной центр по своим делам – в деревне он держал небольшой магазинчик и самостоятельно возил небольшие партии продуктов.

Семья Захара тоже начала постепенно привыкать к Тихону, и к тому, что он нередко помогал главе семейства по хозяйству. Марта иногда кормила Сидорова обедом, и ни разу не спросила у него про его прошлое. Была вежлива с ним, но держалась в стороне. Она хорошо делала вид, что раньше они были незнакомы. Артур никакого интереса к гостю не проявлял и всячески пытался не обращать на него внимания. Ева, наоборот, иногда задавала Тихону неудобные вопросы, на которые он, в большинстве своём, отмалчивался,

либо их диалог прекращался после строгого взгляда Захара или Марты.

В один из ранних вечеров, когда работы практически не было, Захар пришёл в дом Тихона. Тот сидел на лавочке, грелся у печи и читал старый журнал, найденный им на чердаке. Захар спросил:

– Готов к ещё одной работе, или тут устаёшь?

– Конечно, готов, гражданин начальник! Если это не криминал какой! – у Тихона было хорошее настроение.

Захар сердито посмотрел на него и продолжил:

– Эта работа и будет для тебя основной. Так уж обстоятельства складываются. На кузнице работа сезонная, скоро заказы прекратятся почти до весны. Новая работа совсем не пыльная. Зато зарплата у тебя будет официальная. У местной епархии специально для тебя выделю. Пойдём, расскажу, что тебе делать нужно будет. Надеюсь, к соседству с покойниками ты привык. Одевайся.

Тихон натянул на себя бушлат и шапку. На ноги обул валенки с галошами. Такую тёплую и практичную одежду подарил ему Захар. В этом одеянии было комфортно в холодную осеннюю пору. Да и зиму этот наряд точно выдержит.

Они вышли из избы в прохладный ноябрьский воздух. Падали мягкие снежинки, которые моментально таяли. Смеркалось, совсем скоро должна наступить темнота. В этих местах она особая, беспроглядная, угольно-чёрная.

Пройдя вдоль высокого ограждения кладбища, они дошли

до главных ворот, которые были заперты на огромный встро-
енный замок. Захар открыл его ключом, и они прошли на
территорию захоронений, заперев за собой ворота.

Пройдя через большую аллею, на которой были очень
старые могилы, датированные семнадцатым, восемнадцатым
веками, они вышли на территорию более свежих захоронен-
ний, откуда на них выпрыгнул дед с ружьём.

– Что-то ты Сан Саныч поздно реагируешь, мы уже почти
всё кладбище прошли! – радостно укорил старика Захар.

Они поздоровались за руку. Тихон тоже пожал старче-
скую, но крепкую ладонь.

Старик ответил:

– Так, я видел, что ты идёшь, поэтому следил за вами, ведь
ты чужака привёл!

– Привёл я его тебе на замену, Сан Саныч. Нечего тебе на
старость-то лет по кладбищам бегать ночами. Дома отдыхай,
телевизор смотри! – нарочито громко говорил Захар.

– Нашёл замену, эх ты! Я незаменимый же! Да и привы-
кать к местности надо, скоро я тут насовсем обоснуюсь! –
кривлялся дед.

– А то ты за столько лет не привык как будто! – в шутку
сердился Захар. – Дольше всех тут работаешь, и всё никак
не наработаешься!

– Это разве работа, сторож? Это курорт, а не работа! В
охрану всегда идут лентяи. Вот и я тут лодырничая.

– Зато нас усмотрел, молодец. Я думал ты тут и правда уже

только спишь! – похвалил Захар. – Знаешь что? Я тебя тут начальником сделаю, будешь ходить с проверками по ночам, сторожей будить, да ругать их!

– Ругать-то я могу! Если зарплату сохранишь, то пойду, конечно, и в начальники. А если оклад больше станет, так не пойду, а побегу!

Они шли по мрачной аллее в сторону обгоревших руин, где когда-то стояла церковь.

Захар перестал улыбаться, сказал:

– Если серьёзно, не могу, конечно, обещать, Сан Саныч, не могу. Сам понимаешь, лишнюю копейку никто платить не будет. И не могу я тебя больше тут оставлять, возраст у тебя уже такой, что вдруг что случится, так мне как потом отвечать?

– Зато у меня есть ружьё! – привёл аргумент Сан Саныч.

– Я тебе не про это, – вздохнул Петров. – А про то, что ввиду твоего возраста не могу я больше так рисковать тобой. Сиди дома. Можешь к остальным в гости ходить сюда. Вот, Тихон будет вместо тебя. Ноябрь закончится, деньги получишь, и всё, хватит. Сиди дома. Зима холодной обещает быть.

– Жопа! – сказал Сан Саныч.

– Она самая, – согласился Захар. – Ну, что поделать...

– Ты сам-то когда сваливать надумал? – спросил Сан Саныч.

– Это тебе Клим уже растрепал? – Захару не понравился

этот вопрос. – Не знаю. Как дела в порядок приведу. Короче, отстань!

Тихон насторожился: неужели Захар собирается отсюда уехать?

– Дело твоё, – с укором сказал Сан Саныч, то ли в шутку, то ли всерьёз. – Если твой товарищ хорошо себя проявит, то можешь хоть сейчас валить. Предатель.

Захар ответил серьёзно:

– Весной Ева свой аттестат с тройками получит, тогда всё и решим.

– Тогда всё твоя фрау и решит, – пошутил Саныч.

Они подошли вплотную к сгоревшей церкви. Здесь не было ничего примечательного: сырые, обгоревшие дочерна брёвна, остатки каменного фундамента. Обычное пепелище, которому уже немало лет.

Захар начал нервно оборачиваться по сторонам, но вскоре успокоился.

Развернувшись, они прошли другой дорогой, к небольшой, практически незаметной, сторожке, около которой стояла большая поленница дров. Из трубы маленькой избушки валил чёрный дым. Они зашли внутрь и втроем еле поместились в маленьком комнате. В углу располагалась печка-буржуйка, а также стоял в выключенном состоянии электрический обогреватель. Ещё в помещении был стол и скамейка. На столе лежал кнопочный мобильный телефон, электрический чайник и настольная лампа.

В сторожке было три окна, через которые просматривалась основная часть кладбища: от самых ворот до руин старой церкви. В некоторых местах удачно горели уличные фонари, в свете которых можно было рассмотреть и обугленный фундамент церкви, и некоторые могилы.

Позже Захар объяснил, что сторож здесь необходим для того, чтобы вандалы или грабители не уничтожали и не расхищали древние памятники, могилы и склепы, которые представляют собой некоторую культурную ценность. И сторожить нужно особенно тщательно, даже неприкосновенные руины церкви, ведь за всё приходилось нести большую материальную ответственность в случае пропажи, либо порчи чего-либо.

Ни ответственность, ни мрачность места не пугали Тихона. А вполне реальная зарплата и крыша над головой очень радовали недавнего заключённого.

Дед поинтересовался:

– А как там Корягины, не решились, кто на постоянную встанет?

– Корягины пока на замене, – сказал Захар. – Кто-нибудь, думаю, встанет в смену, если я уеду. Если что, Клим решит, он за главного останется. Рано пока про это говорить.

– Ладно, – согласился Сан Саныч. – Если что, то и я подсоблю.

– Не сомневаюсь, – сказал Захар. – Тебе, Саныч, ещё и выговор! Вышел из коморки, а телефон с собой не взял!

– Виноват, – сознался Саньч. – Я ещё очки дома забыл, но тебя-то разглядел, когда близко подошёл...

– У меня нет слов! – развёл руками Петров. – А ещё оставить тебя просишь! Ноябрь дорабатываешь и давай, на пенсию. Сам понимаешь, здесь всё строго. Иди за очками, мы тут посидим. Я расскажу Тихону про работу.

Саньчу никуда идти не хотелось:

– Может, поработаю ночь без них?

– Иди, иди. Я всё Тихону пока объясню.

– Скотобаза, – отреагировал старик.

Ещё немного поворчав, Саньч всё-таки пошёл домой за очками.

Тогда-то Захар вновь поведал Тихону про ценность здешних руин и могил, и про строгость выполнения обязательств. Рассказал он, что график работы сутки через трое. И за время работы можно открывать ворота на кладбище лишь в определённые часы, и постоянно следить за тем, чтобы посетители не лазили на руины церкви и не оскверняли старые, да и новые могилы. Сторож должен держать в чистоте местное хозяйство: зимой чистить снег у входа и у центральной аллеи, выбрасывать мусор и старые, пришедшие в негодность, венки. Ещё бывает калым в виде копания могил, установки памятников и оград. На случай ЧП с собой всегда должен быть под рукой служебный мобильный телефон, с его помощью можно было экстренно вызвать Захара, либо Клима, а также оповестить остальных коллег по дежурствам.

Ближайший опорный пункт полиции находился достаточно далеко отсюда, поэтому в любой ситуации нужно рассчитывать только на свои силы. На данный момент, помимо Сан Саныча, самого Захара и Клима, штатным сторожем тут был ещё и Витя, который работает меньше других, буквально пару лет. Были ещё два человека, которые могли выйти на подработку в случае невозможности выхода на смену основного сторожа – это Корягины, отец и сын. Ещё Захар уточнил, что пить алкоголь здесь никому не разрешено и правило это следует строго чтить. Помимо мобильного телефона, в пользование сторожа давался мощный фонарь. Эти два предмета следовало всегда носить с собой. Оружие было только у тех, у кого имелось разрешение на него: у Саныча и Клима. Впрочем, уточнил Захар, чрезвычайных происшествий здесь было мало, но службу свою следовало нести бдительно, иначе уголовная ответственность, большие штрафы и увольнение. Перед началом каждого месяца все штатные сотрудники подписывали акт о коллективной ответственности. Ну а в целом работа была вполне выполнимой.

Тихон согласился на все условия. После того, как Саныч вернулся с очками, мужчины вышли из сторожки и обошли почти всю территорию кладбища, которое было достаточно большим.

После тщательного обхода все разошлись: Саныч вернулся в сторожку разгадывать кроссворды, Захар ушёл к семье, а Тихон поспешил в свою мрачную берлогу, где, растопив

печь, лёг на неё не раздевшись, сняв только обувь. Наконец-то жизнь налаживается – думалось ему перед сном.

Глава 8

В очередной понедельник Максим вышел на работу здоровым и энергичным. В воскресенье он посетил спортивный зал, и приятная ломота в мышцах говорила о том, что занятия прошли успешно. Он старался не пропускать тренировки и держал себя в тонусе. После случая с бомжом он на некоторое время решил прекратить излишние возлияния.

В глубине души он оправдывал свой поступок, ведь в очередной раз смыл с лица Земли небольшой комоч грязи, которых осталось ещё много, но уже хорошо, что на одну смердящую единицу меньше. Вполне возможно, в ближайшем будущем придётся устранить ещё какую-нибудь опухоль на теле планеты, но всё зависело от спроса, а спроса пока не было. В осведомлённых кругах ходили разговоры о том, что компания «Импера» переживает не лучшие времена, поэтому затишье могло быть вынужденным, дабы не привлекать лишнего внимания. Но эти проблемы Максима пока не касались.

Несмотря на общее бодрое настроение, Чижов не знал чем занять себя на работе. Компьютерные игры ему ужасно надоели, а ничего нового в убийстве времени он придумать не мог. Поэтому просто сидел и разбирал дорогую, ещё исправную ручку на детали. Её ему подарили коллеги на день рождения. Он думал о том, чем ещё можно заняться сегодня на работе и вечером дома. Причём заняться дома чем-то, что в

итоге не привело бы к распитию спиртных напитков.

С планомерным течением времени тяжкие думы завели Максима в область неприятных размышлений не только о ближайшем времени, а о будущем вообще. Он вспомнил вчерашний телефонный разговор с матерью, её требования продолжения рода и прочую стариковскую ерунду. Обычно, весельчака и балагура, коим Максим по своей сути являлся в лучшие времена своей жизни, не задевали такие еженедельные разговоры, но в эту осень видно что-то в мужчине сломалось, и он перестал отшучиваться, а начал прислушиваться к словам мамы.

К сожалению, его нередко стало настигать понимание того, что внутри него действительно что-то сломалось так же, как только что сломалась хорошая перьевая ручка в его неумелых руках. Он пытался её собрать заново в рабочее состояние, но у него ничего не получалось.

За этим занятием его застала Лена. Она спросила:

– Привет. Что-то ты снова хмурой. Как себя чувствуешь?

– Привет. Не всего, – Макс продолжал внешне выглядеть хмуро, но как же его радовало внимание начальницы!

– Что значит «не всего»?

– Не всего себя чувствую.

Лена, памятуя о том, что Макс в прошлом месяце уже брал несколько дней больничного, немного забеспокоилась:

– Ты опять заболеть решил? Или что-то с настроением? Осенняя хандра?

– Знаешь, Лена, у тебя было когда-нибудь такое состояние, когда кажется, что счастье это то, чего на самом деле не существует? Как бога или деда мороза, например. Его можно выдумать, поверить в него, внушить его себе, но на самом деле его ведь нет. Не было и не будет. Ведь что такое счастье? Это отсутствие проблем и полная удовлетворённость тем, что тебя окружает. В результате человек счастлив эпизодически в раннем детстве, когда искренне чему-то радуется, даже сам не понимая чему. И в глубокой старости, когда окончательно добьёт слабоумие. Значит, получается, что счастье это расстройство психики, её неполноценное функционирование?

Лену данная тема чем-то задела, или, по крайней мере, показалась забавной. Она уже успела устроиться на удобном кресле и выслушала слова Максима с полным вниманием и участием. Она это умела. После чего спросила:

– В понедельник с утра тебя потянуло на философию? – сарказм не покидал её.

– Дело не в том, что сейчас утро понедельника. А в том, что у каждого человека, рано или поздно, жизнь переходит из состояния радостных надежд в состояние горестных разочарований.

– Горестный ты наш, у нас скоро предстоит много работы. Я тебе на электронку пришлю документы, распечатаешь их, подошьёшь аккуратно в папочку, и лично передашь Леониду Павловичу...

– Я чего тебе, секретарша что ли? – Максим негодовал. – Почему ты её не можешь попросить это сделать? Это разве работа для меня?

Лена встала с кресла. Довольная собой она медленно направилась к выходу из кабинета, не скрывая лёгкую улыбку. Напоследок сказала:

– Вот, зато путём правильной расстановки нумерации страниц в документе, к тебе, возможно, придёт понимание того, что в жизни всё последовательно. Также и ощущение счастья, возможно, когда-нибудь посетит твою нелёгкую жизнь. Лишний раз не следует ничего усложнять.

Максим в этот момент окончательно и бесповоротно доломал ручку.

– Пошли в кино ходим? – сказал он, выбрасывая письменную принадлежность в мусорное ведро.

Спросил без надежды, но девушка остановилась у двери, обернулась и сказала:

– А пошли! Знаешь, хочется чего-нибудь такого бабского, слезливого. Какую-нибудь мелодраму. Ты сможешь осилить? Не против такого предложения?

– Отлично! – Максим обрадовался. – Я тогда посмотрю, что идёт в кинотеатрах, и скину тебе на почту. В конце дня загляну к тебе в кабинет.

– Не забудь про документы, – улыбнулась Лена и вышла, а Максим полез в интернет выбирать интересные фильмы.

* * *

За тридцать минут до окончания рабочего дня Максим уже сидел на краю стола в чуть более просторном кабинете Елены. Девушка недолго смотрела киноафишу, предложив на месте выбрать кино по душе, всё также настаивая на жанре мелодрамы. Макс был не против и терпеливо ждал, когда Лена закончит что-то печатать на компьютере. Со своей работой на сегодня он с блеском справился, теперь оставалось дожидаться, когда трудоголик Лена исполнит обещание составить компанию при просмотре фильма в кинотеатре.

– Лен, пошли, Лен, – терпение мужчины подошло к концу, когда официальный рабочий день уже закончился, а девушка всё также торопливо работала с информацией.

– Сейчас-сейчас...

Она привыкла задерживаться на работе, и ей было немного неловко, что её ждут. Макс, помимо того, что стоял над душой, взял со стола жёлтый карандаш с розовым ластиком и стал тыкать этим самым ластиком в ухо начальницы. Та посмотрела на него, как на дурака:

– Этого делать было совсем необязательно, – сказала она.

Но вскоре девушка оставила работу, и они вместе вышли из кабинета. Несмотря на хорошую должность, Елена ещё не успела обзавестись водительским удостоверением и личным автомобилем, поэтому в кино они поехали на машине Максима. «Кадиллак ATS» чёрного цвета являлся предметом гордости и трепетной любви Макса. На нём они благополучно и с комфортом доехали до кинотеатра, что находился

в центре города.

Что же касается самого фильма, то парню выбор Лены очень не понравился, но он всё равно просмотрел картину от начала и до конца, пытаясь вникнуть в логику сюжета. Экранизированное повествование его не зацепило, и по окончании фильма в его памяти не осталось каких-либо моментов из американской мелодрамы. Он даже не помнил точного названия – то ли «С любовью, Роззи», то ли «С любовью, Лиззи». В общем, даже имени главной героини он не запомнил.

Разумеется, молодой человек проводил девушку после киносеанса домой. Небольшое расстояние они решили преодолеть пешком, тем самым немного прогуляться, несмотря на то, что поздняя осень не лучшее время для прогулок. Девушка заметила, что парню фильм не понравился, и она предложила в следующий раз выбрать картину на его вкус. Такое развитие событий было приятно Максиму. Они шли, много шутили и громко смеялись. Им было легко и хорошо. Во время прощания Лена лёгким прикосновением губ поцеловала парня в щёку и поблагодарила за приятный вечер.

Домой Макс возвращался в хорошем настроении и по пути прикупил несколько бутылок пива. Дома он поелпельменей, потом долго сидел на краю ванны. Курил оставшуюся с какого-то праздника сигариллу, пил пиво и смотрел на себя в зеркало. Дома был полумрак и тишина, а Макс пристально пялился на своё отражение и ему становилось жутко.

Жутко ему было нечасто, но такие приступы всё-таки бы-

вали. Парень легко с ними справлялся, не доводил себя до паники. На этот раз ему казалось, что души тех, кого он когда-либо убил, смотрят на него из зеркала, как из окна по-тустороннего мира, и молчаливо ждут, когда он окажется на их стороне, там, в зазеркалье. Но он совсем не торопился к ним и искренне надеялся на то, что в реальной жизни его эти демоны не тронут. Иногда он слышал чьи-то голоса в своей пустой квартире, когда ложился спать. Разумеется, сон как рукой снимало после таких мороков. Он лежал и прислушивался к любому шороху, но приходил к выводу, что это всего лишь игра воображения или соседи шумят.

Максим нередко забывал о том, что он наёмный убийца. И старался никогда не вспоминать, как он им оказался. Но сегодня он проверил свою память на наличие белых пятен и убедился в том, что их снова нет.

Он вспомнил, как несколько лет служил в спецназе, но из-за проблем с дисциплиной карьера у него там не сложилась. Как только его выперли оттуда, он пошёл работать охранником в магазин, стал много пить дешёвого пойла и вести разгульный образ жизни, насколько позволяла невысокая зарплата. Но душа требовала красивой жизни. И вот однажды он дошёл до того, что проиграл в карты одному местному криминальному авторитету. Проиграл желание. Тот пожелал убить своего конкурента.

Макс всё исполнил – на кону стояла не честь карточного долга, а его жизнь и жизни его близких. Здесь уже не до шу-

ток. И с тех пор парень больше не играл в азартные игры, но играл в двойную жизнь.

Один из влиятельных людей, владельцев «Имперы», узнал о профессионально выполненном заказе. И сделал Максиму предложение, от которого тот не смог отказаться по тем же причинам, что и в случае с карточным долгом.

Молодой человек уже несколько лет выполнял заказы по устранению неудобных чужому бизнесу и чужим жизненным взглядам людей. В основном, жертвами были криминальные деятели местного масштаба, поэтому Максим не очень переживал в плане нравственности. Да и не настолько часто выпадали подобные заказы. Ну а для прикрытия своей незаконной трудовой деятельности он каждый день ходил на работу в центральный офис, где занимал хорошую, но незаметную должность.

Так и шла своим чередом его жизнь, в которой всё меньше оставалось места для романтики. Правда, сегодняшний вечер вселил в него приятный оптимизм и, одновременно, страх перед возможными проблемами в будущем. Но он научился жить одним днём, и этот день удался на славу! И, чёрт возьми, его отражение в зеркале ему очень даже нравилось!

Часть 2

2 ЧАСТЬ

Глава 1

Молодой организм, не привыкший к физическим нагрузкам, давал существенные сбои при колке дров во дворе – после двадцати минут работы парень весь заливался потом, дыхание было тяжёлым, сердце бешено колотилось, то и дело сбиваясь с ритма.

Костя, больше привыкший быть Ваней, остановился, сел на пень, с которого он раскидывал в разные стороны поленья ударами топора, накиннул на плечи куртку. Долго смотрел на выходящий изо рта пар, пока на спине стыл пот. Потом закурил, успокоился.

Очередной день с умирающим не от старости, а от скуки, дедом, заставлял найти новые средства досуга.

В глазах немного темнело, но вскоре всё нормализовалось. Чем только себя не займёшь, лишь бы не оставаться наедине со стариком. Сейчас дед слушал радио, и находиться рядом с ним было необязательно.

В доме проведён газ, и созданы все удобства, но дрова колоть парень любил, несмотря на то, что давалось ему это занятие достаточно тяжело. Но таким образом он, стиснув зубы, вымещал свою злость на всё. Да и дедушка его за это дело хвалил.

Старику нравилось, когда парень топил печь. В этом так же не было нужды, как и в колке дров, благодаря газовому

котлу. Печь в доме была скорее для атмосферы, чем для реального обогрева помещения.

А у Кости был лишь один атрибут собственной атмосферы – лампочка.

В единственной жилой комнате, ближней к кухне, висела лампочка, одна единственная и такая же тусклая, как в том коридоре, в котором каждое утро и каждый вечер любил находиться этот грустный и одинокий паренёк. Её жёлтый, приглушённый свет создавал настроение специально для него, ведь яркость раздражала: казалось, она обнажала все несовершенства этой жизни. А полумрак слабенькой лампочки успокаивал, как бы шептал на ухо – всё привычно, всё вполне ещё нормально.

Ну а деду всё равно на освещение, он же был слепой. Но иногда он смотрел на лампочку своими белёсыми глазами, и, казалось, что-то в ней видел.

Когда настроение деда располагало к разговору, он говорил такие вещи – заслушаешься. В чём-то старик был таким современным, что ли.

Несмотря на нестабильное понимание всего происходящего вокруг ввиду старческого слабоумия, он осознавал всю суть человеческих взаимоотношений, хоть в последние несколько лет ни с кем, кроме этого парня и врача, не вёл диалога. Односельчане к нему не заходили.

Когда Фёдор Сергеевич переехал из города в село, то был местным председателем. Никто его особо не любил, но кол-

хоз его процветал. Сам он был очень состоятельным человеком, но жадным, имел склонность к накопительству. Правда, до сих пор было неизвестно, где его накопленные средства хранятся.

Мужики не пили с ним, а он не пил с мужиками. И вообще, всячески боролся с пьянством. Такое ощущение, что и сейчас в селе никто особо не злоупотребляет. Вымирает село и без этого.

А деду сейчас на всё плевать. Он больше увлекался международной политикой и сетовал на то, что так никогда и не был за границей. Ещё они часто читали всякие книги, а потом обсуждали повествование, прочитанное вслух молодым человеком. Вполне себе идиллия.

Стабильно, раз в пару недель, а то и чаще, к деду заходила врач – симпатичная девушка, на пару лет постарше Кости. Длинные, кудрявые, рыжие волосы, веснушки, задорная улыбка – она была в самом расцвете. Они с мужем переехали сюда жить не так давно, и профессию свою она любила больше предыдущего, сильно пьющего и редко навещающего старика фельдшера. Но ещё и от скуки она так часто ходила по домам живущих здесь стариков, пока её муж был в очередной командировке.

В этот холодный осенний полдень она пришла немного раньше обычного времени. Парень встретил её на самом пороге:

– Здравствуйте, – сказал он.

– Ну, привет, – вальяжно ответила врачиха. – День добрый, Фёдор Сергеевич! Как ваше ничего?

Дед, радостный от такого внимания, ответил:

– Ничего, Ритуля, ничего. Вообще ничего.

– Что-то вы сегодня невеселы, осенней меланхолии поддались?

– Да, сил что-то всё меньше и меньше. Гасну, – грустно сказал дед.

Она его осмотрела, смерила давление, напомнила о приёме лекарств. Немного позаигрывала с ним, поддаваясь на его нелепые старческие домогательства. Потом парень проводил её до калитки.

– Этот светильник уже много лет так гаснет, – сказал он.

Ему хотелось больше разговаривать с ней, но он не знал о чём.

– И нас с тобой переживёт, – сказала Рита. – В принципе, всё нормально. Относительно. Только деду не надо простужаться, а то болеть будет долго. Иммунная система у него не как у тебя. А сам-то, что какой хмурый? Иль деда хочешь скорее на тот свет сплавить, наследства ждёшь?

Последняя фраза была сказана тихо, с саркастически заговорщицким видом.

– Какое тут наследство. Дом этот в жопе цивилизации?

– Фу, как некультурно – улыбнулась она в ответ.

Ушла.

После разговора он рассматривал себя в зеркале, памятуя

её слова о своей неважной внешности. Правда, чёрные круги под глазами. Худой, осунувшийся молодой старик. Ничего нового.

Потом он долго и с удовольствием вдыхал аромат духов, оставшийся после неё в доме.

А так, Маргарита хорошей была, и как специалист, и, вроде, как человек. Приехала сюда, в эту глушь. Копят с мужем деньги на квартиру в городе, не хотят там на съёмной жить, вот и переехали в дом покойной матери её супруга. Он по командировкам шатается, деньги зарабатывает дальнбоем, а она стариков лечит. И скоро, по её словам, они должны будут переехать. Такое обстоятельство даже расстраивало Костю.

Девушка была всегда внимательной и доброжелательной. Вот такая Маргарита. Отрада всем старикам. И молодым старикам тоже.

* * *

Коридор. Тусклая лампочка. Сигаретный дым. Вечер. Всё то же самое, что и утром, только кое-где можно было услышать голоса соседей, шум включённых телевизоров, крики детей, шаги на лестничной площадке, закрывающиеся двери, лай домашних собак.

Утром стоять здесь приятнее. В ранние часы тишина не заставляет оглядываться из-за возможности быть замеченным кем-то из соседей, с которыми парень не общался и общаться не собирался.

Вот и на этот раз молодой человек не остался здесь надолго. Ему хотелось спать и никуда не хотелось ехать – а поездка намечалась уже через семь часов. Ему нужен выходной, давно их у него не было. Очень хотелось закончить весь этот маскарад. Раньше надо было что-то предпринять по этому поводу, но он ничего и не придумал. Мнительность никому не идёт на пользу. А жить под чужим именем чужой жизнью становилось невыносимо.

В его небольшой комнате, совмещённой с кухней, также висела единственная лампочка. Тусклая, как он любит.

Парень ненадолго включил и выключил её. В джинсах и кофте лёг на кровать, думая о том, где могли быть спрятаны сбережения деда и так ли много их на самом-то деле. Мысли о возможном богатстве грели его душу. В принципе, можно было и сейчас как-нибудь по-хитрому свести старика с этого света и законно вступить в права владения его домом.

Но всё-таки было жалко старика и ещё оставалась возможность, что дед проговорится о том, где спрятан его клад, если он, конечно, существует.

* * *

Раннее утро, коридор. В этот день мысли не клеились в одну ленту телеграммы, посланную самому же себе. Так, обрывки коротких сообщений, очень быстро сдуваемые ветром памяти. И ни одного точного слова в них, чтобы они хоть как-то зацепились в дне сегодняшнем, так похожем на день вчерашний и все остальные прошлые дни. Наверное, нека-

чественным оказался доставщик мыслей.

* * *

– Вань, это ты? – спросил дед, когда услышал, что кто-то вошёл в дом.

– Я, – парень снял куртку в прихожей, разулся. – Сегодня, вижу, без происшествий. Что не спишь?

– Сны не снятся, – грустно ответил дед.

– Не каждый же день. Сегодня вообще не ходил никуда?

– Неа... а знаешь, как хотелось? Вот лежу я, засыпаю и думаю: вот уйти бы куда. Далеко-далеко! За лес. Там, где тепло всегда и солнце под рукой. А этот говорит: не ходи туды, не ходи! И руками так машет, и эти стучат из под пола, значит. Наступил на одного, и дальше! Эх! А солнца-то и нет опять! Ярило погасло! И снега нет, тепло. Он говорит: у них теплее. Я: э, нет, брат! Не возьмишь! Хрен тебе! Вот, Вань. Понимаешь, нет ли? К ним, туды!

Дед смеялся. Такие разговоры пугали парня. До мурашек по спине. Кто такие «они», и куда эти «они» его зовут?

Он спросил у деда, заранее зная его ответ:

– Кто «они»?

– Кто, кто! Черти!

– Во, блин, черти у него, – сказал еле слышно опекун.

Он в очередной раз вспомнил тот тёплый весенний денёк, когда его друг предложил ему работу. После детского дома парень нигде надолго не смог продержаться, а тут такой подгон. Без желания работать ничего хорошего в карьере не про-

исходит.

Друг ему всё поведал, открыл душу. Бандитские связи помогли найти не только должников. Он нашёл свою семью. Мать приняла его хорошо и долго раскаивалась в том, что отказалась от него после рождения. Но какой-то внятной причины, побудившей её на этот поступок, она никогда не называла. Больше детей у неё не было. Про его отца не сказала и слова.

А дед, её отец, к тому времени был уже беспомощным слепым стариком, но тоже принял внука радостно, всей душой. Но встретились они в этой жизни всего два раза. И больше не встретятся.

Мать вскоре умерла, дед остался на его попечении. Тогда-то Ваня сразу и нанял Костю к нему сиделкой, мол, дед всё равно ничего не заметит, с катушек съехал уже. Тем более мать поведала Ване перед смертью, что у старика где-то богатства припрятаны. Да и сам дед обещал оставить хорошее наследство. Один дом только что стоит, земля. Хотя, что он стоит в глуши?

Тогда-то Фёдор Сергеевич поставил внуку строгое условие: в дом престарелых не сдавать, следить за ним самостоятельно, дескать, всё равно скоро помру. Вот почти три с половиной года его и развлекает Константин. Раньше хоть соседи иногда приглядывали за ним, у парня выходные были. Но добрые люди съехали куда-то. Вскоре и Ваня погиб.

И остался Костя один с дедом. Раньше ему не только

дед платил (он пенсию за него по доверенности получает, неплохую даже), но и Ваня отчисления немалые делал. А теперь без Вани негусто стало. Остаётся только пенсия деда, но больше половины на него и уходит. Да и... привязался он к нему. Так и стал Костя Ваней. И на своё имя уже не отзывался, да и некому было позвать. И никого у него, кроме деда, не было. Ни девушки, ни друзей. Тошно ему.

Но вот умрёт дед, он разбогатеет. С Ваней они с самого начала Костю опекуном оформили, главным наследником. Сам Ваня не хотел с дедом сидеть, но и бросить не мог.

Помимо дома и земли, существовало и другое наследство, которое ещё надо было заслужить. То, про которое сам дед нечасто, но всё-таки упоминал. Говорил, что спрятаны у него богатства какие-то. Один раз Костя с Ваней весь дом аккуратно обыскали, но ничего не нашли. А у деда про это выпытать оказалось непросто. Вся эта перспектива радовала недолгое время, всё быстро переросло в привычку. Костю не покидало чувство, что его где-то обманули. Но он терпел.

* * *

Коридор. Вечер. За окном падал первый снег. Медленно, как будто нехотя, покрывал грязную землю тонким белым одеялом. Не всерьёз и ненадолго.

Костя курил и думал о том, что пора бы себе купить новое постельное бельё, а на стол постелить чистую скатерть. Его мысли ложились лёгким белым пухом на поверхность быта. Он начал представлять себе уют белоснежной просты-

ни, подушек и одеяла. Запах свежести. Ослепительный белый уют...

В коридор вылезли пьяные соседи. Одна изрядно поддавшая девушка обратила на него внимание, окликнула:

– Молодой члвек, а млдой члвек!

Он обернулся, она подошла к нему.

– Вам скучно? И ваще, как тя зовут?

– Ваня, – смутился Костя.

Он смотрел на неё и млел. Хоть такая «романтика» его не прельщала, но тронулось что-то в душе. Забытое, вымершее, куда-то безвозвратно ушедшее из жизни чувство близости. Маргарита всегда держала дистанцию с ним, а здесь девушка подошла к нему вплотную. Он чувствовал её дыхание: что-то сладковатое вперемешку с перегаром. Чувствовал её духи и её пот. Видел в упор её мутный взгляд, который никак не мог сфокусироваться на его образе. Лицо девушки было не красивым, но пока косметика на месте, было в ней что-то симпатичное. Может быть, ничего, кроме молодости. Которая пройдёт и эта девушка превратится в отвратительную женщину, уже не следящую за своей фигурой и, возможно, за своим образом жизни.

– Пошли с нами, Ваня! – позвала она. Но тут её подхватил под руку какой-то мужчина и поволок к выходу. – Ну чё, я хотела с челодым моловеком познакомица!

Она отвратительно громко смеялась. Ваня, он же Костя, проводил её взглядом. Окурок обжёт пальцы. Он бросил его

на пол и раздавил сапогом искры. Достал ключи и открыл свою дверь.

Глава 2

Закончившиеся отношения с Алексеем всё ещё оставляли в душе Ирины неприятный осадок. С этим пока ничего не поделать, но одно действие для устранения этого осадка уже произошло, осталось только немножечко подождать результатов. Результатов для Ирины известных и греющих её оскорблённую душу. В принципе, этого можно было и не делать, но прошлое слишком настойчиво не давало возможности себя забыть.

В то же самое время её сосед Сергей всё чаще стал попадаться на глаза. Будто специально. То на лестничной площадке, то в супермаркете, который находился на первом этаже дома, в котором они жили. Сергей улыбался при виде её, она же была более сдержанной на эмоции, как и всегда. Его жена, достаточно красивая девушка, знала об истории в лифте и видела пару раз реакцию Сергея на внезапные встречи с соседкой, но не придавала этому значения и никак не акцентировала на этом своё внимание. Похоже, Сергей был просто очень весёлым человеком, вызывающим доверие. Он заинтересовал Ирину.

Прошло уже несколько недель, как Ира рассталась с Алексеем. Её быт наполнился былым уютом одиночества без шума всегда включённого телевизора и ненужных разговоров на неинтересные темы. И без упрёков.

Она сидела одна на кухне в полной тишине. За окном вечер кидался холодными комками мокрого снега, а в большой кружке Ирины медленно остывал чёрный ароматный чай с лимоном. Две кошки расположились в пределах досягаемости руки, чтобы можно было их легко погладить в случае необходимости – обе дремали рядом на диванчике. Просто идиллия, не хватало только какой-нибудь интересной книги. Той самой книги, от которой было бы невозможно оторваться, которую можно было бы почитать на ночь, заснуть с ней в обнимку и увидеть прекрасные сны. Не думать заранее о том, что во сне придётся немного не по плану провести своё личное время отдыха. Но интересных книжек под рукой не было, и Ира проводила остатки вечера в телефоне. В бессмысленном просмотре информации, не задерживающейся в памяти надолго.

Отложив мобильный в сторону, она прошлась по полумраку комнат своей огромной квартиры. Медленно и осторожно, будто боясь встретить кого-нибудь, кроме котов и кошек. В самой дальней и самой маленькой, из четырёх, комнате она задержалась подольше.

С уходом Алексея пропала необходимость запираать эту комнатку на ключ, но она всё равно это делала, даже когда была одна. Потому что в этом помещении находился предмет, который она тщательно скрывала от чужого внимания. Вещь из постороннего мира. Её личный магический артефакт.

Ирина удостоверилась в том, что предмет ещё не впитал целиком в себя кровь несчастного животного, убитого её же руками.

Посреди абсолютно пустой комнаты на полу лежало круглое зеркало, диаметром сантиметров пятнадцать. На его поверхности оставалось несколько маленьких тёмных пятен. А острый ритуальный нож был тщательно вымыт и лежал рядом с зеркалом, мыть которое категорически воспрещалось. Всё так, как и должно быть. Осталось совсем немного времени.

Девушка заперла комнату и, не оглядываясь, прошла в сторону кухни на звон мобильного телефона.

Звонил Алексей. Хоть номер и был удалён из записной книжки, Ира сразу узнала комбинацию знакомых цифр. Он слишком часто ей звонил и писал ненужные сообщения, несмотря на расставание.

Недолго подумав, она взяла трубку.

– Привет, – осторожно начал Алексей, но продолжил в привычной манере, – и чем ты там занимаешься, чего так долго трубку не брала?

– Тебе какая разница? – сухо ответила Ира.

– Я просто хотел поговорить, чего уж, нельзя?

– Нет.

– Ты подумала о моём предложении?

– Нет...

– Забудем всё и начнём жить заново? – Алексей начал за-

пинаться. Значит, опять нервничает.

– Нет, не нужно.

– Ты всё ещё обижаешься? Нам же было неплохо вместе. У тебя уже кто-то появился? Или ты всё ещё с тем соседом?!

– Я думаю, нам больше не следует продолжать разговор, – Ирина отключила соединение и после повторного звонка Алексея добавила его номер в чёрный список.

Нужно было это сделать раньше. Хотя, он скоро вообще никуда и никому звонить не сможет. И этот жест лишь необходимость для сегодняшнего вечера.

* * *

На следующий день после короткого разговора с Алексеем, Ирину разбудил телефонный звонок с неизвестного номера. Она не хотела брать трубку, но любопытство взяло верх, и она приняла входящий звонок. Кто же мог потревожить её ровно в девять утра, в субботу? Неужели Алексей никак не угомонится?

Разговор был коротким. Ей позвонил следователь с фамилией Жиллов и попросил приехать сегодня в отделение полиции для небольшого разговора, чтобы не вызывать по повестке. Полицейский предложил заехать к ней, если Ирине будет сложно в ближайшие два часа посетить его рабочее место. Девушка решила приехать сама.

В кабинете у следователя было сильно накурено. Жиллов, мужчина сорока или пятидесяти лет, выглядел хмурым и помятым. Жидкий стог седеющих, не причёсанных волос, мно-

го морщин на лбу, желтоватый оттенок кожи. На настоящего полковника, по разумению Ирины, он был не похож, и никакого интереса для неё не представлял, хотя по голосу в телефонной трубке он ей показался более харизматичным мужчиной. Есть огромное количество мужиков, которые и до, и после сорока не представляют никакого интереса. Похоже, Жиллов был из таких.

Не глядя на вошедшую в кабинет гостью, он предложил ей сесть на стул напротив его стола, за которым он сидел. Только когда она села, он начал пристально и не без удовольствия её разглядывать. Потом спросил, как давно она была знакома с Алексеем Терновым.

Она рассказала обо всём, что между ними было, опуская лишние подробности. Всю правду их отношений до вчерашнего звонка. Без одного небольшого нюанса.

Мужчина спросил, где она была прошлым вечером и ночью. Ира резонно ответила, что она была дома. Следовательно дежурно спросил о том, кто может это подтвердить, хотя было заметно, что ни в чём Ирину не подозревал, а спрашивал для порядка. Девушка вполне спокойно ответила, что у их подъезда есть камеры видеонаблюдения, а ещё её видела консьержка.

После этого Ира задала лишь один вопрос о том, что случилось с Алексеем. Она чувствовала, что в живых его больше нет, но не знала, как именно он погиб – её очень интересовало, почему же он не просто пропал без вести.

Разумеется, своих мыслей она не выдала, но следователь обозлился на вопрос и повысил голос. Он рассказал ей, что кто-то сегодня ночью изуродовал Алексея в его же собственной ванной комнате.

– Отрезал или отгрыз всё лицо! До самого черепа! Вместе с ушами! – заорал Кирилл Жилов, – Брат его, вы знакомы с его братом? Студент, загулялся допоздна, пришёл с друзьями домой, хотели выпивать продолжить, а в ванной его братик лежит без лица. Пацаны сразу протрезвели. Вот как так? Хочешь, фотки покажу?

– Нет, пожалуйста... – Ирину возмутил тон следователя. Ещё её шокировал результат.

– Вы хотели отомстить Алексею за то, что он вас бросил? Вы имели доступ к квартире убитого? У вас есть собака? – тон следователя стал спокойнее.

– Нет, – Ирина взяла себя в руки. – На все вопросы – нет. Собаки тоже нет. У меня кошки...

– Вот и у Алёшки собаки не было. Даже у соседей. Ладно. Ступайте, – успокоился Кирилл. – Убедительная просьба из города никуда не уезжать в ближайшее время. Это не подписка о невыезде, но имейте в виду. Если что, то вызову.

– Прощайте, – сказала Ирина.

Ей не понравилось, что некрасивый мужчина накричал на неё. Ещё она поймала себя на мысли, что ей бы действительно хотелось взглянуть на фотки.

* * *

Когда Ирина шла домой, с неба медленно падали красивые хлопья снега. Сегодня вообще обещали снежную бурю, несмотря на то, что зима ещё официально не наступила. А пока было тихо и хорошо.

Она даже на некоторое время забыла, откуда шла и каким был предмет разговора. Девушка просто наслаждалась тем, что есть мгновение «здесь и сейчас», что она жива, и что с ней никогда ничего плохого не произойдёт. Ведь она особенная и жизнь её прекрасна.

Летом она обязательно поедет на море, а сейчас, она, конечно же, никуда уезжать не собиралась. Как мало на свете людей, которые умеют ценить каждое мгновение своего одиночества. Но и такое блаженное состояние уединения порой надоедало.

В сумочке зазвенел мобильный телефон. По особенной мелодии она поняла, что звонит подруга Вера. Голос Веры был взволнованным. Она даже не сказала своего коронного: «привет, подруга!»

Кукушкина начала свою речь без приветствия:

– Ты смотрела сейчас новости по нашему каналу? Какой ужас! Я бы сказала, что это капец! Убили твоего Алексея! Прямо в собственной ванне ему всё лицо изуродовали, представляешь?

– Я не смотрю телевизор. Знаю, что его убили. Только что иду от следователя.

Далее в трубке раздался своеобразный рёв, означающий

глубокое удивление Верки:

– Да ты чего?! Вот это да! Давай в нашем кафе встретимся сейчас же, поговорим!

Отказать было трудно, Ирина согласилась. Через полчаса они уже сидели в своём любимом кафе и пили чай со сладостями. Вера расспрашивала каждую деталь последнего разговора с Алексеем и следователем, терялась в догадках кто, как и зачем всё это натворил. Её очень шокировала эти новости.

И вот, остановив свои фонтанирующие эмоции, Вера на полном серьёзе спросила:

– А это точно не ты?

– Что я?

– Убила...

– Нет, – немного засмушалась Ирина.

– Просто странно...

– Что странного? То, что я не отрезаю людям лица?

– А помнишь, твоего первого самого, Шишкина Мирослава? – впервые за вечер Вера выглядела напуганной. – Помнишь, что он пропал без вести? Помнишь? А Витя, бизнесмен тот, что говорил: «у ты чё депрессуха вечная, полетели на Бали, попугайчики там»? Тоже пропал же... а с остальными как?

– Живы, здоровы, – соврала Ира, немного напугавшись догадливости подруги, которая обычно не блистала сообразительностью и отличалась не очень хорошей памятью.

И не следила за судьбами её бывших возлюбленных.

Но в этот раз Ирина сама была виновата – поторопилась. Ещё было одно большое «но». Ира сама до конца не верила в свою причастность к этим исчезновениям и, к тому же, это недоказуемо вообще и никак. Поэтому она была всегда спокойна, но ей не понравились подозрения подруги.

– Точно? – не доверяла Верка, хотя немного начинала понимать, что говорит чушь.

– Как ты можешь меня подозревать? – спросила Ира, на что Вера облегчённо рассмеялась. – Вот и следовательно у меня спросил, где я вчера вечером и ночью была...

– Ладно-ладно. Я ж знаю, что ты ведьма. Тебе Лёшку не жалко?

– Нет, – честно ответила Ирина.

Хотя, в глубине души ей всегда жалко, что так иногда происходит. Но всё перебивает азарт, и то, что с самого детства ей было трудно отпустить обиды. Каждая врезалась в душу самой острой занозой. Вытащить которую нереально, но можно стократно усилить боль, постоянно задевая её воспоминаниями.

Есть в криминальных кругах поговорка: нет человека – нет проблемы. В психологии Иры это отразилось в видоизменении фразы: нет человека – нет обиды. Есть та заноза в душе, но её уже никто не задевает своим грубым существованием.

Она просто хотела стать девочкой, которая будет одной

единственной, любимой на всю жизнь. Девочкой, улыбающейся и прижимающей к груди букет очаровательных цветочков, а не острые копыя обиды и разочарования.

После паузы Ира сказала:

– Конечно, это всё ужасные вещи, не стоит смеяться. И то, что случилось с Алексеем...

– Вообще без логики, это очень страшно... – погрустнела Вера, вспомнив сюжет городских новостей, в котором рассказали об этом происшествии без визуальных подробностей, но с весьма неординарным описанием убийства.

Она поняла, что увидела и услышала обо всём этом в выпуске новостей, а не в каком-нибудь фильме. Реальность на этот раз запоздала в их город, здесь материализовался самый настоящий кошмар.

– Но жизнь должна продолжаться, – робко сказала Ира, пытаясь сменить неприятную тему разговора.

– Это, наверное, всё тот же самый маньяк, который летом в парке убил молодую девушку и её парня. И ещё много кого убил. По телевизору так тогда и говорили, что это, скорее всего, не единственные его жертвы, – поделилась информацией Вера.

Но к тем убийствам Ирина не имела никакого отношения. Она предположила:

– Может, это всё разные вещи?

– Нет. Это. Один. Маньяк, – с непоколебимой уверенностью сказала Вера Кукушкина. – Как страшно жить! О, а у

меня идея! Давай в наши смартфоны установим приложение, которое отмечает геолокации? Ну, как объяснить-то! Короче, я всегда буду знать, где находишься ты, а ты всегда будешь знать, где нахожусь я! Идёт? Хорошая ведь идея! Буду всегда знать, где тебя искать в случае чего! Не дай бог, конечно!

– Ну, да, – невнятно согласилась Ирина, глядя в окно.

А Вера уже схватила со столика её телефон и принялась за установку приложения.

Потом подруги решили немного выпить: Вера заказала коктейль, а Ирина вина. Помянули Алексея.

Вскоре сменили тему на более позитивные житейские дела. Вера посчитала своим долгом развлечь Ирину, которая хоть и не показывала никакого трагизма в своих эмоциях, но была немногословнее обычного, что можно было принять со стороны за переживания по некогда близкому человеку.

А Ирина ненадолго вернулась в воспоминания, но не по тому времени, когда они были вместе с Алексеем. Она вспомнила первые серьёзные отношения. Долгие. И мучительное расставание. Страдания. Исчезновение Мирослава.

Также Ирине вспомнилось, что спустя два месяца после того, как Мирослава объявили в розыск, в лесу, не очень далеко от его дачи, была найдена человеческая рука. Его отец пошёл за грибами, чтобы развеяться от переживаний, и нашёл фрагмент конечности. От локтя. Пальцы были на месте, хотя рука немного разложилась. Но никто из диких зверей и

местных бродячих собак не тронул этот, по сути, кусок мяса. Опознали сразу по татуировке. Вот тогда было жутковато.

– Как твой котёнок новый, прижился? – спросила Вера.

Она знала, что Ира любит кошек, значит, любит и разговоры о них.

– Нет, умер, – ответила подруга.

– И этот умер, ну вот! И этот котёнок совсем больной попался, – сочувствовала Вера, вспомнив, что это не первый котик, которого Ира подобрала на улице, и умерший через некоторое время. Кукушкина не любила животных, но посочувствовать подруге считала нужным. Хотя не понимала, почему Ирка постоянно пытается приютить таких больных доходяг, нет бы взяла какого породистого.

Посиделки прервал звонок разгневанного мужа Веры. На этот раз у них было что-то запланировано, поэтому Кукушкина традиционно не послала его на хрен, а извинилась перед Ирой и убежала прочь. Ира тоже пошла домой.

У неё было приподнятое настроение. Погода ухудшилась, дул сильный ветер. Снег бил по глазам, но девушка дошла до дома без происшествий.

Как только она закрыла за собой входную дверь, то поняла, что сегодня ей как никогда хочется общения. Видно выпитое вино делало своё дело. Подошедший встретить её кот Тимофей показался для Ирины не самым интересным собеседником. Ей хотелось простого человеческого общения, но Вера сейчас занята, а больше поговорить ей было не с кем.

Сняв верхнюю одежду и разувшись, Ира приняла решение проверить свои профили в социальных сетях и на сайте знакомств. Но в этот момент раздался стук в дверь. Не звонок, а именно аккуратный, но настойчивый стук.

Богатый на события день – пронеслось в голове у Ирины. Она, не глядя в глазок, отворила дверь.

На пороге стоял её сосед Сергей. Он держал обе руки за спиной. Мужчина был при параде: брюки, рубашка, галстук. На ногах не тапочки, а лакированные туфли.

– Угадайте, что у меня в руках? – спросил он, глядя ей в глаза.

– Топор? – предположила Ирина.

Даже немного испугалась, что вдруг это окажется правдой. Но было уже интересно.

– Не угадали. У вас есть ещё две попытки, – Сергей был серьёзен.

– Три гвоздики и бутылка советского шампанского?

– А вот сейчас обидно было, – Сергей не оценил юмор соседки.

Он достал из-за спины небольшой, но очень симпатичный букет и бутылку вина.

– Сергей, у вас есть жена, – напомнила Ирина, но ей захотелось продолжить общение.

– В моей жизни есть всё, но не хватает тебя, – ответил мужчина.

* * *

Вечер выдался значительно лучше всего дня. Но даже когда Сергей первый раз обнял Ирину и нагло поцеловал, она понимала, что вряд ли может рассчитывать на положение выше, чем просто любовница, развлечение выходного дня.

Сергею было скучно сегодня в одиночестве, когда жена отбыла к маме. Ехать к тётце ему совершенно не хотелось, и он смог правдоподобно сформулировать отговорки, чтобы остаться в городе. Позже нашлась и причина приятно скоротать свободное время. Просто пришёл и взял то, что хотел.

Он не был груб, не был пошлым, а был уверенным в себе, в меру галантным и без меры обаятельным. Ирине очень понравился такой подход, и она не чувствовала себя обиженной. Им было хорошо вместе.

Через некоторое время они молча лежали в огромной кровати Иры, допивали остатки вина. Дома везде был выключен свет. Они смотрели в огромное окно, которое не было зашторено. Смотрели, как вьюга кружит свой хоровод – зима крепко взялась за дело, дерзко прогоняя ослабший ноябрь.

Сергею наскучило молчание, он решил озвучить свои мысли, которые стали заметно легче и светлее после близости с красивой девушкой и выпитого натошак вина.

Его потянуло на философию:

– Приятное время, когда ты можешь позволить себе быть в тепле, а на улице так холодно. И холод этот также приятен. Когда вьюга напоминает о том времени, когда хочется верить в чудеса. Скоро наступит календарная зима, а там и новый

год близко. Но уже сегодня хочется создавать и чувствовать в себе этот праздник. Отличный повод начать новую жизнь, не дожидаясь нового года...

Сергей с корыстной целью сказал последнюю фразу. Благодаря таким намёкам, Сергей планировал обозначить долгосрочную перспективу таких своеобразных соседских отношений. Семью он бросать не планировал, но об этом говорить было необязательно.

Ира ничего не сказала, но он продолжил разворачивать свою «лапшу», используя опыт прошлых интрижек:

– Сегодня лучший вечер в уходящем году. Обязательно загадаю под куранты повторение таких вечеров. Должны же и у взрослых быть редкие сказочные моменты.

Ни первые, ни последние слова Сергея не произвели на Ирину впечатления. Она восприняла их за тупую лесть, которая не несёт в себе никакой серьёзности чувств. Так, поверхностная игра на ощущениях с помощью вполне банальных словесных оборотов. Но ей понравилась тема про любимые времена года, про их ощущение в себе и своей жизни. Сегодня ей хотелось разговаривать на такие душевные, но совершенно невесомые в быту вещи.

Сергей допил вино, поставил на пол бокал, повернулся, чтобы обнять Ирину, но та встала с кровати и подошла к окну. В руках она держала свой ещё не опустошённый бокал. Никакой одежды на ней не было. Сергей пристально рассматривал её силуэт. Ему очень нравилась фигура Ирины, он на-

чал сравнивать её с другими женщинами, что были в его жизни и разделяли с ним постель.

А она начала свой монолог:

– Сентябрь. Я просто люблю сентябрь. И любила его всегда. Он начинается значительно раньше календарной даты, в конце августа, и заканчивается, как минимум, в середине октября. Он начинается в тот момент, когда ненавистное лето теряет свою силу и надрывается первым печальным дождём. Дождём, с той самой грустью, что заставляет плакать вместе с ним. Когда радостное солнце задушено депрессивностью разозлившихся туч. И ничего уже не поменяет хода времени. Как потом не было бы тепло, всё равно этот момент перелома пройден. И лето всего лишь бьётся в предсмертных конвульсиях. А сентябрь, вот он. Хмурый мужик с нежностью в руках. Я влюбилась в него ещё в детстве и не представляю себе, кто может отнять его у меня. Он мой. Я люблю брать в руки его слёзы и улыбаться. Такой сильный, а так горько плачет. Но не хочется его жалеть, хочется грустить вместе с ним. Я хотела бы его обнять. Много земных мужчин я повидала, но не встретила в них Сентября. Они не любили, когда я их же мужскими эмоциями отвечала на невзгоды жизни. Мне не хочется плакать при них. Мы плачем вместе только с Сентябрём. Мужчинам не нравится, что дома у меня полно кошек, что не хожу по клубам, что много молчу. А что мне говорить? Я смотрю на них, смотрю, ищу Сентябрь. Сама довожу до этих слёз, но у них случается только мерзкая

истерика...

Дальше Ира стала пародировать чужие фразы из жизненного опыта:

– Один орал: «Дура тупая! Я за тобой бегаю, а ты всё зыришь и зыришь глазищами своими! У тебя что, сердца нет?!» Второй визжал: «Тебе не нравится мои подарки? Так почему же ты их принимаешь?! Играешь, как кошка с мышкой! Дома-то вонища от твоих котов!» А третий, из любимого репертуара: «У тя чё, депрессуха? Полетели на Бали, там солнышко, попугайчики?... И почему после этого я дурак?»

Сергей озадачился такими откровениями. Задался вопросом, не перепила ли Ирина и на месте ли у неё кукушка, но быстро отмахнулся от своих мыслей. Всё это было незначительно. Он отдыхает, да и голос у неё приятный.

А Ира вздохнула, и, понимая, что собеседнику это не интересно, закончила своё повествование:

– Чего только я не слышала в свой адрес. Даже обвинения в проституции и в сумасшествии. Разве это не смешно? А ещё потом обижаются, краснеют, как раки. Уходят, дверью хлопают. Даже штукатурка сыпется...

– У тебя её нет, – сказал Сергей.

– Чего нет? – не поняла Ирина.

– Штукатурки у тебя нигде нет дома. У тебя навесные потолки, на стенах обои, а в ванной плитка. Отделка шикарная. Штукатурки нет.

Ирина обернулась, пытаясь рассмотреть в темноте своего

собеседника. На мгновение ей показалось, что и он дурак. Умеют же мужчины порой сказать не то и не так.

– Иди сюда. От меня не будет лишних слов, – сказал Сергей. – Но и сентября ты во мне тоже не увидишь...

Ира послушно легла в его объятия, тем самым поблагодарив за откровенность, а Сергей добавил:

– Так, максимум, октябрь...

Глава 3

В понедельник Владимира опять вызвали к руководству в офис, сразу после того, как он вернулся от следователя. Ещё шло расследование, но стройка продолжалась.

Владимир вновь приехал на работу без настроения. Стройка шла своим чередом, близился её завершающий этап – ранней весной нужно было сдавать объект.

Работать было неудобно, комиссия по случаю ЧП нередко стояла над душой. Но дома находиться Владимиру было ещё более некомфортно.

В конце рабочей смены к нему подошёл Толибжон и предложил выпить. Такое предложение от него поступило впервые, да и вообще было заметно, что мужчина никак не относится к категории любителей спиртных напитков. Впрочем, как и Владимир, который практически не пил уже пятнадцать лет. Лишь изредка, при наличии весомого повода, не более одного бокала шампанского, вина или маленькой рюмки водки.

Толибжон, заметив некоторое замешательство Владимира, пояснил, что ему грустно, ведь Джонни был его другом, и он не может его забыть: они вместе приехали сюда на заработки, вместе планировали уехать предстоящей весной, после того, как сдадут объект. Ещё мужчина сказал о том, что видит как нелегко Владимиру в последнее время.

Вова принял предложение, и они вместе ушли из вагончика, который служил раздевалкой.

Все выходные валил снег, но в первый рабочий день всё растаяло. Было очень мокро и неудобно. Свой джип Владимир оставил на охраняемой территории стройки, и они с товарищем пошли в ближайшее кафе, которое называлось «Уют».

Уютом в этом месте и не пахло, наоборот, там повсюду стоял кислый запах перегара и дешёвого алкоголя. Строители любили это место, после смены они нередко тут выпивали, но Владимир и Толибжон были здесь впервые, хотя знали о существовании этого заведения.

Они сели за небольшой столик в углу, взяли меню с барной стойки. Многие знакомые по стройке лица уже выглядели достаточно криво, но приветливо кивали начальнику, которого уважали за неконфликтность и твёрдость характера. Владимир кивал в ответ в знак приветствия, хотя со многими он сегодня уже здоровался.

Изучив меню, они решили взять бутылку водки, сок и салат. Владимир настаивал на том, чтобы купить самую минимальную ёмкость, но Толибжон сказал, что их засмеют коллеги, если они возьмут меньше, чем пол литра. Вова всё равно выпил только две половинки стопки, в остальное время цедил сок. Его оппонент выпил несколько больше, быстро опьянел, его и так не всегда понятная речь стала ещё более тяжёлой на слух. Он рассказывал какие-то случаи из жиз-

ни, какие-то нелепые истории, но Владимир быстро потерял суть разговора и не пытался её уловить. Он просто молчал, изредка поддакивая.

Спустя час посиделок ими было принято решение идти по домам. Вова так больше и не выпил, но Толибжон тоже не осилил оставшуюся жидкость, поэтому просто забрал бутылку с собой. Они разошлись, каждый отправился восвояси на общественном транспорте: Вова домой, а Толик в бытовку, в которой жили ещё несколько его земляков. И когда-то ещё жил Джонни.

Дома жена вновь не поздоровалась с Вовой, зато учуяла от него слабый запах дешёвой водки. Они поругались, и мужчина лёг спать на диван, который находился в гостиной. Давно он тут не ночевал.

В спальне Тома долго смотрела телевизор, но около полуночи выключила его. Изредка в своей комнате покашливала вновь простудившаяся Кристина, но свет она выключила значительно раньше матери.

Владимир долго лежал и не мог уснуть. Воспоминания охватили его. Самые страшные и самые надёжно спрятанные тайны вновь решили вылезти наружу, желая своего нового переосмысления. То, что он никогда никому не рассказывал, он пересказывал этой бессонной ночью самому же себе, и удивлялся яркости воспоминаний о событиях, случившихся много лет назад.

Быть может и Толибжон сегодня рассказывал ему о та-

ких же вещах, которые он хранил в тайне много лет? Рассказывал, а Владимир не слушал. Вдруг ему это было важно? Вдруг Владимир кому-нибудь тоже начнёт рассказывать о тех далёких событиях, а его никто не захочет услышать? И вдруг рассказываемые ему близкими людьми вещи, на первый взгляд совершенно незначимые, оказываются такими же важными и серьёзными, как воспоминания Владимира? Что если Тома, когда рассказывает о своих подлых и острых на язык коллегах, либо Кристина, когда жалуется на одноклассников, которые называют её зубрилкой... что если они переживают об этих вещах так же, как когда-то переживал и продолжает переживать о своём прошлом Владимир?

Мужчина снова пообещал себе измениться для жены и ребёнка, перестать быть чёрствым, больше давать нежности супруге и проявлять больше участия в жизни дочери. Лишь бы опять не случилось то, что было когда-то в его молодости. Он помнил про свой долг, который неизвестно как и когда нужно будет отдать.

Поздняя осень, позднее время...

Владимир ворочался на диване и никак не мог уснуть. Он закрывал глаза, накрывал голову подушкой, пытался ни о чём не думать, но тяжёлые мысли так и лезли к нему, будто не было нигде от них спасения. Всё ярче и ярче проявлялись в памяти образы из далёкого прошлого. Поселилась в душе уверенность, что надвигается беда, но вот откуда её ждать? Всплывёт долг из прошлого, жена наставит рогов или, не дай

бог, что-то случится с Кристиной? Знать бы...

Он вновь поймал себя на том, что, несмотря на все попытки уснуть, опять лежит с открытыми глазами и пялится в потолок. Если долго всматриваться в бездну, то бездна начнёт всматриваться в тебя... матовый навесной потолок, сейчас, во мраке ночи, казался той самой бездной, которая была готова не только всмотреться, но и проглотить того, кто посмел не спать в столь поздний час. Мужчина повернулся на бок и с той же увлечённостью принялся смотреть на стену, на причудливые во мраке узоры обоев, на шкаф с зеркалом в полный человеческий рост, в отражении которого можно было различить ночной интерьер комнаты, который принимал очертания человеческих фигур...

Пришлось закрыть глаза. Не забыть о том отчаянии, что разорвало на части его душу пятнадцать лет назад.

Он, тогда ещё совсем молодой парень, прибежал домой в соплях и слезах. В квартире никого не было, родители ночевали в гостях, и молодой человек был совершенно один. Один в таком же мраке такой же холодной и мокрой осенней ночи. Ему был всего двадцать один год, он совсем недавно вернулся из армии, был полон сил и надежд на прекрасную и долгую жизнь, но одно событие чуть было не перечеркнуло судьбу к чертям собачьим...

В тот вечер он напился с друзьями. Они нередко так делали после его дембеля. И вот холодная ночь заиграла новыми красками, которые резко очернились ссорой со своей

тогдашней подружкой.

Сейчас он даже не помнил её имени, зато прекрасно помнил, как сел в свой личный автомобиль, который подарил ему отец. Зачем-то выехал на ночную дорогу. Ему хотелось скорости и громкой музыки. Он разгонял до предела свою «шестёрку» по пустынным прямым улицам спящего города...

Пошёл дождь, начало клонить в сон, и он решил ехать домой. Настроение улучшилось, ведь впереди были выходные и вся жизнь.

На дорогу выбежала женщина. Вовка не успел вывернуть руль должным образом и немного задел внезапного пешехода.

Он выключил громко орущую магнитола, проехал ещё несколько метров, медленно остановился. Потом сдал назад, доехал до тела, которое лежало на асфальте в неестественной позе, не предвещающей в нём наличия жизни...

Выбежав под дождь, Вова первым делом осмотрел автомобиль. Видимых повреждений на «шохе» не было. А женщине уже было не помочь – её голова раскололась от удара об бордюр. Поэтому осталось спасать только самого себя.

Он услышал, как кто-то бежит в его сторону. Чьи-то быстрые ноги громко топали по лужам. Эти шаги напугали Вову, он бросился к своей машине, быстро обернулся и заметил того, кому принадлежали эти звонкие шлепки по осенним лужам. Это был маленький пацанёнок, лет восьми или десяти.

ти. Он целенаправленно бежал в сторону автомобиля Вовы. А вдалеке показался свет включённых фар едущего следом автомобиля.

Решение возникло мгновенно: Вова очень быстро скрылся с места происшествия. Пацан вряд ли мог его подробно разглядеть с такого расстояния, а приближающийся автомобиль был ещё достаточно далеко.

В состоянии аффекта Вова доехал до своего дома, осмотрел ещё раз автомобиль и только тогда заметил на нём характерную вмятину. Совсем небольшую.

Эта находка ещё сильнее добила парня, Вова в слезах и соплях убежал домой. Дома никого не было, и он попытался лечь спать, находясь в очень возбуждённом состоянии. Он просто лежал на диване и надеялся, что всё произошло с ним во сне.

Но это был не сон. Перед глазами постоянно мелькали лежащая на асфальте мёртвая женщина и неизвестно куда бегущий в ночи пацанёнок.

Вова был поздним и желанным ребёнком в семье – как он мог так подвести своих родителей? Ведь его теперь точно посадят в тюрьму... в самом начале жизни!

Погибшая женщина могла быть ровесницей его матери. Её лицо было спокойным и умиротворённым, будто лежала не на мокром асфальте, а загорала под южным солнцем. Глаза были закрыты, а вот затылок... затылка не было вовсе, его кусочек с небольшим количеством седых волос лежал в

нескольких метрах от туловища. Ещё один кусочек лежал у самого бордюра. Смотрел парень на это дело недолго, но навсегда запомнил эту женщину и эти два кусочка её головы. Да ещё и этот бегущий сломя голову пацан...

Вова поднялся с дивана, пошёл в ванную комнату. Он умывался, а руки его дрожали, из глаз не переставали течь слёзы. Ему было жалко и себя, и ту женщину. А ещё он торопился. Торопился успеть, пока за ним не приедет милиция, сотрудники которой, казалось, уже стоят на пороге его квартиры...

Парень достал бельевую верёвку, закрепил её на трубе, которая была смонтирована чуть ли не под самым потолком. Потом завязал петлю, залез на край ванны, просунул голову в окружность отчаяния...

И повесился.

Мужчина никогда не забудет этих ощущений, как тугая верёвка стягивает горло, напрочь перекрывая доступ кислорода. Боль, удушье, беспомощность. В этот самый момент хочется только одного – вернуть всё обратно. Никакие проблемы больше не являются проблемами, когда свободно вишишь на верёвке, беспомощно хватаясь за воздух. А ноги, ноги не достают ни до пола, ни до края ванны. Тело слабеет, широко открытые глаза наполняет чернота, а сердце замирает на середине своего последнего удара.

Была абсолютная темнота. Бездна.

Потом Владимир почувствовал слабый запах сушёной

травы. Он помнил этот запах с детства, когда гостил у бабушки с дедушкой в деревне. Помнил, как они заготавливали сено для козочек. Как он любил прыгать на сеновале, а дедушка ругался, объяснял, что козы плохо едят мятое сено. Не зная, правда это была или нет, но мелкий Вовка всё равно тайком бегал на сеновал и прыгал там, после чего долго вытаскивал из-за шивороты колючие сухие травинки. Вот этот запах, только очень слабый, и показался Владимиру из черноты.

Первой его мыслью стало то, что подушки покойникам как раз набивают сеном. Это понятно, ведь зачем усопшему пух и перья, зачем мягкая подушка, ведь ему уже всё равно...

Вова испугался до самой глубины ещё живой души – вдруг его похоронили заживо?

Испуг заставил открыть глаза и сделать полноценный глубокий вдох. Потом ещё и ещё. Сердце, живое его сердце, бешено билось в груди.

Он приподнялся, оглянулся вокруг. Над ним раскидывалось монотонное, хмурое, серое небо. Огромное, с размазанной бесформенной пасмурной серостью от края до края. Ни солнца, ни звёзд. И будто вот-вот должен пролиться ливень, начиная с маленьких капель, которые потом должны разойтись в буйство непогоды, обрушившись плотной стеной воды. Но дождя не последовало, ни в тот момент, ни многим позже. И небо так и не поменяло свой цвет.

Вдалеке поле заканчивалось лесом, а с другой стороны темнел глубокий овраг. Трава была высокой, почти до пояса, но сухой и ломкой.

Осматриваясь по сторонам, Владимир не сразу заметил на своей шее петлю из той самой бельевой верёвки, на которой он повесился.

Вот и настал момент принятия жизни после смерти. Но парень не почувствовал ни облегчения, ни жуткого страха. Слишком по земному выглядело это место, несмотря на отсутствие ветра и пения птиц. Даже мелкие букашки не копошились в сухой земле и не карабкались по серой, безжизненной, с чуть заметной желтизной, траве.

Вова ещё раз осмотрелся и увидел в стороне леса чью-то неподвижную фигуру. Стало немного жутко. Фигура была светло-серой, сливалась с окружающим пейзажем. Лицо было невозможно разглядеть.

Тишина стала давить, появился сильный дискомфорт. Владимир решил крикнуть, чтобы эхо привело его в чувства, пусть даже оно и привлечёт чьё-то нежелательное внимание. Но чего можно бояться после смерти?

Он крикнул, но эха не было. Собственный крик получился каким-то сдавленным и сухим, как и всё вокруг. Очень захотелось пить.

Вова стянул с шеи верёвку и выбросил её в траву. Он пошёл к фигуре, которая всё также недвижимо стояла там, вдалеке.

По мере приближения, он стал чувствовать на себе чей-то тяжёлый взгляд. Пришлось пожалеть о том, что пытался привлечь внимание своим криком. Но отступать он не любил, любопытство брало верх – лучше уж страшная правда, чем постоянная неизвестность. К тому же вряд ли можно умереть дважды.

Очертания фигуры становились яснее, но лица так и не было видно. Вова шёл, не глядя под ноги, пристально разглядывая странного человека. Путь до него сокращался, напряжение нарастало, и Вова решил выглядеть агрессивнее: – Эй ты! Где я оказался? Эй! – крикнул он.

Но фигура не ответила и даже не пошевелилась. Зато у Вовы немного закружилась голова, он оступился, запутавшись в собственных ногах.

Его взгляд упал вниз и Владимир увидел, что в траве кто-то лежит. Какой-то человек, уткнувшийся лицом в землю. Пришлось присмотреться. Сомнений не было – под ногами Вовы лежал труп. Его почерневшие руки были раскинуты в стороны. Шея и ступни были тёмно-серого цвета под стать земле. Одежда грязная, настоящие лохмотья.

Вова попытался повернуть ногой голову мертвеца. Делал он это медленно и аккуратно, но бросил затею, когда увидел грубые складки кожи на том месте, где должен был быть лоб, левый глаз и щека. Рассматривать такое лицо во всей его красе не было желания.

Вова двинулся дальше, на этот раз постоянно глядя под

ноги. Трупы стали попадаться всё чаще. Поза у всех была одинаковая, а сами трупы разные. Были даже дети – особенно запомнилась девочка, на редких волосах которой висел один грязный, когда-то бывший белым, бант. Девочка была совсем маленькой.

Это зрелище поселило омерзение в душе молодого человека. Вова ненадолго склонился над ребёнком, чтобы рассмотреть какие-нибудь следы травм, но услышал лёгкое урчание в животе. И урчало не у него. Парень испугался и пошёл дальше, ускорив шаг.

В очередной раз у молодого человека закружилась голова, он остановился, поднял взор, чтобы посмотреть, далеко ли ещё идти до человеческой фигуры, и чуть было не вскрикнул от ужаса – фигура обрела свои очертания и стояла прямо в пяти шагах от него.

Неземное существо, чудовище, демон.

Оно смотрело на него своими пустыми чёрными глазницами. Серый, сгорбленный нос свисал над тонкой полоской рта, что была искривлена в непонятной ухмылке. Голова была непропорционально больше туловища, на которое был надет мешок. Тонкие ноги уходили прямо в землю, будто корни трухлявого пня.

Существо было живым. Оно двигало головой вслед за передвижением парня в сторону. Вова не мог поверить своим глазам, неужели перед ним была сама смерть...

Существо сказала:

– Я поймал тебя. Поймал перед самой пропастью в ад.

Голос демона был сухим, не человеческим, будто какой-то деревянный механизм приводил в действие воспроизведение звуков, которые складывались в весьма чёткие и понятные слова. Ещё было ощущение, что этот голос исходил не только изо рта странного существа, а отовсюду. Будто само это место было его частью.

– Где я, что со мной? – у парня помимо страха было ещё очень много вопросов.

– Ты в созданном мною Безвременье. Я тебя поймал. Я решаю, отпустить тебя или нет.

– Куда отпустить, как поймал? – Вова не мог ничего понять.

– Ты убил себя. Я поймал тебя. Хочешь ответов – слушай и думай.

Вове не хотелось слушать и думать. У него было много вопросов:

– У меня есть выбор?

– Выбор есть всегда. Но обстоятельства могут складываться так, что какое бы не принималось решение, исход мог быть только один. Как бы ты не пытался прожить жизнь, ты всё равно умрёшь.

– Как мне отсюда выбраться? – парень задал новый вопрос.

Он совсем не хотел также лежать серым трупом, уткнувшись лицом в землю, но понимал, что это одна из возмож-

ных его частей.

Глазницы чудовища на одно мгновение будто сверкнули зловещими огнями. Или Владимиру это просто показалось – здесь было слишком душно, голова постоянно кружилась, не хватало воздуха или вместо него здесь была несколько иная прозрачная газовая фаза.

Но чудовище ответило на вопрос молодого парня о том, как ему выбраться:

– Попросить меня, – сказала оно.

– Тогда помоги! Прошу, пожалуйста! – Вова резко обрадовался, забыв о возможности подвоха.

– Будет. Куда ты хочешь: далее следовать в ад, статься дехмом, или завернуть обратно, в свою жизнь?

– Чёрт, конечно обратно, вернуться, исправить все свои ошибки... отсидеть в тюрьме... – радость Владимира сменилась грустью, но он прекрасно помнил, какие мысли были у него перед смертью.

– Что больше тебя тяготит? То, что ты лишил человека жизни? Или то, что тебе придётся хиреть в темнице с ощущением смерти твоей свободы? Ты боишься, что над тобой будут издеваться в стенах ограниченности. Издеваться хуже, чем в школе или армии. Ты боишься окончательно потерять свою волю вокруг и внутри себя. Ты не сдался там, но боишься сдать в темнице...

Вова понял, что существо прочитало его жизнь или его мысли, поэтому не стал врать:

– Я больше всего боюсь... второго варианта. Но и женщину мне очень жалко. Увидев её, я вспомнил маму. Представлю, что бы было, если бы её кто-то также убил...

Владимир понимал, что ничего не бывает просто так. Возможно, за его жизнь заплатит его мама или ещё кто-нибудь... это страшно.

Демон заверил:

– Я могу тебя вернуть.

Вова не мог не спросить:

– Что ты возьмёшь взамен?

– Твой выбор, – ответил демон. – Ты можешь принести мне несколько человеческих жизней. Сколько именно, я смогу почувствовать позже. Или можешь просто остаться должен. Должен до тех пор, пока я не пойму ценность твоей пользы.

– Ты возьмёшь мою душу? – вспомнил Вова про сделки с дьяволом.

– Твоя душа не нужная мне грязь, – будто посмеялся демон.

По крайней мере, так показалось Владимиру, хотя никаких эмоций ни в интонации голоса, ни в его скудной мимике не было.

Парень находился в смятении неприятия сложившейся ситуации. Но вопросов не убавилось:

– Как мне начать снова... жить?

– У тебя снова есть выбор. Срок в заточении. Либо загу-

бить свидетеля – сына загубленной тобой женщины. Он искал мать в темноте мокрого холода, когда та ушла из жилища. Ей срочно требовалось выпить яд, а её сын, что учится грамоте в той же школе, что и учился ты, не пускал её. Но она его обманула притворством. Будто легла видеть сны, но сбежала из под крыши. Сын заметил обман, спешил за ней. Он слышал шум на дороге, узрел оставившую жизнь мать. Узрел твоё возвращение. Оставил в памяти твой лик, оставил в памяти цифры твоего транспорта. Он вытащил из кармана перочинный нож и мчался к возмездию. Но ты скрылся. Он не успел. Сейчас сын добрался до круглосуточного магазина, куда вела дорога его матери. Он сидит в подсобном помещении и рыдает. У него истерика и он пока ничего не может объяснить. Продавец пытается найти что-нибудь недорогое и сладкое на витрине. Он заварит чай, попытается успокоить мальчика. Потом он пойдёт на склад, там есть телефон. Продавец позвонит тем, кто должен охранять правопорядок. Ты должен будешь принести жизнь маленького человека мне. Не бойся, никакого трупа никто не найдёт. Он станет дехмом. Но его человеческой жизни больше не будет. Предполагаю, это лучше, чем попасть в ад. Ты должен торопиться. Ты должен стараться. Здесь время изменчиво, но тоже скоротечно, что и в вашей реальности...

После паузы, весь в смятении, Владимир спросил:

– Возраст? Сколько мальчику?

– Десять. По двенадцатимесячному людскому измерению.

Вове совершенно не хотелось ещё кого-либо лишать жизни, и он с надеждой попросил:

– Верни, пожалуйста, жизнь этой женщине.

– Я могу поймать или не поймать жизнь самоубийцы. Только того, кто сам делает выбор по отношению к своему существованию.

– Тут, значит, выбора-то и нет! – Вова не обрадовался такому ответу. – Я не хочу больше никого убивать!

– Ты можешь меня попросить. Убийство сотворит кто-то другой. У тебя будет долг исполнителю. У тебя есть выбор.

– Выбор, выбор...

Демон перебил его:

– У тебя даже есть выбор участи людского сына. Что ты хочешь для него: в ад или в дехм?

– Я не понимаю, о чём ты, и почему нет рая...

– Ада тоже нет. Я обозначил то место понятным для тебя словом.

– Тогда почему это именно ад?

– Сложно объяснить то, что сложно понять. Окончание существования не может быть раем. Тебе очень повезло.

– Да, я счастливчик, – Вова даже не улыбнулся от своего сарказма. – А что за дехмы?

– Ты видел их, лежащих здесь, в траве молчания, открывающей зеркальные дороги в реальность...

– Чего? Они же живые? – Вова уже почти привык к диалогу. Но нужно было не ошибиться, сделать крайне правиль-

ное решение. Слишком много от него зависит.

– Они не живые. И ты сейчас не живой. В аду тоже нет живых. Но всё видоизменяется. И кто знает, может быть там, где сейчас всегда страшно и больно потом будет спокойно и хорошо.

– По твоим словам возможно всё. Пусть лучше так, пусть будет таким, как эти... если рай здесь ещё не придумали. А где бог?

– Ты хочешь знать больше, чем можешь понять...

Владимир только понял, что ничего он не хочет больше знать. И слишком велика вероятность, что его обманут, и душа его полетит в тартарары...

Он устало сказал:

– Я так хочу, чтобы всё закончилось...

– Ты хочешь меня попросить о том, чтобы сын людской стал дехмом, и никому ничего не успел рассказать? Или он должен узнать настоящую смерть?

– Дехмом...

– Будем надеяться, моя человеческая вещь хорошо выполнит свою работу.

– Будем надеяться...

Вскоре Владимир услышал чьи-то шаги. Пришлось обернуться и увидеть худого человека, быстро идущего к ним. Тот на ходу срывал с себя одежду, которая была ему очень сильно мала. В первую очередь он разорвал пиджак, потом начал резкими движениями срывать с себя галстук-бабочку,

жилет, рубашку, майку. А брюки, которые лопнули по швам, он снимать будто постеснялся, оставив их в виде набедренной повязки.

Незнакомец подошёл к ним и поклонился демону, который сказал Владимиру:

– Этот человек придёт к тебе завтра, когда ты будешь жив. Ему ты будешь должен. И ты будешь должен мне. Я придумую тебе смысл для себя.

Вова не знал, что ответить. Мысли путались.

Молодой мужчина, старше Вовы приблизительно на пять лет, с чёрными, прямыми волосами и острыми чертами лица, смотрел на Вову с высокомерием и некоторой долей радости. В нём не было ничего потустороннего.

Владимир в очередной раз невнятно озвучил своё нежелание кого-либо убивать. Собственными руками. Незнакомец ответил ему:

– Смерти нет. И жизни нет.

Существо вытащило руку из прорезей в мешке и передало неизвестно откуда появившемуся молодому человеку нож с массивной ручкой и широким, но коротким, будто отломанным, клинком.

Верный слуга Бенедикт с достоинством принял невзрачный предмет, будто это был настоящий меч короля Артура.

– Что происходит? – испугался Вова.

– Ты можешь идти, – велело существо.

... и Владимир проснулся.

Проснулся, лёжа на холодном кафельном полу в ванной комнате. На шее болталась бельевая верёвка. Оборванная.

Ощущение удушья и головокружение дополнилось сильной слабостью и тошнотой. Парень кое-как дополз до комнаты и лёг на диван. Его стошнило прямо на подушку. В глазах двоилось. Голова раскалывалась жуткой болью.

Очень страшно. Время под утро.

Парень так больше и не уснул. Было не до сна.

Утром ему полегчало и он вышел во двор к своему автомобилю. Вмятина никуда не делась. Что дальше делать? Неизвестно. Что за дурацкий сон! Может и не было ничего, всё по пьянке привиделось? Вон как голова болит. Но авария-то была...

За спиной он почувствовал чей-то пристальный взгляд, обернулся. Это был тот самый молодой человек из его ночных видений. Только на этот раз он был одет в строгий костюм своего размера.

– Узнал? – спросил он.

– Узнал, – Владимир подошёл к нему. – Что это было, сегодня ночью?

– Я не смогу объяснить. Это раз. Тебе лучше не знать подробностей. Это два.

– Я тебе что-то должен, это три? – спросил Вова.

– Да. Вот – худой, некрасивый молодой человек протянул ему клочок бумаги, на котором было написано несколько цифр.

– Это что? – не понял Владимир, выхватив из рук незнакомца записку.

– Это доллары.

– Это бумажка.

– Это сумма, которую ты мне должен. Было нелегко.

Тут Владимир разозлился. Он бросил в лицо молодому человеку его бумажку и легонько ударил незнакомца ладонями в грудь, закричал на него:

– Ну чё, подставили, да?! Как я не догадался, что это развод, а?! Вот это придумали, красиво! Цирк! Пошёл вон отсюда!

Парень разозлился, достал тот самый нож, который передал ему во сне демон, оглянулся по сторонам. Рядом были люди: соседи и обычные прохожие. Они смотрели на них. Парень убрал нож и сквозь зубы процедил:

– Ты пожалеешь!

Он отошёл к краю дома, сел в чёрный автомобиль иностранного производства и уехал.

– Вот это удумали! Вот это развели! Нашли лоха, – не унимался причитать Владимир, продолжая осматривать свой автомобиль.

Рядом припарковался сосед на своём автомобиле. Сначала из машины показалось его пузо, потом он сам. Мужчина медленно подошёл к Владимиру. Завёл разговор:

– Слышь, паренёк, не ругайся. Я вчера утром очень спешил, немного толкнул твою тачку, когда отъезжал. Я не знал,

где ты живёшь и не дождался тебя. Весь день совесть мучила. Вот, приехал пораньше... короче, сколько я тебе за вмятину должен?

У Владимира упала гора с плеч. Вот откуда вмятина! Неужели всё оказалось видением, дурманом, наваждением?

Вова, не скрывая улыбку, сказал:

– Да тут ерунда! Нисколько не должен! Всё поправимо!

Обрадовался и мужик, он был хоть и совестливый, но жадный. Они тепло попрощались.

А Вова ходил к другу, они выпили пива, и он со спокойной душой пошёл домой.

Дома уже были родители. Его мама рассказала, как ей одна знакомая поведала, что её одноклассница вчера ночью погибла под колёсами автомобиля. То ли пьяная была, то ли ещё чего. Водитель скрылся и его так и не нашли, и вряд ли уже найдут. Ещё у неё сын в эту же ночь пропал! Самый младший, совсем поздний. А ещё магазинчик ночной подчистую обнесли, продавец куда-то пропал. И что самое интересное, именно этот продавец и вызвал милицию, когда пропавший мальчик, сын одноклассницы, пришёл к нему, и сообщил о том, что видел, как его маму сбила машина...

В общем, по словам матери Владимира, путаница ужасная. Не понятно, куда пропали водитель, продавец и маленький мальчик! Всех ищут! Как страшно жить!

Для Владимира это было громом среди ясного неба. Спать он ложился со странными мыслями в голове. Ворочался по-

чти до самого утра, но уснул от усталости.

Второй раз за два дня далёкой осени одна тысяча девять-сот девяносто девятого года Владимир очнулся в безжизненном поле.

На этот раз он резко вскочил на ноги, сбросил с шеи удавку, быстро заметил местоположение фигуры странного инопланетянина и силуэта полуголого молодого человека, и бросился наутёк, подальше от этой парочки.

Он бежал, что было сил, оглядываясь до тех пор, пока незнакомый парень с мерзким существом не скрылись из виду. Никто его не преследовал, а впереди было бескрайнее поле. Изредка в траве он перескакивал через трупов, которые ещё сильнее пугали его в сложившихся обстоятельствах.

Наконец, он очень устал и упал в траву. Лежал долго, тяжело дышал. Отдышался. Потом, обессиленный, кое-как поднялся, и увидел перед собой глубокий чёрный овраг. Он обернулся...

За его спиной молча смотрели на него пришелец и молодой человек, который искренне улыбался. Человекоподобное существо не подавало никаких эмоций.

– Я всё отдам! – простонал Вова.

Он упал на колени, но не знал, что ещё сказать, как умолять, поэтому просто повторял эту фразу.

Демон поднял правую руку вверх. Из травы поднялись два мертвеца. Их кожа ещё не была такой же серой, как у остальных дехмов, и одежда была ещё крепкой и относительно чи-

стой. Их лица были обезображены – кожа была закручена по часовой стрелке, уродливо расплывшиеся глаза были расположены в хаотичном порядке по краям узлов. Один труп был высокого роста. Другой – низкого. Он был ребёнком. Мальчиком. Лет десяти.

Улыбающийся молодой человек стал злым. Он чуть ли не кричал:

– Знаешь, как это не просто было? Мне пришлось придти и сделать это и с мальчиком, и с продавцом! И надо было очень поторопиться. Думаешь, легко было резко проснуться, сесть в машину, приехать на окраину города и превратить двух людей в дехмов? Причём, второго совершенно бесплатно? Было проще пустить мальчика на корм, благо в подсобке было достаточно большое зеркало! Но нет, я сделал это, потому что я – молодец!

Последняя фраза звучала нелепо, комично. Но Вове было не до смеха. Он весь дрожал.

А парень, закончив свою речь, успокоился, и вновь стал улыбаться. Демон немного провёл рукой по воздуху и один из трупов, тот, что был когда-то при жизни продавцом, набросился на маленького мальчика. Маленького мёртвого мальчика с изуродованным лицом.

Узел взрослого дехма развязался, обнажая на мгновение огромную пасть с множеством мелких зубов, сформированных из осколков черепа. Монстр вцепился в маленького дехма, проглотив полностью его голову. Тот пытался сопротив-

латься, но недолго – что-то едва слышно пропищав, он перестал шевелиться. А взрослый дехм медленно жевал чужую голову, его тошнило, но он опять принимался за трапезу. Кажалось, он мучился, но всё равно ел. Даже то, чем его тошнило...

Несмотря на мучения, он достаточно быстро съел почти половину тела. Демон одним движением костлявой руки остановил этот процесс. Дехм бросил куски маленького изуродованного туловища в траву, но не завязал свой узел обратно.

Парень, имя которого Вове было неизвестно, посчитал нужным объяснить:

– Дехмам тяжело есть друг друга, но одного взрослого человека они съедают значительно быстрее. И требуют добавки!

– Хочешь проверить его слова? – спросил демон.

Владимир не сразу понял, что съесть предлагают именно его, но когда пришёл в себя, то усиленно замотал головой в отрицании. Больше никогда в жизни ему не было так страшно. Дехм смотрел на Вову своим раскосым взглядом, расплывшиеся по сторонам глаза блестели кровавыми каплями.

– А теперь погладь дехма по голове! – велел парень Владимиру.

Но его перебил демон:

– Это будет твоим новым желанием?

– Нет, не гладь! – опомнился брюнет. – Моё желание бу-

дет... помнишь цифры, что я написал на бумажке?

Он обратился к Владимиру и тот поспешил с ответом:

– Помню!

Он безмерно обрадовался тому, что платить ему придётся не своей жизнью. А сумма на бумажке, хоть и была крупной, но её можно было отдать. Со временем, правда.

– Умножь эту сумму на десять. Сколько будет? – спросил незнакомец.

Вова ответил, а парень довольно кивнул и сказал, что теперь тот должен будет именно эту сумму...

Потом Владимир очнулся посреди ночи и снова долго не мог уснуть.

Утром ему нужно было идти в университет, где он восстановился сразу после армии. У подъезда его встретил тот самый молодой человек из сна. Было очень холодно и дождливо, но он был одет в строгий костюм и элегантное лёгкое пальто.

Брюнет передал Владимиру новую бумажку, на этот раз с реквизитами счёта, куда нужно будет отправлять деньги.

Перед тем, как уйти, Бенедикт озвучил свои угрозы Вова:

– Если мне что-то не понравится, я снова появлюсь в твоей жизни. И не один, как ты понимаешь. Считай, что ты вернул свою жизнь в кредит. И не забывай, что помимо моего долга, тебе ещё когда-нибудь придётся отдавать долг тому милому бессмертному существу, представителю высшей расы. Он верит, что ты сможешь быть полезным, а я считаю,

что ты просто тряпка и ни на что не способен. Что ж, помни про здоровый сон, а то выглядишь неважно. Ну и если совсем будет тяжело, то сам понимаешь, самоубийство теперь не выход!

Он уехал на хорошем, по тем временам, автомобиле.

Спустя несколько дней парень продал свои «Жигули» и параллельно учёбе устроился на работу. Разругался с родителями, которые сначала гордились его занятостью, но быстро расстроились, так и не увидев ни разу тех денег, которые он зарабатывает.

Ему пришлось переехать в общежитие и найти ещё несколько подработок. Трудолюбие вошло в привычку. И эта привычка осталась на всю жизнь. Несколько долгих лет он выплачивал долг, экономя на всём.

Но его жизнь не проходила впустую – за это время он успел получить хорошее образование, устроиться на перспективную работу. Познакомился с Тamarой. Они стали жить в её однокомнатной квартире на самой окраине города, безумно любя друг друга. В то тяжёлое время девушка была его единственной отрадой. Жили в нищете, но жили счастливо. Быстро сыграли свадьбу, вскоре родилась Кристина. В маленькой однокомнатной квартире стало совсем тесно, но Тома ни разу не упрекнула Вову в том, что тот так много работает и так мало зарабатывает. А Вова отдавал долг. Исправно.

Через некоторое время он отдал всё до последнего цента.

Плохие сны ему больше не снились. От усталости ему вообще не снилось ничего.

И все эти годы он не выпил ни капли спиртного. Так он держался ещё пару лет, пока не умер его отец. Тогда он выпил рюмку водки. Через два года умерла мать. Ещё пара рюмок. Он прекрасно помнил причину своих несчастий.

Если и приходилось немного выпивать, то сразу приходили воспоминания, после которых он долго не мог уснуть. Смерти невинных людей, демон, дехмы, тот противный лощёный парень...

Когда настал конец финансовому кошмару, Вова поздно вечером вернулся с работы домой – в этот день долг был закрыт. Зашёл в квартиру счастливый, поцеловал маленькую Кристинку, жену, и лёг спать. Сны ему снова не приснились.

Зато утром, когда он выходил из дома, торопясь, чтобы успеть на автобус, он столкнулся у подъезда с тем самым молодым человеком, которому он отсылал деньги все эти годы. Узнал его сразу. Тот выглядел просто шикарно. За это время он не потерял любви к дорогим костюмам. Его белоснежная улыбка говорила о том, что у него всё замечательно.

– Я всё отдал! – заволновался Владимир.

– Мне – да. А про нашего доброго друга не забывай никогда. Он такой затейник, кто знает, что он выдумает!

– Я помню всё прекрасно! Теперь это только наше с ним дело! – грубил Владимир.

– А ты знаешь, как сделать дехма? – спросил парень, вы-

ташив из-за пазухи нож с коротким лезвием. Тот самый, который ему когда-то передал демон.

– Я не хочу этого знать! – Владимир искренне запаниковал.

– Надо вот этот нож человеку в лицо воткнуть. Воткнуть сильно, но аккуратно, чтобы потом узел завязался правильно, сильно не повредив глаза, а то дехм подслеповат будет. После соприкосновения ножа с лицом, человек перестаёт сопротивляться. У него заканчиваются человеческие силы, человеку больно, человек теряет свой облик. Кожа лица выворачивается наизнанку, череп дробится, мозг растворяется...

Владимир прервал монолог маньяка:

– Не трогай мою семью!

– Хочу, но не буду, – вздохнул Бенедикт. – У тебя красивая жена. Ладно, давай прощаться. Хочешь, тебя до работы довезу?

– Нет. Пожалуйста, уходи!

Бенедикт ушёл. Ушёл на много лет из его жизни.

За это время дела Владимира шли только в гору: он смог купить квартиру в хорошем районе города, обеспечил и себя, и супругу личными транспортными средствами, а заграничные поездки стали ежегодной традицией. Всё шло по плану, пока его не сократили на работе. Но и сейчас, в принципе, всё достаточно хорошо – его семья не голодала, только в этом году они никуда не ездили в отпуск.

Владимира мучила бессонница. Всегда страшно уснуть

ночью и проснуться пасмурным днём посреди безжизненно-
го поля.

Глава 4

Ушедшие времена терзают душу воспоминаниями, не давая расслабиться. Как только немного замешкаешься в настоящем, так сразу накрывает волной прошлого. А пережитки прошлого совершенно не уместны в процессе построения светлого будущего. Планы – это хорошо, но оставаться человеком нужно и сегодня. Ведь все живы только в настоящем времени. И, было бы совсем неплохо, если уже в сегодняшнем дне ты являешься хорошим, живым человеком. Здесь и сейчас.

А так ли нужны хорошие люди? Для чего? Неужели для того, чтобы люди плохие могли ими воспользоваться для получения своей корыстной выгоды?

Было бы лучше, если бы хорошие люди существовали для того, чтобы помогать тем, кто разуверился, кто потерял надежду, что этот мир ещё может быть хорошим для них. Но мир, если и меняется, то со скрипом. Облачаясь в актуальные, иногда даже и в светлые, наряды, он не обращает внимания на чьи-то ожидания. А вот хороший человек, оказавшийся в нужную минуту рядышком, позволяет не ждать от неуклюжего мира подачек, а сам предлагает свою помощь. Своевременную и правильную по отношению к сложившейся ситуации. Не сочувствие, а участие.

Было бы ещё очень хорошо, просто замечательно, если бы

поговорка «не делай добра – не получишь зла» потеряла бы свою актуальность.

Но Владислав Бекетов всегда старался совершать хорошие поступки. Просто так. Было великое множество благих дел, про которые Влад быстро забывал. Но некоторые откладывались в памяти.

Из того, что запомнилось: несколько месяцев назад Влад взял на работу в свой цех паренька, под свою ответственность. У того не было соответствующего образования, он долго не мог никуда устроиться по своей специальности – к сожалению, плохих экономистов стало больше, чем хороших химиков, инженеров, технарей. За парня попросил старый знакомый Владислава. Они не виделись несколько лет, но случайная встреча, возобновившиеся телефонные разговоры и некоторые совпавшие взгляды на жизнь вновь позволили товарищам на короткое время вернуть приятельские отношения. Ровно до тех пор, пока сын однокашника официально не вступил в должность, в рабочую обязанность которой входило техническое обеспечение функционирования оборудования на заводе красок и эмалей. Там, где Владислав руководил отдельной бригадой, славившейся передовыми показателями по выполнению своих обязанностей.

Работа у бригады спорилась – данный факт не отрицало руководство предприятия. Оно и пошло навстречу заслуженному мастеру своего дела в открытии новой вакансии в его цеху. Фактически, Бекетов шёл на риск, приспособив

статичного работника к серьёзному производственному процессу, но этим он преследовал и благие цели: в перспективе разгрузить от рутинной работы главных специалистов, тем самым ускорив технический процесс. Владислав Евгеньевич Бекетов всё рассчитал, заручился доверием руководства, и пригласил молодого человека к себе в коллектив, правда, не выпросив ему той зарплаты, которая соответствовала бы уровню оклада остальных мастеров. Но при должном желании и трудолюбии подопечного у него был неплохой шанс приблизиться по доходам к новоиспечённым коллегам.

Конечно, всех этих непростых манипуляций делать не следовало, но Влад понял это не сразу и до конца надеялся на изменение наметившейся тенденции нового сотрудника безалаберно относиться к рабочим обязательствам. Также стоило обратить внимание и на то, сколько недовольства Вениамин выказал, когда узнал, что его доход будет меньше, чем у его партнёров. Но, несмотря на это, его оклад был не намного хуже, чем у менеджера среднего звена.

Влад много думал над тем, насколько нелогичной для его мироощущения стала выглядеть та ситуация, в которую он сам себя и поставил. Он не привык рисковать, а здесь ради доброго дела пренебрёг возможными негативными последствиями.

Вениамин не оправдывал никаких, даже самых скромных ожиданий. А на вежливый спрос со стороны прямого руководителя, добрейшей души человека, Владислава Евгеньевича

Бекетова, парень начинал хамить и огрызаться. Плохую самоотдачу на производстве оправдывал тем, что ещё недостаточно адаптировался и чувствует давление от руководителя.

Но, благодаря своему остроумному нраву и хорошо подвешенному языку, новичок сумел расположить к себе некоторых коллег и они, по наитию штатного шутника, стали также грубить, а то и подсмеиваться над руководителем. Дурной пример оказался очень заразительным. Влад не мог дать им должного словесного отпора ввиду своего характера и предпочитал не реагировать на шутки в свой адрес.

Так, с его молчаливого согласия и с лёгкой подачи новоиспечённого сотрудника, за Бекетовым укоренилась кличка. Совсем не добрая и обидная. За спиной его начали называть жабой. На это несколько повлияла его внешность: слегка выпученные глаза, двойной подбородок, излишки жировой прослойки на туловище. Странное дело, но даже в мужском коллективе поддавались обсуждению особенности строения организма руководителя.

Дисциплина в коллективе стала ухудшаться, авторитет Бекетова падал. Но это касалось молодёжи. Зрелые мужчины, те, кто не входил в шайку новоиспечённой юмористической компании, оказались в меньшинстве, и просто продолжали молча исполнять свои обязанности. Они свою работу любили больше уничижительного юмора. А Бекетову было обидно, но он предпочитал делать вид, что не замечает подколов в свой адрес.

Но терпение его лопнуло тогда, когда он застал Вениамина с коллегой за тем, что они игрались в своих сотовых телефонах в тот самый момент, когда были ответственными за серьёзный рабочий процесс. И если на более опытного сотрудника слова Владислава об ответственности возымели свой эффект, то Вениамин продолжал отпускать жёсткие остроумные шутки на каждое слово руководителя. Тот, отчаявшись призвать к ответу совесть подопечного, пригрозился его оштрафовать. На это парень ответил уже более серьёзным негативом.

Рабочий день закончился и Влад остыл, наполнив свой внутренний мир лишь накопившейся усталостью и единственным желанием добраться до дома и лечь спать. Когда мужчина неспешной походкой дошёл до своего автомобиля, его одолели воспоминания о том, как они всей семьёй радовались, когда приобрели новый «Рено Логан». Воспоминания давали ему хорошие эмоции, но и рвали уставшую душу на части. Знакомый привкус горечи образовался во рту. Мужчина долго стоял около автомобиля, прежде чем открыть дверь.

Сзади ему крикнули:

– Эй, жаба!

По какой-то неизвестной ему самому причине, Влад обернулся, хотя делать этого было не нужно – это возмутительно откликаться на такое обращение. Но отступить поздно. Влад лишь тихо спросил у оказавшегося рядом с ним Вениамина:

– Зачем ты так со мной?

– Смотри, доквашаешься! Я тебя предупреждаю! – с угрозой крикнул молодой человек.

Парень, убедившись, что его слова вновь оставили в замешательстве нелепого дядьку, сел в свой чёрный «Митсубиси Лансер» десятой модели, который этой осенью уже участвовал в небольшом дорожно-транспортном происшествии по вине хозяина и ещё не был приведён в аккуратный вид. Вениамин эффектно покинул своё парковочное место, небрежно управляя автомобилем.

* * *

В этот же вечер Василий Кошкин возвращался домой в менее приподнятом настроении, чем в прошлый раз, когда встретил грустного соседа. Сегодня они также вместе прокатились на лифте, каждый до своего этажа. Но один обошёлся без ненужных вопросов, а другой без ненужных размышлений о природе этих вопросов. Ехали молча.

Сегодня Василий с коллегами получил нагоняй от руководства. Им припомнили серию нераскрытых убийств. Особый акцент был сделан на резонансном двойном убийстве в местном парке. Это произошло в тёплое время года: недалеко от пруда, в кленовых зарослях были обнаружены два трупа – девушки и парня, обоим было чуть больше двадцати лет. Причём оба были изнасилованы и жестоко убиты ударами тяжёлым предметом по жизненно важным органам. И тем же самым предметом, как показала экспертиза, были нане-

сены аналогичные смертельные ранения мужчине, труп которого был найден несколько ранее, в том же самом парке. Ещё на оперативке припомнили недавнее убийство бездомного, только уже с помощью колюще-режущего предмета...

У следователей отработывалась версия, что в городе орудует не банда жестоких убийц, а один и тот же маньяк, что мог молчать длительное время, а потом напоминал о себе целыми сериями бессмысленных убийств. Связь между нераскрытыми убийствами была неочевидной, кроме эпизодов в парке, но следователь Кирилл Жиров, давний товарищ Василия, был уверен, что все убийства дело рук одного психопата.

Особых зацепок не было. Разве что только на одежде убитых в парке был обнаружен ворс и целые клочки ниток с белых тряпичных перчаток, которые в своей работе использовали все, кто занимался физическим трудом – дворники, дорожные рабочие, строители. Тогда по горячим следам был задержан мужчина крепкого телосложения и азиатской внешности. Тот шёл по улице в грязных, некогда белых, рабочих перчатках. В задержании принимал участие сам Василий. В отделении Кошкин долго смеялся над именем задержанного, докладывая следователям о том, что был схвачен «то ли джон, то ли бжон». Но после тщательной проверки строитель Толибжон, ненадолго отлучившийся от работы в магазин, был отпущен. Других подозреваемых не обнаружилось.

После этого на районе наступило затишье, в котором если и случались убийства, то преступления быстро раскрывались ввиду нехитрости мотивов бытовых злодеяний на почве временной потери рассудка из-за потребления алкогольных напитков или психотропных веществ.

Начальство негодовало – показатели были плохими. Да и последний «глухарь» в виде убийства бомжа ухудшил статистику. Мужчина умер от единственного ножевого ранения в шею. На орудии убийства ничьих отпечатков пальцев, кроме самого убитого, обнаружено не было.

Вообще, по мнению Василия, этот эпизод можно рассматривать как своеобразное харакири в исполнении бездомного, но Жиллов с ним не согласился, как и второй уважаемый в отделе следователь – Михаил Кузнецов. На счёт этой парочки приходилась основная масса раскрытых преступлений, поэтому они были в авторитете. С ними и пытался водить дружбу Василий. Они даже несколько раз выпивали после тяжёлых рабочих будней. Василий и сегодня предлагал провести мозговой штурм, сообразив на троих один флакон «Хлебной дороги», что лежала в сейфе у Жилова. Но мужчина отказался делиться водкой, оставив её до лучших времён. А Михаил и вовсе не желал употреблять спиртное – выговор от руководства не стал для него поводом для посиделок.

Ещё в команде следователей был стажёр – шустрый, любознательный и с некоторой хитрецей. Лейтенант Павел Зотов вселил в капитана Кузнецова уверенность в хорошие способ-

ности подрастающего поколения. Но старший следователь Жилов не торопился с выводами. Что же касается Василия Кошкина, то у него, как всегда, было своё мнение, но его по этому поводу никто не спросил.

Все эти факторы поспособствовали плохому настроению мужчины. Немного поругавшись с женой, Вася ушёл пить пиво и смотреть телевизор. А его сыновья в это время сидели в своей комнате, где каждый занимался своим делом: Рома обнимался со своей девушкой Инной, а Антон играл в какую-то стрелялку на компьютере, слушая в наушниках агрессивную музыку.

У Антона тоже было плохое настроение, ему ужасно не нравилось то, что брат водит домой свою девушку. Но больше всего его злило, что эта девушка его однокурсница, и изначально именно он хотел завязать с ней свои первые отношения. И он до сих пор питал к ней тёплые чувства. Но брат его опередил, не заставив Инну даже догадаться о том, что у самого младшего из семейства Кошкиных есть к ней симпатия. Собственно говоря, никто об этой симпатии Антона, кроме него самого, и не знал.

Вот он сидел, убивал виртуальных врагов и надеялся на то, что влюблённая парочка за его спиной не позволит себе ничего лишнего. По этой причине он не оставлял их в одиночестве в их общей с братом комнате.

Антон домосед, ему сложно находить общий язык с людьми, да и не слишком ему этого хотелось. Его мировоз-

зрение, возвращенное в тепличных условиях, не давало никаких поводов для того, что бы начать успешную социализацию. Он искренне верил в то, что никому не нужен. Ему больше нравилось проводить время за компьютерными играми. С их помощью он впадал в некоторый транс, в состояние сна наяву, когда все его действия происходили по наитию, на интуитивной основе. Забывался он конкретно и приходил в себя лишь после очередного успешно пройденного уровня.

Его успехи были серьёзными – он мог по несколько раз перепроходить любую «стрелялку» на самом высоком уровне сложности. А когда участвовал в онлайн состязаниях, то добивался непререкаемого авторитета в среде других участников баталий.

А Инна с Ромой как раз обсуждали идею знакомства подруги девушки с Антоном. Им это показалось хорошей идеей, и в ближайшие выходные они все вместе договорились сходить в кафе.

Антон, выйдя из своего компьютерного транса, нехотя согласился составить им компанию. На вероятную симпатию подруги Инны к худощавому молодому человеку надеяться не приходилось, но попробовать стоило.

Проводив домой свою девушку, которая жила совсем недалеко, Рома лёг спать и быстро засопел, придаваясь приятным сновидениям. В комнате родителей уже было темно и тихо, а Антону, как всегда, не спалось. Он побил новые рекорды в игре, выключил компьютер и ушёл на кухню пить

чай, заодно чего-нибудь поесть.

По дороге к холодильнику, который стоял близко к прихожей, парень услышал лёгкий шорох. Он прислушался и не сразу понял, откуда идёт звук. А слышался он из-за закрытой входной двери в квартиру.

Парень на цыпочках подобрался к железной преграде, скрывающей его жилище от внешнего мира, посмотрел в глазок. Сначала ничего нового в привычном интерьере, состоящем из бело-зелёных стен, трёх дверей, лестницы и лифта, он не увидел. Всё также территорию этажа освещала одна тусклая лампочка.

Шорох прекратился, но Антон услышал чьё-то тяжёлое дыхание. Человек так дышать не мог, слишком долгими были промежутки между вдохом и выдохом.

Через несколько секунд он увидел старуху. Она появилась так неожиданно, что молодой человек чуть не закричал. Во время сдержался, но, казалось, что старуха что-то почуяла. Она стала всматриваться в дверной глазок со своей стороны, но, разумеется, ничего увидеть старуха не могла. Её глаз вообще не было видно, на их месте были лишь две глубокие складки морщин, в которых можно было рассмотреть только черноту.

Это продолжалось недолго. Вскоре старуха развернулась и пошаркала в сторону лестницы. Она ушла, медленно преодолев несколько ступеней. Дальше была стена, которая скрыла её дальнейший путь от взора до смерти напуганного молодого

го человека. Старая женщина была одета во всё чёрное, чем ещё больше напоминала бабу-ягу. Парень никогда не думал, что будет так бояться мифического персонажа, живой подражатель которого только что чем-то был занят у двери его квартиры.

Очень жутко и неловко наблюдать за тем, как кто-то сходит с ума.

Наутро Антон раньше всех вышел из квартиры. Он был уверен в том, что на двери должны были появиться новые знаки, но её металлическая поверхность была относительно чистой. Для парня осталась загадкой цель ночного визита сумасшедшей старухи.

Вечером, за ужином, он всё рассказал своей семье. Мать ему не поверила, сказав, что это уже не смешно. Ей просто не хотелось связываться со старой ведьмой. Она её боялась. И отрицанием слов своего сына она надеялась отвести от семьи беду. Поэтому разбираться по поводу возможных ночных визитов она не собиралась, как и отец. Он лишь пригрозил в случае чего вызвать психиатрическую бригаду обоим. Мужчину больше тревожили неприятности на работе – начальство предъявляло всё больше и больше претензий. До пенсии хотелось доработать без серьёзных эксцессов. Поэтому Василий был хмур. А Роман посоветовал брату написать об этом новое стихотворение. В общем, Антон снова пожалел обо всём, о чём только можно было пожалеть в сложившейся ситуации.

* * *

В этот же самый день Влад написал докладную руководству по поводу ненадлежащего отношения к рабочим обязанностям своего подчинённого Вениамина Матвеева. В документе он просил руководящие органы посодействовать в нормализации дисциплины сотрудника путём лишения виновного премиальных выплат за текущий месяц. Руководство завода согласилось на эти ограничительные меры, заодно сделав публичный выговор Матвееву. Не избежал претензий и сам Влад, правда, слова недовольства ему были высказаны в приватной беседе с руководителем подразделения. Большой начальник указал на недостаточный авторитет Бекетова, на его мягкотелость. Также в упрёк прозвучали слова об его же инициативе по трудоустройству этого самого нерадивого сотрудника. Было предложение уволить бездаря, но Влад решил, что тому можно дать ещё один шанс.

И, разумеется, Влад пообещал нормализовать работу команды и повлиять на самое слабое звено в некогда крепкой цепи трудового коллектива. Но мужчина совершенно не знал, как осуществить это влияние. Он лишь надеялся, что выговор и финансовые ограничения заставят молодого человека задуматься о лучшем исполнении своих обязанностей. Либо придётся подумать об увольнении.

Влад шёл по цеху, внутренне готовясь к неприятной встрече с Вениамином. Сегодня они ещё толком не виделись, и произошедшие события должны были как-то поспо-

собствовать тому, чтобы у них состоялся разговор по существу, в ходе которого Влад хотел объяснить свою позицию по данному вопросу и предложить варианты действий для того, чтобы подобное больше не повторялось. О возможном увольнении намекать не хотелось, он всё ещё надеялся на добросовестность сына своего давнего знакомого.

Но разговора, как такового, не получилось.

Веня, высокий молодой человек с модной причёской, появился внезапно. Он склонился вплотную над низким и полным начальником, схватил того за ворот рубашки и высказал ему в глаза всё то, что о нём думал. Его речь была недолгой, но красочной. Если опустить все нецензурные выражения и слова-паразиты, то смысл слов был сведён к тому, что он не уважает жабу за ябедничество и неумение руководить. Ещё он указал, куда именно нужно пойти начальнику со своими жалобами. Однако, выговорившись, парень резко удалился сам.

Влад так и остался стоять в растерянности посреди огромного цеха, которому он отдал значительную часть своей жизни. В горле застрял ком. Мужчина удивлялся наглости современной молодёжи. Была обида и на себя самого за то, что Влад не смог ничего сказать в ответ. Может, от природной застенчивости. Может, от нежелания разговора в стиле «дурак – сам дурак».

Так или иначе, в череде траурных и мрачных дум Владислава Бекетова появилась и новая навязчивая мысль о той

обиде, которую нанёс подчинённый своему добродушному руководителю.

Но как только Влад переступил порог своей собственной квартиры, он забыл обо всех рабочих неприятностях. Ему просто стало ужасно одиноко. Некому было пожаловаться на трудности, некому было утешить его печаль.

Тяжёлая депрессия обнимала его плечи, не давая расправить дряблую грудь, в которой билось больное, уставшее сердце. Скулящая тоска заставляла опускать взгляд себе под ноги даже там, где дорога не предвещала никаких подвохов и неровностей. Горечь от всего прожитого, но не пережитого, отравляла воздух, пищу, воду – всё вокруг. Делала даже самые яркие краски тусклыми, не ласкающими взор. От пустоты в квартире и в самой душе становилось жутко. Очень часто эта жуть требовала достать из шкафа припасённую бутылку водки – больной желудок не смог бы справиться с большой дозой, и сердце точно отказалось бы биться после этой полулитровой порции яда.

Но Влад не спешил открывать бутылку и доставать гранёный стакан. У него ещё была какая-то зыбкая, плохо сформулированная надежда.

Несколько лет назад его жена рассказала ему, что у них в доме живёт бабушка, которая может предсказывать будущее, давать какие-то советы в трудных жизненных ситуациях, навести порчу или сделать приворот. Тогда они посмеялись над этим, но сейчас мужчина вспомнил про ведьму и

ему захотелось сходить к ней и узнать... жива ли его дочь. Но неверие в неестественные явления и нежелание знать страшную правду мешали этому.

Но вдруг не зря столько людей верят в жизнь после смерти, порчу и предсказания? Вдруг то, что выходит за рамки логики, обыденности, нормальности, в конце концов... вдруг это и есть правда? Вдруг мир, обоснованный в своём существовании учёными умами, допускает и то, что нельзя объяснить никакими научными законами? Если это так, значит, здесь должно найтись место и для чуда. Или хотя бы для справедливости.

В ту ночь Владу приснился страшный сон, в котором он, обезумев от ярости, начал крушить всё вокруг. Все преграды перед ним разлетались в клочья, когда он махал своими руками во все стороны. Потом в его сне появился Вениамин. И ему тоже не поздоровилось – Влад с лёгкостью, карикатурно, открутил ему голову. Но перед ним возникло ещё несколько Вениаминов, которые смеялись над ним. Они тоже получили по заслугам...

Достаточно спокойно отработав смену, он возвращался домой, аккуратно ведя автомобиль по обледенелой дороге. Чернел ноябрь, зазывая ночь. Мрачнели мысли мужчины.

Спустя некоторое время Влад Бекетов тихо постучался в квартиру старой ведьмы. Он жутко нервничал. И ему было стыдно за то, что он решился связаться со всем этим паранормальным сумасшествием в столь поздний час.

Он помнил, как его жена рассказала, что странная бабка денег не берёт, за услуги ей платят едой. И не просто едой, а свежим мясом. Но, помимо свиного мяса, Влад купил и другие продукты: масло, макароны, молоко, яйца, хлеб, консервы, чай, пряники. Он хотел полноценно расплатиться за оказанное ему внимание и просто помочь пенсионерке.

В необходимости своей помощи он убедился, увидев убогое убранство маленькой квартиры. Впрочем, старуха заинтересовалась только мясом.

– Ты слаб, да, – неприятным голосом произнесла старая женщина, когда они прошли на кухню. – Твоя злость не заперти твоего мяса. Нет. Злость не смогла посетить твою жизнь. В тебе нужно зародить храбрость. Да. В тебе нужно зародить зерно силы. А простая сила в злости...

Бекетов слабо понимал, что вообще происходит. Что могли значить её слова, кроме чего-то очевидного? Да, он слаб и это заметно. Но он не хочет быть злым. Он пришёл не за этим.

Мужчина аккуратно оглядывался по сторонам. Смотреть на старуху не хотелось. Она была мерзкой.

Если бы Влада попросили рассказать о том, какой была кухня старухи, то он бы сказал просто: тут пусто, холодно и неудобно, будто здесь живёт не человек, а лишь его унылая тень. Одновременно с этим, себе он тоже дал бы определение «тень человека» – это тот, кто пытается жить обычной жизнью, не используя все её блага. Тихо, незаметно, без

удобств. И этого достаточно. Тень человека не нуждается в том, в чём нуждается человек.

Но здесь не пахло лекарствами и старостью. Пахло чем-то другим. Но тоже неприятным.

Наконец Влад задал интересующий его вопрос:

– Я хотел бы узнать, жива ли моя дочь и где она находится...

– Скажу. Да. Но не всё. Нет. Спи здесь. Утром поведаю, в каком из миров твоя дочь. В этом ли слабом мире. Или ушла куда всерьёз и надолго. Где точно она не сказать, нет. Слабость смотреть.

– Хотя бы что-то узнать было бы хорошо, – попытался поверить ей Влад. – Спать пока как-то не хочется. Может, я дома посплю?

– Здесь. Или уйдёшь без знаний. Да, – сказала бабка.

С её губ обильно потекли слюни, и она поспешила их вытереть рукавом.

Влад, против своей воли, сказал:

– Ладно, извините. Я всё сделаю. Спасибо вам!

– Сиди здесь, да, – старуха вышла из кухни, прихватив с собой пустую стеклянную банку ёмкостью в один литр.

– Спасибо, постою, – Влад стеснялся и немного боялся ведьмы.

Та вскоре вернулась. В банку было налито немного тёмно-зелёной жидкости. Бабка разбавила её водой из крана. Потом она поставила стеклянную тару перед Владом на стол,

быстро спрятав свои ладони за вытянутыми рукавами, будто для того, чтобы у мужчины не было возможности получше рассмотреть длинные тонкие пальцы.

Она велела:

– Пей.

– Спасибо, но как-то не хочется, – брезговал Влад. Его продолжали смущать капающие на пол слюни старухи.

– Тебе не хочется знать про свою дочь, да! – сказала ведьма и медленно протянула свою костлявую, но крепкую руку к банке. На кончиках её пальцев чернела толи грязь, толи отметина какой-то болезни.

Мужчина опередил её. Он залпом выпил противное зелье и вернул пустую тару на стол.

– Хочется знать! – сказал он.

– Веди себя в комнату, ляг спать, да, – сказала ведьма, показав ему на дверь, ведущую в жилое пространство.

– Спасибо, но пока не сильно хочется, – сказал Влад, но в этот же момент у него закружилась голова.

По стенке он проследовал в комнату, где лёг на старый диван, даже не сняв куртку. Что делала бабка, Влад не видел. Он быстро начал проваливаться в бессознательность.

На стене мужчина заметил огромный аккуратно нарисованный символ. Узорчатый крест, обведённый в несколько окружностей. Но подумать о смысле этого знака он не успел, уснув крепким сном.

Его организм привык просыпаться рано утром без будиль-

ника и в бодром состоянии. Но в этот раз он проснулся тяжелее обычного. За окном ещё было темно, значит, привычка работала исправно.

Пришло осознание реальности: утро субботы, на работе выходной. Но Влад не сразу вспомнил, зачем он спал в чужой мрачной квартире. Но когда вспомнил, то его посетило тревожно-трепетное чувство: теперь настало время всё узнать.

На кухне было так же темно, как и в комнате. Бабка сидела за столом и не двигалась. Влад немного напугался и задался вопросом, а где спала сама старуха?

Когда ведьма заговорила, он напугался ещё сильнее. К её хриплому, булькающему голосу было сложно привыкнуть.

Она изрекла:

– Рано встал, да. Неважно, нет. Мало узналось, да. Несчастье всюду.

– Что узналось? – спросил Влад. Во рту пересохло, он очень хотел домой. Он не особо верил, что старая женщина скажет что-то толковое.

Так и получилось. Её предсказание было таковым:

– Дочь в этой жизни ты не увидишь. Нет. Не знай причину. Она ещё в этом мире. Да. Время быстрое, твоё обличье плохое. Да. Но твоя сила неизведанна.

Старуха замолчала.

– Где моя дочь? – не мог не спросить Бекетов, его начало мутить, заболел желудок.

– Где болото топит дали. Да. Точнее не разумею. Нет. За-

слоняет мой взор, да.

– И это всё? – разочарованно изрёк Бекетов.

– Да, – повторила одно из двух любимых слов старуха.

Мужчина медленно вышел из квартиры. Его воображение рисовало ему страшные гримасы, которые были на лице старухи, когда она сидела на кухне в темноте. Ему думалось, что с ней точно что-то не так.

То, что она сказала, выглядело обычным шарлатанством. Но он не жалел о том, что пошёл к ней и отнёс продукты – так он хоть немного помог малоимущей пенсионерке. Но её словам грош цена.

Мужчина поднялся на свой этаж, вошёл в пустую квартиру. Избавился от верхней одежды, сходил в душ. Сонливость не отпускала его весь день.

* * *

Субботним вечером в кафе-пиццерии встретились два брата: Рома, позитивный парень спортивного телосложения, и Антон, худощавый юноша, который иногда носил очки, которых ужасно стеснялся. Его зрение позволяло не использовать их в повседневности, если не нужно писать лекцию, работать с компьютером или делать какую-нибудь работу с мелкими предметами. Но сегодня его брат настоял на том, чтобы тот надел «свои окуляры», ведь в них он, по мнению Ромы, выглядел «старше и солиднее». Антон послушался, но чувствовал некоторый дискомфорт. Зато он реально лучше видел этот хмурый мир, в котором на время поселилась

поздняя осень. Здесь всё приходит на время и очень редко остаётся навсегда.

Девушки немного запоздали. Подруга Ромы и сокурсница Антона по учёбе в «меде», стройная брюнетка Инна, привела на встречу свою подружку-ровесницу, вполне привлекательную блондинку Аню. Свободную от отношений девушку хотели познакомить с Антоном и оторвать его от компьютера, которому тот стал посвящать слишком много своего времени. Парень был не против, да и Аню тоже интересовали новые знакомства.

Подруги были чем-то похожи в своём поведении – обе вели себя позитивно, много шутили и смеялись. Парни тоже вскоре стали чувствовать себя раскрепощено и влились в общее течение разговора, в котором девушки доминировали, наперебой рассказывая об особенностях своей учёбы. Если Инна, так же, как и Антон, пыталась получить медицинское образование (обоим учёба давалась достаточно успешно), то Аня училась на экономиста. Роман вклинился в беседу, вызвав интерес к своей учёбе на юридическом факультете. Антон только вставлял свои краткие комментарии, особенно дополняя рассказ Инны о том, как они всей учебной группой ходили на вскрытие трупа, и им не стало плохо от этого зрелища, как некоторым одноклассникам, которые не смогли полноценно изучить эту процедуру.

Несколько позже предмет разговора с учёбы сместился на личность Антона, когда девушки стали интересоваться его

жизнью и увлечениями. Тогда Рома не преминул воспользоваться случаем, чтобы лишний раз не посмеяться над братом. Шутить над ним он любил, да и тот редко позволял себе обратные колкости в адрес брата. Конечно же, Ромка рассказал ту историю с соседкой и стихами Антона. Все посмеялись, особенно Аня, которая слышала эту историю впервые. Но её заинтересовало хобби парня. Она начала расспрашивать его о том, как часто он пишет стихи, на какие темы. Поинтересовалась, каким образом у него происходит этот процесс.

Антон стеснялся, пытался отшучиваться, но ему льстило такое внимание к его творчеству. Инна поддерживала интерес подруги, а Рома дополнял беседу своими юмористическими комментариями. В конечном итоге, вся небольшая компания стала просить о том, чтобы Антон Кошкин рассказал какое-нибудь стихотворение из своего репертуара. Его брат в очередной раз хотел увидеть то, насколько неловко себя чувствует молодой поэт, хватит ли у него духа вообще что-нибудь рассказать. Сами стихи его совершенно не интересовали. А у девушек было простое любопытство, ведь литературную ценность стихотворений они вряд ли бы оценили по достоинству. Сам Антон всё это прекрасно понимал, как и понимал то, что его стихи это откровенный шлак, который нельзя назвать полноценным творчеством. Но, несмотря на все эти факторы, включая личную застенчивость, он решился продекларировать своё произведение. То, которое

ему нравилось, несмотря на всякие шероховатости и кривизну. И которое он помнил наизусть.

Тихо, чтобы люди, сидящие за соседними столами, его не слышали, он произнёс текст стихотворения «Обречённость» с выражением и без запинок:

«Ветром холодным зима
Запутала ветви деревьев
И осталась молчать до утра,
В мои слова не поверив,
Что кричал в пустоту,
В темноту, захлёбываясь горем –
Верните мне мою мечту!

Но её я не достоин...
Тихо смотрела луна,
Как душу рвало на части,
Где белой проседью льда
Замерзало чужое счастье.

Прятали звёзды глаза
Веками серых облаков...
Как душил в себе облики зла,
Как ждал я в себе холодов!
Но болезненно таял лёд,
Оставляя на сердце шрамы.
Их весна теплотою сотрёт,
Но далека она и нежеланна...»

Разумеется, никаких аплодисментов и даже одобряющих

возгласов он не услышал. Все воздержались от комментариев по поводу услышанного. Вроде бы кто-то из девчонок сказал: «молодец, хорошо». Зато разговор постепенно менялся на более приземлённые темы, чем поэзия обречённости, что, в принципе, порадовало Антона – ему не нужно было больше краснеть от внимания к своей творческой личности.

Каждый воздержался от каких-либо оценок творчества Антона по своей причине. Роману было скучно, он стихотворение не слушал, а шутить по этому поводу ему надоело. Инна тоже практически не слушала, она отвлеклась на свои мысли, да и в целом упадническое настроение услышанных строк ей было совершенно неинтересно. Аня выслушала всё целиком, но не смогла состыковать в своём разуме идею повествования с какими-нибудь своими мыслями, и ей не захотелось спрашивать, о чём именно это стихотворение.

После короткой паузы все принялись обсуждать последние новинки кинематографа. Договорились через неделю всей компанией сходить на какой-нибудь фильм, а после снова продолжить общение в кафе. И вот, когда дружеская посиделка подошла к концу, молодые люди разделились на пары: Рома с Инной пошли пешком до дома девушки, а Антон с Аней отправились на трамвайную остановку.

Анна жила значительно дальше, чем её подруга, и Антон не мог её не проводить, тем более девушка ему понравилась. Она действительно была хороша собой – пепельные длинные волнистые волосы, зелёные глаза, ямочки на щеках. Парень

успел оценить и её нижнюю часть фигуры, когда они заходили в быстро подоспевший к остановке трамвай.

Но, несмотря на то, что Аня была положительно настроена на общение с Антоном, он не спешил выбрасывать из своего сердца Инну. Девушка родного старшего брата больше тревожила его разум, как бы молодой человек не пытался забыть про неё. Разумеется, у него ничего не выходило, ведь Инна постоянно была в поле зрения юноши – они учились в одной группе на очном отделении, к тому же она часто бывала у них в гостях. Но что он мог сделать?

Женский пол не обращал внимания на Антона, да и он не пытался завести новые знакомства. Но сегодня судьба преподнесла ему подарок – симпатичную девушку, которая охотно смеётся над его нелепыми шутками и поддерживает интерес в разговоре. Ещё она постоянно поправляла волосы, хотя те не мешали ей. Отводила взгляд, когда Антон осмеливался взглянуть на неё. Трогала его за рукав, когда вела с ним беседу. Непринуждённо теребила в руках махру шарфа. Судя по всем этим факторам, которые успел зафиксировать парень – он ей нравился. Это было приятно осознавать, ведь ещё никто к нему не испытывал такого явного интереса. Были знакомые девушки, с которыми он даже целовался пару раз, но это всё осталось в старших классах школы. Как только он поступил в медицинский, всё изменилось: старые знакомства потеряли перспективу и забылись, зато появился интерес к сокурснице.

Инна не догадывалась о том, что одним своим присутствием вгоняла парня в крайнее смятение, одновременно являясь самой главной отрадой его глаз. Он долго пытался придумать хороший план, который бы позволил завести дружеские отношения, постепенно переходящие в любовные. Или хотя бы позволили всё не испортить. Сколько глупостей тогда было в его голове! Он пытался понять, изучая литературу по психологии отношений между мужчинами и женщинами, нравится ли он хоть немного этой милой брюнетке. Зато благодаря этим знаниям он смог определить влечение Ани к нему, ну а за Инной парень подобного поведения не замечал. Да и не было повода – девушка была всегда одинаково приветлива со всеми, но не давала никаких намёков на симпатию.

Антон боялся проявить чувства. Однако со временем понял, что Инна не только красивая девушка, но и хороший человек. Но он надёжно держал взаперти своё влечение, не давал поводов обозначить наличие столь трепетных переживаний в своём сердце.

Но однажды судьба подарила Антону шанс – преподаватель дал серьёзную лабораторную работу, которую было необходимо выполнить в паре. И так получилось, что они с Инной оказались вынуждены совместно проделать большое исследование. Радости парня не было предела, но, разумеется, внешне он никак на это не отреагировал. Девушка сама предложила выбрать, где именно они допишут ту часть рабо-

ты, которую не успели сделать на парах. В вариантах ответа было кафе, либо у кого-нибудь дома. Здесь Антон допустил роковую ошибку, пригласив Инну к себе. Ведь денег на кафе у него не было, а дома было пусто – родители допоздна на работе, а брат был на гулянке. Пойти к ней он постеснялся. Девушка, не смущаясь, приняла предложение, и они отлично провели время. Он напоил её ароматным чаем, сделал бутербродов, угостил печеньем. Они много смеялись, попутно успешно выполняя задание.

Ласковое солнышко ранней весны ярко освещало комнату, но потом совершенно незаметно наступил вечер, и Инна с готовым отчётом собиралась домой. Тогда и вернулся с гулянки Рома. Немного пьяный и очень весёлый. Видимо этим он и покорило сердце девушки. Он сразу завоевал её внимание, и вот, с весны до этих холодных ноябрьских дней они вместе, а Антон остался в досадном одиночестве со своим неостребованным чувством. Он злился на брата, на Инну, на судьбу, на себя... но внешне оставался дружелюбным, спокойным парнем.

Его чувство со временем не гасло, не испарялось. Оно продолжало полыхать ярким пламенем в его груди. Зато теперь у него появился хороший шанс немного улучшить личную жизнь, пусть даже если радость первой настоящей близости ему придётся ощутить с другой девушкой. Но он был готов испытать новые чувства. Даже если они были слабее чувств к Инне.

– Почему ты такой грустный? – внезапно спросила Аня, когда они с Антоном оплатили проезд и встали на пустующей задней площадке трамвая, не найдя свободных парных мест.

Вопрос удивил парня, ведь ему казалось, что сегодня он совершенно точно не был грустным, а наоборот пребывал в весьма приподнятом настроении. Если только общее состояние не выдали его стихи. Ане он тоже показался мрачным. Как и Инне, когда они стали больше общаться.

Антон не сразу нашёл подходящие слова для ответа:

– Я не считаю себя грустным, но если ты так думаешь, то пусть и буду таковым. Есть люди по своей природе весёлые, а есть грустные. И не обязательно на это должна быть какая-то веская причина.

– Просто ты какой-то задумчивый, когда отвлекаешься от разговора. Вдруг тебя что-то сильно тревожит, а рассказать некому.

– Да нет, – неуверенно сказал Антон. – Все мои тревоги на поверхности: учёба, мысли о будущем. Совершенно ничего особенного.

Открывать душу ему не хотелось, но если разговор принял бы более развёрнутый характер по данной теме, то парень нашёл бы о чём соврать, не вдаваясь в подробности о более глубоко осевших в сердце переживаний.

Аня сделала свой вывод:

– Ну, если все твои тревоги на поверхности, то, получает-

ся, тебе нечего скрывать?

– Скелетов в шкафу у меня нет. Разве только есть старая свихнувшаяся бабушка, которая по ночам подходит к моей входной двери в квартиру и тусуетя там.

– Та самая, что в мусоре ковырялась? Зачем ей это?

– Да, она. Не знаю. Она просто стоит и ничего не делает, аж жуть берёт. Видно, задели её мои стихи, ждёт новых творений – отшутился Антон.

Девушка удивилась поведению пенсионерки, посетовала на её старческое слабоумие. Она посоветовала Антону, что когда в следующий раз её застучает посреди ночи за тусовкой у его двери, спросить прямо в лоб – какого чёрта она здесь делает? Парень согласился с этой идеей, но ему не хотелось говорить о том, что ему было очень жутко, когда он застал её за этим занятием.

Некоторое время они ехали молча. За окном мерцал огнями вечерний город. Они ехали по самым живописным местам исторического центра, но что-либо разглядеть, кроме огней, было сложно – мешало тусклое освещение салона трамвая, которое отражалось в чёрном окне транспортного средства. Ещё в этом своеобразном зеркале виднелись две фигуры – парня и девушки. Трамвай немного покачнулся, и они ненадолго соприкоснулись на поручне пальцами рук. Чтобы немного снять неловкость ситуации, парень тут же одёрнул свою худую конечность и поправил съехавший на бок капюшон куртки девушки. Она спросила:

– Тебе нравится Инна?

Этот вопрос заставил Антона поднапрячься, но он решил говорить только правду, не вдаваясь в более глубокие подробности. Он ответил, не выдавая никакого волнения:

– Да, она очень красивая девушка.

– А я? – Аня улыбалась.

– И ты очень красивая, милая и очаровательная, – улыбнулся в ответ Антон.

– Я сейчас покраснею, – сказала она и совершенно не покраснела. – А кто из нас красивее?

Вопрос показался Антону наивным и глуповатым. Он решил не отвечать на него, а задал встречный вопрос:

– А кто из нас красивее: я или Ромка?

Аня ответила:

– У вас похожие черты лица. Но твой брат более спортивно развит, это нравится девушкам. Но если судить по его разговорам, то он кажется немного поверхностным человеком. Я не говорю о его умственных способностях, просто у него какие-то прямолинейные и жёсткие взгляды на жизнь. А ты кажешься более мягким, более душевным, более вдумчивым. Тебя интересует жизнь во всех её проявлениях. Поэтому ты пошёл учиться на врача, а не как брат. Ты более лояльно относишься к людям, из тебя получится хороший специалист, который к каждому пациенту будет относиться внимательно.

Когда Антон дослушал эту ахинею с его психологическим

портретом, объявили их остановку и они приготовились к выходу. Про свой первоначальный вопрос девушка забыла.

Антон проводил свою новую знакомую до дома – от остановки он находился совсем недалеко. Аня закурила и предложила парню тоненькую сигарету. Он не отказался, потому что сам иногда этим баловался, но очень боялся, что это баловство перерастёт в серьёзную привычку.

Как-то так само получилось, что на прощание они поцеловались в губы. Сам поцелуй оказался недолгим, но для Антона прошла целая вечность. Ему было очень приятно и как-то неловко. Девушка первая отпустила его из своих объятий, попросила его быть осторожным и поторопиться, ведь трамвай скоро должен развернуться и поехать обратным маршрутом, а следующего за ним можно было не дожидаться из-за позднего времени. Они договорились созвониться, когда он приедет домой.

Обратно парень ехал в очень хорошем настроении в практически пустом трамвае. Он слушал музыку в наушниках и думал о возможном будущем с Аней. Его светлые мысли прервали воспоминания об Инне. И о том, как он придёт домой, а брат с довольной улыбкой будет лежать на кровати и чем-нибудь заниматься в планшете. Он ненавидел эту его довольную улыбку, которая всегда появляется на лице Ромы, когда он долго провожает Инну до дома. Или гостит у неё допоздна, пока её родители на работе. И сегодня должен быть такой же вечер, когда после всех неприятных переживаний Антон

в очередной раз будет подолгу и с особенной злостью убивать врагов в своей любимой компьютерной игре, слушая в наушниках жёсткую и агрессивную музыку. Эти мысли омрачили ему настроение, и он зашёл в круглосуточный ларёк, чтобы купить сигарет. Сегодня он разрешил себе покурить. А Инна ведь не курит.

Приобретя отраву, он направился домой, радуясь, что не привлёк внимание местной гопоты, которая всегда крутилась у этого злачного места. Более крепкая, чем у Ани, сигарета расслабила его разум, и на некоторое время он погрузился в приятное состояние любования окружающей его мрачности. Пустая скамейка у подъезда, чёрные окна первых этажей. Голые деревья, мусорные баки, припаркованные автомобили. Всё знакомо и привычно. И всё нормально.

Он вытащил из-за пазухи снятые ещё в трамвае очки, надел их. Мир вокруг преобразился, став более чётким. Появились новые детали, которых раньше он не замечал. Всё-таки стоит иногда начинать новую жизнь. Даже мрачные последние дни ноября подходили для этого дела.

* * *

В это же самое время Влад лежал в своей кровати и не мог уснуть. Ещё никогда раньше знакомая домашняя обстановка не была такой жуткой. Тикали настенные часы, мешая сконцентрироваться на чём-то спокойном и приятном. Появились какие-то новые шумы и скрипы в том доме, в котором он прожил основную часть своей жизни.

Они с женой приобрели эту квартиру, когда дом ещё считался новостройкой. С неописуемой радостью и чувством полного восторга они переехали сюда из коммуналки. Это был такой грандиозный праздник. Через несколько лет родилась Агата и ощущение счастья стало ещё полнее, ещё ярче.

Это были самые счастливые годы, которые закончились в тот момент, когда Влад узнал о страшном диагнозе его жены. Дочь была достаточно взрослой, чтобы всё понимать, но она до конца не верила в то, что должно было неизбежно произойти. Ей было очень тяжело, она даже не смогла поехать на кладбище в день похорон, потом долго об этом жалела. Старалась как можно чаще посещать могилу – когда они приезжали на дачу, она брала велосипед и уезжала. С самой ранней весны до поздней осени Агата ухаживала за местом захоронения своей матери, находящимся на старом кладбище на окраине деревни под названием Ближняя Топь. Места были глухими, но не такими заброшенными, как ещё более далёкая деревня Дальняя Топь, где леса, болота – потеряться там было так просто, но она же знала дорогу...

Теперь Влад утешал себя тем, что его жена просто забрала её с собой и им там очень хорошо вдвоём. И ещё они очень ждут Владислава к себе, а он пока что-то не торопится. Он иногда просит его забрать, но его не забирают. А он очень просит. Как бы ему не было жутко от этих своих просьб.

А ночь тихо скрипела половицами, завывала в вентиляцию ветром и стучала в окно редкими каплями дождя. Ожи-

далась зима.

Глава 5

На второй день знакомства Антон и Аня сходили в кино-театр одни. Причём, на культурном походе настояла сама девушка – парень планировал провести этот вечер перед монитором компьютера. И он не пожалел о том, что сменил своё решение.

Аня проявляла инициативу во всём, и это не могло не понравиться. У Антона Кошкина даже создалось впечатление, что он действительно очень нужный и интересный человек, по крайней мере, для симпатичной блондинки. И, по всей видимости, ему пора избавиться от комплексов по поводу своей внешности, ведь девушка питала к нему вполне, казалось бы, искренний интерес. Она целовала его, прижималась к нему, брала его за руку.

Но единственное, что его продолжало смущать – паузы в разговорах. Парень не знал что сказать, чем заполнить возникшее молчание, чем убрать эту неловкость. Ему казалось, что девушка не должна скучать рядом с ним. И как бы она к нему не была благосклонна во внимании, некоторые разговоры быстро заканчивались, не получив должного развития ввиду того, что Аня не хотела или не могла их полноценно поддержать. Ей были чужды размышления о жизни с духовной точки зрения, а ничего интереснее он пока предложить не мог.

Как бы всё хорошо не складывалось на данный период времени, ему было грустно. Он не мог почувствовать себя счастливым, он привык быть несчастным и обделённым. Ухудшалось его состояние и от вполне элементарных причин – рядом с Аней он чувствовал тот контраст, который возникает в сравнении разных человеческих миров. Когда люди проживают вместе одно и то же определённое количество времени, одни и те же события, но смотрят на них с совершенно разных углов своего мировоззрения.

Когда они остановились возле дома девушки, чтобы поцеловаться на прощание, Аня спросила:

– Может, пригласишь меня завтра в гости? У меня будет всего две пары, и я могла бы к тебе заехать после учёбы. Или мы могли бы с тобой прогулять этот день, что скажешь?

– Блин, у меня завтра последними парами предмет, который можно сдать без гемора только если всегда посещаешь пары, препод просто зверь...

Антон не любил и не умел прогуливать. Но теперь ему ужасно захотелось это сделать, но разум, как будто бы заранее озвучил этот отказ.

Девушка помолчала, потом ответила:

– Знаешь, Антош, ты меня сейчас так сильно обидел.

Она развернулась и ушла домой. Парень в недоумении смог крикнуть ей вслед:

– Да что я сделал-то?

Но девушка даже не обернулась.

Когда он ехал домой в трамвае, то написал Ане сообщение с извинениями, пообещав ей в следующий раз пожертвовать учебным временем на их встречу, с оговоркой на то, что прогул будет у кого угодно, но только не у этого преподавателя. Девушка ничего не ответила, а парня немного насмешила её обидчивость.

Перед своим подъездом он выкурил сигарету и зажевал её фруктовой жвачкой. На улице было темно. Выпавший утром снег красиво блестел в свете уличного фонаря.

Зайдя в подъезд, Антон попытался вызвать лифт, но тот не торопился к нему приезжать, он сломался. Пришлось подниматься по лестнице, минуя тускло освещённые этажи панельного дома. Где-то света вовсе не было, но Антона это не пугало. Он думал о том, насколько сильно обиделась на него его девушка. Его девушка. Как непривычно было для Антона это словосочетание.

В этих раздумьях он преодолел очередной этаж, и в полумраке этажа следующего он увидел небольшой огонёк. Огонёк был не похож на мелькание сигареты. Это было какое-то синеватое свечение. Парень остановился и прищурился – сегодня он был без очков и контактных линз. Но вскоре огонёк плавно уплыл куда-то вбок, за лестничный проём.

Антон Кошкин сделал несколько неуверенных шагов, потом ещё. Поднялся на этаж, прошёл его, потом вернулся и заглянул за угол. В нос резко ударил запах старой одежды. Очень неприятно. Но неприятнее было то, что в сумраке

виднелась фигура той самой старухи, что любила ночами стоять под его дверью. Она была вся в чёрном, под тенью её платка невозможно было различить черты лица.

В тишине вечернего подъезда слышалось её дыхание. Тяжёлое, медленное. Будто что-то раздувает и сдувает влажные, липкие лёгкие каким-то скрипучим механизмом. Всё это было жутко и противно одновременно. Зато никаких синих огоньков уже не было.

Парень решил не преграждать ей дорогу и просто убежать. Но из вежливости и испуга Антон сказал:

– Здравсьте.

Старуха ничего не ответила, но когда он попытался скрыться, та очень чётко и хватко поймала парня за локоть. Ему пришлось резко остановиться, потому что бабушка достаточно сильно сжимала его руку в локтевом суставе и освободиться отмашкой бы не получилось.

Старуха проговорила:

– Не верь ей. Нет. Она тебя обманывает. Да.

Её голос был странным. Булькающим, будто рот был полон слюней. Она говорила так, будто язык был для неё неродной, и ей пришлось заучить эти фразы, смысла которых она не понимала.

Парень боялся посмотреть на неё. Он стоял в оцепенении, ругая себя за то, что решил сделать несколько шагов назад, чтобы посмотреть, что скрывает темнота. Он отвернул голову в сторону, как когда-то давно, когда на него наехали гоп-

ники, и он стоял и молчал, также повернув голову в бок, судорожно пытаясь придумать ответы на неудобные вопросы.

Хватка женщины ослабла, немного сменился и тон. Понималось любопытство в её словах:

– Ты пишешь мысли в бумагу про чужую смерть и как-то убиваешь. Не понимаю. Нет. Ты ведь можешь же убивать. Да. Много, часто, что-то...

Он осмелился посмотреть на неё и смог увидеть уставившееся на него морщинистое лицо с абсолютно чёрными, слезящимися глазами и выливающейся изо рта тягучей слюной.

От омерзения Антон с силой оттолкнул старуху. У него было ощущение, что он ударил ладонями мешок с костями. Но, несмотря на сильный толчок, старая женщина осталась твёрдо стоять на месте.

– Отстань от меня, старое дерьмо! – кричал и убежал Антон.

Дома родители уже готовились ко сну, брат тоже лежал в кровати и что-то читал на планшете. Антон решил ни с кем не обсуждать этот инцидент и засел за компьютер, чтобы скоротать немного времени за игрой.

В очередной раз он увлёкся медитативным убийством виртуальных врагов и не заметил, как просидел за этим занятием несколько больше намеченного времени. Все уже спали.

Он сходил в туалет, а на обратном пути посмотрел в дверной глазок. Старуха, уже привычно, стояла у двери семей-

ства Кошкиных, и, казалось, что она улыбается.

Это было совсем не смешно. На следующий день Антон запланировал серьёзно поговорить на эту тему с отцом.

Новый день выдался не простым в плане учёбы – пришлось значительно задержаться. Зато на выходе из универа Антона догнала Инна, и они вместе отправились по домам, благо жили недалеко друг от друга.

Выпавший вчера снег снова растаял и на улице было мокро. Но всё ещё впереди – календарная зима только началась.

Инна поинтересовалась у Антона:

– Расскажи, как у вас с Анькой-то дела?

– Да ничего, – ответил Кошкин. – Вчера немного поругались. Точнее, она на меня обиделась, что я не смог сегодня прогулять учёбу. Но сегодня сообщения писала, как ни в чём не бывало. Вот как вас, девушек, понимать?

– А зачем тебе нас понимать? Будет тривиально, если скажу, что девушек не нужно понимать, их нужно любить. А если по сути, то в данном случае понимание отнимает интерес. Такие дела.

Инна улыбалась, Антон был серьёзен.

– Наверное, ты права, – согласился парень. – Но всё равно эта игра в понимание-непонимание порой очень отравляет жизнь некоторым парам.

– Может быть. Вон твой братец сначала обещался встретить меня сегодня с учёбы, потом решил попить пива с другом. Вот, бывает же непонимание не только между людьми,

но и между одновременными желаниями одного человека – то ли девушку свою встретить, то ли пива попить.

– Вот негодяй! – сокрушался Антон. – Давай я тебя провожу?

– Если тебе нечем заняться, то пошли, всё равно по пути и недалеко...

Погода была комфортной – не было ни ветра, ни осадков. Быстро стемнело, зажглись уличные фонари. Молодые люди шли и вели непринуждённую беседу.

– Тебе нравится Аня? – поинтересовалась Инна.

– Да, – засмутился Антон. – Она достаточно красивая девушка.

– Достаточно для чего? Чтобы влюбиться? Переспать? Или жениться?

– Не замечал раньше за тобой интереса к теме «переспать», – сказал Антон.

– Если я не говорю об этом, то это не значит, что меня эта тема не интересует. Хотя здесь ты, похоже, грамотно намекнул, что это уже не моё дело.

– Нет, что ты, – глупо осёкся Антон. – Просто мне казалось, что ты избегаешь пошлых тем.

– Я о них просто не веду бесед с кем попало, – несколько грубо сказала Инна. – Да и здесь не было никаких пошлостей в вопросе. Меня совершенно не интересуют интимные подробности ваших отношений. Это образный вопрос. Мне только хотелось узнать, для чего достаточно красива моя по-

друга. Только и всего.

– Ох, извини, – нелепо отозвался Антон и попытался отшутиться, – видимо мои мысли совсем не о том.

– Значит, твои мысли пока не находят своей реализации. Ладно, забей. Это всё не так уж и важно.

– Я просто не знаю, что ответить. Ты ставишь меня в неловкое положение, чтобы я предпринял какие-то оценивающие эпитеты по отношению к твоей подруге...

Инна привела свои доводы:

– Она же моя подруга. Я хотела бы знать, что ты серьёзный парень и не бросишь её просто так.

– Вообще-то я серьёзный человек. Думал, ты меня знаешь.

– Откуда мне тебя знать? Я брата твоего ещё не полностью знаю, а наши отношения с тобой весьма поверхностны. И единственное, за кого я могу осознанно говорить, так это только за саму себя. Просто за последние дни я открыла заново свою подругу. Она как-то очень серьёзно отнеслась к вашим отношениям. Раздумывала о будущем...

– То есть, я ей не безразличен? – Антон неосознанно вёл себя глуповато. Так получалось.

– Да... ты даёшь стране угля! Я вижу, что она чуть ли не под венец с тобой идти хочет. Она мне и раньше говорила про семью, много раз, но только теперь я вижу, что появился кое-кто, с кем она может себя видеть в роли жены. Только я тебе ничего не говорила!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.